

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КЫРГЫЗСТАН
1/2011

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. А. АКЧУРИН

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Е. Г. КОЛЕСНИКОВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

О. И. РЯБОВ

На первой стр. обложки: фрагмент картины

О. Идрисова «Качели»

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны:

62-16-05, 62-16-01

E-mail: literary_kyrgyzstan@rambler.ru

Эмиль Каптагаев .Вместе с Россией	4
ПРОЗА	
Николай Труханов .Паруса, голые ветра. Рассказ	14
Александр Камышев. Повесть о деревенской любви. Рассказ	44
Дмитрий Ащеулов .Пароход, Здесь был я. Рассказы	64
Олег Бондаренко.Арбузная сказка. Сказка про Ивана. Истории о призраках.	78
ПОЭЗИЯ	
Михаил Рудв. До той черты...	102
Вячеслав Шаповалов. Дней непоправимое скольжение...	107
Александр Никипенко Знак	116
ПУБЛИЦИСТИКА	
Турар Койчуев. Русский язык – наше вчера, сегодня и завтра.	128
Валерий Сандлер. Кому нужен берег турецкий.	132
Алексей Агибалов .Как я перезимовал лето.	140
КУЛЬТУРА	
Георгий Хлыпенко Знакомьтесь: Дмитрий Ащеулов писатель	179
Элеонора Прояева Ковшик «Ковчег»	192
Коротко об авторах	200

Э тот номер «Литературного Кыргызстана»
выпущен благодаря поддержке
П осольства России в Кыргызской Республике
и «Россотрудничества»

ЭМИЛЬ КАПТАГАЕВ

ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ

Под занавес минувшего года в Москве состоялся Международный Форум «Роль народной дипломатии в развитии международного гуманитарного сотрудничества», посвященного юбилею Россотрудничества. На нем выступил руководитель Аппарата Президента Кыргызской Республики Э.С. Каптагаев

В череде затронутых им проблем, как нынешних, так и предстоящих – образовательные, культурные, межнациональные, которые рассматриваются автором с позиций сегодняшних реалий, когда эмоциональная декларативность уступает место сдержанности и прагматичности.

Активные процессы глобализации, а также распада казалось бы устоявшихся цивилизационных конструкций в сегодняшнем мире сопровождаются усилением поиска культурных, этнических, религиозных идентичностей. Наступило время открытого диалога о перспективах междивизиационных отношений, о роли этно-религиозных факторов в политике, о конфликтах традиций и мировоззрений, которые порою перерастают в настоящие битвы и продолжительные локальные войны.

Поиски ответов на новые вызовы и угрозы заставляют нас с пристальным вниманием отнестись к гуманитарным аспектам сотрудничества, растет понимание и осознание того, что именно эти аспекты несут объединительные импульсы и становятся основой современных международных экономических и политических отношений.

Гуманитарное сотрудничество открывает широкие возможности для нахождения практических шагов в построении «конструктивных альянсов» взамен когда-то провозглашенному «столкновению цивилизаций». На просторах СНГ, в частности, в Центрально-азиатском регионе, в истории отношений Кыргызстана и России уже существует богатый опыт сотрудничества и интеграции.

У наших народов в течение столетий была общая история, общие судьбы, одни на всех страдания и радости, что, по нашему убеждению, является хорошей и крепкой основой для укрепления гуманитарного сотрудничества и дальнейшего углубления интеграционных процессов.

У кыргызов есть пословица: «Элії жылда эл жаўы, жіз жылда жер жаўы», что означает – «За 50 лет народ обновляется, за 100 – земля». Да, время берет свое, все мы в течение последних 20 лет живем в условиях независимости. Поколения, которым сейчас под тридцать, воспринимают друг друга как иностранцев, граждан разных стран. И это тоже ставит на повестку дня вопросы сохранения общей исторической памяти, общего культурно-образовательного созидательного пространства.

За все годы независимости Кыргызская Республика неустанно поддерживает традиционные братские, открытые и толерантные отношения с Россией. Российская Федерация была и остается для нас стратегическим партнером, отвечающим долговременным интересам внутреннего и внешнего развития нашей страны.

Благодаря поддержке со стороны кыргызского государства в нашей республике сегодня работают Русские центры, созданные российским фондом «Русский мир» в партнерстве с ведущими мировыми образовательными и просветительскими учреждениями. Нормативное закрепление официального статуса русского языка в законодательстве Кыргызской Республики наглядно демонстрирует стремление властей создать все необходимые условия для сохранения и распространения русского языка в Кыргызстане.

Мы также понимаем, что популяризация русского языка может идти нога в ногу с мерами, принимаемыми в нашей стране по развитию государственного кыргызского языка. Есть хорошие примеры, которые позволяют увидеть, что функционирование го-

сударственного и русского языков не противоречат, а наоборот, дополняют друг друга. Подобным примером является постановка спектакля «Сказание о Манасе» на русском языке, осуществленная коллективом Государственном русском театре драмы имени Чингиза Айтматова. Традиционными в Кыргызстане стали Дни славянской письменности и культуры, которые в этом году прошли по инициативе Общественного объединения кыргызстанских преподавателей русского языка и литературы. В рамках мероприятия был проведен Международный лингвистический форум «Русский язык – язык мировой науки и профессионального образования».

Хорошо понимая, что поступательное развитие Кыргызстана неразрывно связано с эффективной системой образования, мы всячески содействуем как развитию русского языка, так и сотрудничеству с Российской Федерацией в области образования. Флагман кыргызско-российского партнерства – Кыргызско-Российский Славянский Университет, основанный в 1993 году, входит в пятерку лучших университетов Кыргызстана, а его выпускники востребованы на рынке труда, как нашей страны, так и за рубежом. У нас также функционирует Кыргызско-Российская Академия образования и 7 филиалов российских вузов. Тысячи кыргызских студентов обучаются в гуманитарных, технических и военных вузах России.

Несомненно, в республике много делается по гуманитарному сотрудничеству с Россией, другими странами СНГ. В этом есть определенные успехи, есть чем похвастаться. Но я хотел бы акцентировать внимание на том, как и в каких направлениях можно было бы существенно улучшить эту деятельность.

Во-первых, в образовательной сфере. На мой взгляд, в ней не хватает системности, стратегического видения. Современное образование в большей степени ориентировано на молодежь, которая собирается в последующем выехать за пределы Кыргызстана, используя наличие российского диплома. Сказанное в равной степени относится и к учебным заведениям, находящимся у нас, в Кыргызстане, и – в России.

Сегодня для Кыргызстана, как и для России, важнейшим вопросом ближайших лет становится модернизация страны, которая немаловажна без реформирования всей системы обра-

зования и создания новой базовой основы с учетом новейших технологий. Российская высшая инженерная школа была и остается конкурентоспособной в глобальном масштабе. Усиление сотрудничества в данном направлении, увеличение потока кыргызских студентов и аспирантов в вузы России, имеющие современные и продвинутое программы подготовки инженеров в разведке и добыче полезных ископаемых, строительстве и ремонте транспортных и инженерных коммуникаций могло бы стать одним из приоритетов партнерства на кратко- и среднесрочную перспективу. Подготовка молодых ученых на базе передовых научно-исследовательских центров России, реализация совместных исследовательских проектов по актуальной тематике, представляющей взаимный интерес, в том числе в области энергетики, экологии, технологий энергосбережения и использования альтернативных источников энергии – видятся как перспективные и важные.

Кыргызстан заинтересован также в сохранении и развитии многостороннего сотрудничества в области образования в рамках Содружества Независимых Государств. Шаги, которые уже были предприняты Межгосударственным Фондом гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ, такие как «Трансфер образовательных технологий в технические вузы стран СНГ», издание учебников и учебных пособий на языках стран СНГ, создание Сетевого открытого университета, стали первым и удачным опытом совместной работы.

Главной составляющей сотрудничества в области образования может быть принцип сетевого партнерства, при котором успех каждого становится достоянием всех. Высокая эффективность сетевого принципа обусловлена возможностью каждой из наших стран получить доступ к самым современным технологиям обучения через совместную деятельность в различных сферах образования.

Таким образом, если мы хотим сохранить ту общность, о которой я говорил вначале, мы должны реформировать систему, изменить ее внутреннее содержание и принципы достижения целей. В этой связи необходимо начать выстраивать целостную сеть, наподобие международных сетей образования, и создавать такие условия, чтобы у обладателя диплома не было осознанного желания покидать в поисках работы свою страну.

Во-вторых, отдельного внимания требует вопрос информационного взаимодействия наших стран. Кыргызстан находится в пределах российского информационного пространства. Нашим зрителям и слушателям доступны около двух десятков российских теле и радио каналов, пространство Интернет в республике ничем не ограничено. В этой связи мы заинтересованы в том, чтобы о нашей стране было больше объективной и беспристрастной информации, как на просторах СНГ, так и в России. Именно поэтому мы приветствовали бы различные проекты с вовлечением средств массовой информации, совместные теле и радио программы, особенно в области образования и культуры.

В этом году наши граждане на практике убедились в том, что количество и качество информации о Кыргызстане, поступающей в информационные пространства других стран, оставляет желать лучшего. И мы заинтересованы в налаживании информационного сотрудничества с нашими ближайшими партнерами, чтобы качественные и неангажированные потоки масс-медиа шли в обе стороны – из Кыргызстана, и в Кыргызстан.

В-третьих, особо хотелось бы упомянуть о сотрудничестве в сфере трудовой миграции. Россия стала для значительной части граждан нашей страны основной страной пребывания. В последние годы между нашими странами динамично развивается нормативная база, регулирующая вопросы миграции. Вместе с тем, весьма актуальным становится рассмотрение миграции с точки зрения гуманитарного сотрудничества. Культурная и языковая адаптация трудовых мигрантов в стране пребывания могли бы рассматриваться с долгосрочных позиций как представляющая общий интерес для наших стран. Лояльные к законодательству и культурным нормам трудовые мигранты стали бы таким же преимуществом для Российской Федерации, как владеющие двумя языками и имеющие квалификацию граждане для Кыргызстана. А поскольку большая часть кыргызских трудовых мигрантов возвращается на Родину, они, в определенном смысле, становясь распространителями стандартов русской культуры и языка, своего рода представителями «народной дипломатии». С этих позиций, сотрудничество между Россией и Кыргызстаном в отношении трудовой миграции видится взаимовыгодным.

В-четвертых, несколько слов о взаимодействии общественных институтов наших стран. В Кыргызстане существует более 30 общественных объединений российских соотечественников, консолидирующих, защищающих профессиональные и экономические интересы русской диаспоры. Совершенно очевидно, на наш взгляд, что у нас созданы максимально благоприятные условия по продвижению русской культуры, причем, не только в нашей стране, но и в центрально-азиатском регионе. Именно в Кыргызстане проходит большая часть форумов, конференций, семинаров, симпозиумов и других мероприятий, инициированных и организованных общественными организациями российских соотечественников. Предпочитают Кыргызстан и организаторы международных форумов с участием ученых из России и стран СНГ. Совсем недавно, в конце ноября 2010 года, в городе Чолпон-Ата на Иссык-Куле прошла пятая региональная конференция российских соотечественников, проживающих в государствах Центральной Азии. То, что это событие состоялось в стране, пережившей за 2010 год ряд тяжелых, трагических испытаний, свидетельствует о признании Кыргызстана как страны, открытой для сотрудничества в гуманитарной сфере и приверженной принципам добрососедства.

В то же время дальнейшее партнерство в данной сфере в большей степени зависит от самих общественных организаций и их лидеров. Кыргызская Республика по праву занимает ведущее место в СНГ по степени развития гражданского общества. НПО в Кыргызстане стали важной составной частью общественного движения, влияющего на развитие страны в целом. Интеграция общественных объединений российских соотечественников в гражданский сектор Кыргызстана может дать новые возможности для сотрудничества и вывести его на новые высоты.

В-пятых, Кыргызстан – молодая страна, особенно по удельному весу молодых людей в общем составе населения. Кыргызская молодежь активно стремится участвовать в общественной, политической и экономической жизни государства. И не случайно, что сотрудничество в сфере работы с молодежью является для Кыргызстана актуальным.

В 2010 году впервые в Кыргызской Республике было создано Министерство по делам молодежи, которое, мы надеемся, со

временем станет ключевым ведомством в инициировании и реализации национальных программ, направленных на развитие потенциала молодежи в различных сферах жизнедеятельности общества. Несмотря на свою молодость, оно активно включилось в работу Совета по делам молодежи государств-участников СНГ. В ноябре представители министерства участвовали на очередном заседании Совета в Москве, до этого принимали участие в международном молодежном проекте «Мы – будущее СНГ» в рамках Всероссийского молодежного образовательного форума «Селигер – 2010» в июле, а в октябре того же года – на V Форуме творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ на тему «Инновационное и гуманитарное партнерство – основа динамичного развития стран СНГ».

Приоритетными направлениями для сотрудничества в данной сфере для Кыргызстана будут инициативы по развитию интеллектуального потенциала молодежи, молодежные лидерские программы, программы по толерантности и межкультурному диалогу. Именно молодое поколение, выросшее вне рамок прежних идеологических и пропагандистских стереотипов, может стать действенным и эффективным проводником народной дипломатии, поскольку оно устремлено в будущее, более открыто, легче отказывается от различного рода клише и предрассудков. В силу этого, молодые люди, оставаясь «наследниками» своей цивилизации, могут полноценно и осознанно воспитывать в себе способность к межкультурному диалогу.

Вовлечение молодежи из стран-партнеров по гуманитарному сотрудничеству в волонтерские программы для совместной деятельности, а также для популяризации культур и языков в глубинке Кыргызстана, я уверен, станут замечательной традицией культурного и образовательного обмена и ресурсом в укреплении взаимопонимания и мира.

Вполне осуществимыми могут быть совместные проекты по развитию «культурно-познавательного» туризма, особенно среди молодежи. Учитывая исторический интерес, потенциальными туристическими пунктами в России всегда были для граждан Кыргызстана Алтайский край и города-побратимы, а для российской стороны – Исык-Куль и высказгорье Ала-Тоо. Кроме этого, надо помнить, что наша республика обладает богатым опытом

организации международных летних лагерей, проведения молодежных форумов и «школ будущей элиты», все эти знания и навыки служат и еще послужат для общих целей сотрудничества.

В-шестых, традиционно плодотворным и успешным является партнерство наших стран в области культуры и искусства. Наше сотрудничество в этой части развивается динамично на основе двусторонних и многосторонних договоров и соглашений. За годы совместной работы в Кыргызстане гастроли оперных, балетных и драматических коллективов, цирка, эстрады и кино с участием российских артистов чрезвычайно тепло и с благодарностью воспринимаются нашими любителями искусства. Показ произведений российского и мирового изобразительного искусства из собраний музеев России всегда становятся важным культурным событием в нашей стране.

Дальнейшее сотрудничество деятелей искусства и культуры Кыргызстана и России в создании художественных и документальных фильмов, конечно же, внесет положительный вклад в сохранение общей исторической памяти и, что более важно, станет одним из ключевых направлений взаимодействия в будущем.

В этой связи хотелось бы особо отметить, что мы собираемся в наступающем году возродить традицию Исык-Кульского Форума, у истоков которой стоял наш выдающийся всемирно известный писатель Чингиз Айтматов. На новом этапе развития Исык-Кульский Форум, я убежден, станет площадкой обмена идеями для современных интеллектуалов, продвигающих общечеловеческие ценности и гуманистические идеалы, а также местом для дискуссий по актуальным гуманитарным проблемам.

В-седьмых, 2011 год объявлен в СНГ Годом историко-культурного наследия. У нас множество объектов, имеющих общую культурную и историческую ценность. Например, музей выдающегося путешественника и исследователя Пржевальского в г. Каракол, краеведческий музей и церковь дореволюционной постройки там же. Россия могла бы оказать поддержку этим объектам, чтобы они действительно были достойны во всех отношениях своей исторической миссии.

В данном контексте интересным могли бы стать и культур-

ное сотрудничество с торкоязычными народами России, организация взаимных обменов, творческих стажировок и этнографических экспедиций. Ведь популяризация богатого фольклорного наследия, шедевров материального и нематериального творчества способствуют взаимному обогащению, укреплению доверия и взаимного уважения.

В 2011 году Содружество Независимых Государств будет отмечать свое 20-летие. Кыргызстан наряду с другими членами СНГ, намерен участвовать в реализации большого плана, включающего в себя мероприятия в сфере культуры, образования, науки, информации и массовых коммуникаций, книгоиздания и его распространения, в области спорта, туризма, работы с молодежью. Также важным мы считаем наше участие в Межгосударственной программе «Культурные столицы Содружества», где Кыргызская Республика может представить историю своего древнейшего и культурного центра Ферганской долины – г. Ош.

И наконец, о совместных проектах по межконфессиональному диалогу и диалогу мусульманских сообществ России и Кыргызстана. На наш взгляд, эта тема может и должна стать полезной для укрепления сотрудничества и упреждения проявлений религиозного фанатизма и экстремизма в наших обществах.

Кыргызская Республика выражает свою высшую заинтересованность в сохранении и упрочении единого гуманитарного пространства в рамках СНГ. Мы понимаем важность этого направления и поддерживаем усилия Россотрудничества, учитывая, что все это является еще и важнейшей основой для углубления интеграции.

ПРОЗА

Николай ТРУХАНОВ

ПАРУСА, ПОЛНЫЕ ВЕТРА

Рассказ

Женька был самым обыкновенным мальчишкой. По крайней мере, внешне он ничем не выделялся: в меру быстр, в меру ловок и ростом был в погодков. Как и другие пацаны, зимой катался на лыжах, весной в первые ручейки талой воды пускал кораблики, сделанные из кусочка доски, с парусом из тетрадного листа. Играл в прятки, гонял мяч на пустыре, в лес ходил.. Учился средне – никогда не был отличником... Только, может быть, был менее общительным, никогда не кричал, если начинался спор... Было, было в нём что-то такое, что он таил от всех.

А таил он мечту стать моряком. Или кораблестроителем. Это случилось враз, когда ещё третьекласской увидел на огромной-огромной фотографии большой четырехмачтовый парусный корабль. Сразу изменилась его жизнь: стал захлёб читать книги о морских путешествиях: и про детей капитана Гранта, и про российских флотоводцев, и как два современных парусных корабля – «Коралл» и «Кальмар», – переходили из Ленинграда во Владивосток, и про пятнадцатилетнего капитана, и про пиратов, и про бегущую по волнам... Позже, когда стал постарше, он уже просматривал и специальные книги по теории кораблестроения, по самостоятельной постройке любительских судов. Так интересно было разбираться в линиях на чертежах, в схемах! Со временем они стали ему понятными, и по этим линиям Женька уже мог представить форму корабля...

А уж если попадались календари с изображениями парусников, то они сразу находили своё место в его комнате.

Ещё Женька стал строить модели, стараясь сделать их похожими на гордых красавцев, украшенных белоснежными парусами. Строил он эти маленькие кораблики с таким старанием, что отец, рассматривая их, похваливал сына:

– Молодец! Ишь, как ты мачты-то отделал! Гладенько да ладненько! Мать, посмотри, какой мастер растёт! Вырастет – меня заменит, – он был столяром и, конечно, мог по достоинству оценить работу сына.

Столяром он был, по-видимому, хорошим, потому что заказы у него не переводились. Жаль только, что иной раз после большой работы отец крепко выпивал и пил иногда по неделе, стуская почти все заработанные деньги. В пьяном угаре бил жену и сына. Страшно было, когда с дикими криками отец гонялся за ними! И перед соседями стыдно. А ещё – досадно, что мало, ох, мало сил у подростка, чтобы противостоять разбушевавшемуся мужику!

А куда деваться мальчишке в такие жуткие дни? Если не убегал к своему дружку – Серёге, то забивался в свою мрачную комнату с маленьким окошком, закрывался там и сидел, боясь, что одурманенный алкоголем до бесчеловечного состояния папаша вышибет дверь.

На всю жизнь он запомнил страшную картину: озверевший отец за волосы волоком тащит жену во двор, а потом пинает её ногами. Тогда, не помня себя, Женька изо всех сил хватил его тяжёлой дубиной по спине. Минутного замешательства пьяницы хватило, чтобы мать убежала, а Женька был жестоко избит. Как же он ненавидел папашу в дни его загулов, как хотел оказаться где-нибудь далеко-далеко, лучше всего на берегу моря...

Однажды в магазине игрушек Женька увидел коробку, на которой был изображён парусник. Зная наверняка, что на эту покутку денег ему не дадут, он стал экономить на мороженом, на кино, на школьных завтраках. Изнывая от нетерпения, каждый день пересчитывал: сколько там накопилось? Может, уже хватит? Возвращаясь из школы, всегда забегал в магазин посмотреть – там ли ещё этот парусник. Очень боялся, что какой-нибудь равнодушный, по его мнению, человек опередит его и унесёт с собой тайну. И, вот, наконец-то, переполненный счастьем,

Женька принёс домой эту коробку, с трепетом открыл... Поначалу даже испугался: как разобраться во всех этих пластмассовых деталях, как их соединить, чтобы получился кораблик под названием «Катти Сарк»? Потом, прочитав инструкцию, повеселел: справится, конечно же, справится! Ничего сложного нет!

Долго, почти месяц трудился Женька над моделью. Мелкие, чуть видимые части брать приходилось пинцетиком, и, приклеивая их, даже дыхание затаивать. Ведь иногда руки в последний момент делали произвольное движение, и какая-то деталь попадала немножечко, но на не своё место. Это так расстраивало Женьку, что он, не в силах продолжать склейку всех этих малюсеньких элементов, прогнул пару дней. Успокоившись, переделывал, стараясь сдерживать себя. Отказывался от кино, от игр с друзьями, телевизора и даже книг. Очень уж хотелось поскорее увидеть, что же получится. Откладывал работу только тогда, когда мама говорила, что уже поздно, а завтра с утра в школу... Или когда глаза начинали слипаться...

И вот наконец-то парусник был готов! Великолепный получился корабль – не то, что его предыдущие модели. Почти как настоящий, только маленький. Женька смотрел на дело своих рук и даже не верил, что смог всё это собрать! Он, улыбаясь, любовался моделью: стройные, высокие мачты, поддерживаемые тоненькими-тоненькими снастями, на мачтах – прямые белые паруса, треугольные паруса на носу и между мачтами, гордо приподнятый бушприт, узкий стремительный корпус! Красиво! Чудо какое-то! Радость от сделанного своими руками переполняла его, и Женьке захотелось, очень захотелось поделиться этой радостью ещё с кем-нибудь. Отец мутным взглядом окинул модель, пробурчал: «Баловство». А мама, вечно занятая по дому, только мельком глянула на парусник. Обидно! Тогда он решил показать кораблик своему другу – уж он-то должен оценить.

– Вот это да! – тот едва не задохнулся от восторга. – Как называется? «Катти Сарк»? А почему «чайный клипер»?

Он разглядывал модель со всех сторон и спрашивал, спрашивал, буквально заваливая Женьку вопросами.

– Жень, паруса классные получились! Этот корабль быстро плавал? – он взял модель в руки, – Ух ты, какие якоря! А для чего вот эта штука? – от неловкого движения маленький парусник вдруг

выскользнул и как-то медленно, как казалось Женьке, стал падать на пол. Но ни он, ни Сергей не успели подхватить кораблик.

И он упал! И разбился! Сломаны были мачты, перепутаны снасти, отлетели шлюпки, штурвал... В комнате повисла зловещая тишина. Столько трудов положено, а тут ничего не понимающий мальчишка грубыми руками хватает и ломает самое дорогое!

– Уходи! – только и сказал Женька, – Всё, ты мне больше не друг!

– Ну, я же нечаянно!..

Долго, очень долго не проходила обида. Встречаясь с Серёжкой в школе, сердито на него поглядывал или просто отворачивался. Даже когда кораблик был восстановлен, он ещё долго не разговаривал с другом. И показывать любимую модель кому-то ещё Женька уже не решался.

Только он сам, один любовался моделью клипера: ставил перед собой на стол и, улыбаясь, смотрел, смотрел... «Населял» парусник матросами, которые в самый свирепый шторм бесстрашно карабкались на мачты, ставили паруса под свист ветра в снастях, доверяясь стихии и опыту капитана... Даже завидовал им! А потом капитаном Женька сделал себя! Сквозь рёв ветра сам управлял кораблём, ориентируясь по компасу и звёздам, а его корабль с парусами, полными ветра, сквозь бури летел по восточным волнам далёких-далёких морей! И стиралась грань между реальностью и мечтой!

По-прежнему он много читал. Из книг узнал, что название корабля – это прозвище молоденькой ведьмы, бегущей по болоту, и означает «короткая рубашка». Но «Катти Сарк» звучало гораздо романтичнее! И лучше было не задумываться о переводе. Когда же из телевизионной передачи узнал, что во время ремонта этот, сохранённый с давних времен и превращённый в музей парусник по какой-то причине сторел, то едва не заплакал.

Однажды запыхавшийся Серёжка разыскал Женьку.

– Женька, скорее! Я сейчас встретил твоего папку. Пьяный! Он куда-то понёс твой кораблик. Ещё сломает.

От этого известия сердце мальчишки сжалось, предчувствуя беду. Сунув другу корзинку с малиной, что собрал за полдня в лесу, Женька побежал к магазину – где же искать того, кто за бутылку отравы готов продать всё. Он бежал изо всех сил! Не

хватало дыхания, а он всё бежал, бежал... Мелькали дома, заборы, канавы...

Рванулся к прилавку, когда продавщица уже протягивала отцу водку, схватил свой парусник и бросился к выходу.

– Убью! – раздался пьяный рёв за спиной. Его отец, родной отец, одурманенный алкоголем, схватил с прилавка нож и кинулся за сыном.

Нет, он не догнал Женьку, но на свою беду попался пьянице участковый...

Отца осудили на восемь лет. Мать, долгие годы скрывая в себе отчаяние от такой жизни, и которое, наконец, выплеснулось, оформила развод, продала их домик, в котором навсегда остался и страх, и проехала с сыном к своей сестре, которая жила где-то у моря. Женька никогда её не видел, не знал даже, старая она или не очень. Лишь время от времени приходили от неё письма, в которых та писала, например, что у них в городе в апреле зацвели каштаны, или что уже появились на рынке арбузы, если письмо приходило летом. Писала, что в октябре они ходят даже без пальто, а зимой снег – редкость.

Все свои модели, не помня обиды, он подарил Сергею. Все-все, кроме «Катти Сарк». Вместе они разглядывали парусные кораблики, и обоим было грустно...

– Знаешь, Женька, я тоже построю свой корабль. Такой же, как твой клипер. Рано или поздно, но построю! Ты только напиши мне, какое оно, море. Ладно?

В поезде было скучно – не побегаешь, а в окно всё время смотреть – надоедает. Надоедает смотреть, как провода то как бы скатываются вниз, то взбегают к очередному столбу, надоедает смотреть на танцующие деревья в перелесках или на проносящуюся совсем недалеко от поезда стену леса. Ещё скучнее становится, когда за окном до самого горизонта только степь и степь... И города, которые проезжали, Женька не разглядел, потому что мама не разрешала ему выходить из вагона во время коротких остановок. А что там увидишь, из окна-то? Только перрон.

За четверо суток, что добирались они до приморского города, где жила сестра матери, было только одно происшествие. Одно, но едва не оставившее глубокую рану на сердце Женьки.

Маленький, хрупкий парусник нельзя было упаковать ни в какую коробку, и на ночь подголову себе, как кошелек с деньгами – возможно было положить. Поэтому модель всё время стояла на столике «под охраной капитана». Менялись пассажиры на соседних полках, сновали люди по проходу... И почти все восторжались корабликом. Внимание взрослых наполняло Женьку гордостью, и только временами просыпалось еле слышимое беспокойстве за его сохранность.

И надо же, нашёлся злой человек, который ночью стащил парусник! И сразу мир опустел! Пустое, безжизненное пространство, наполненное равнодушными людьми, без его верной команды, без парусов, без океана! Женька метался по вагону и спрашивал, спрашивал у каждого: не видели ли его корабль, не знают ли, кто его взял...

Его жалели. И только. Поняв, что парусник пропал безвозвратно, Женька забрался на свою полку, отвернулся к стенке и горько-горько заплакал. Ему было стыдно, что он, такой большой и плачет, но удержаться не мог.

Чья-то рука коснулась его, он дёрнул плечом, отталкивая.

– Малыш, а малыш! Ты спишь? Пойдем-ка со мной, – он, повернувшись, увидел проводницу, пскорно слез и пошёл за ней, продолжая всхлипывать.

В её купе на столике стоял.. его чайный клипер «Катти Сарк»! Радость мощной волной захлестнула Женьку, он порывисто схватил свой кораблик и хотел было уйти, убежать, стрягать парусник ото всех, чтобы его никто-никто не смог бы ни найти, ни отобрать.

– Погоди-ка. Я его ночью отняла у одного дядьки. Не наш пассажир, не из нашего вагона. И вот что думаю: пусть он здесь постоит, пока едете. Здесь-то не пропадёт. А то найдётся ещё какой-нибудь нехороший человек...

Редко бывает так, что новый для тебя город сразу становится родным настолько, что даже на его окраинах не чувствуешь себя чужим. Чаще – он даже несколько враждебный. Но это пока не изучишь его, не освоишься в нём, пока не найдёшь друзей, не начнёшь ходить в школу...

Женька бродил по близлежащим улочкам, разглядывал светлые, какие-то даже «ласковые» дома, часто скрытые за вино-

градными кустами. Потом стал уходить дальше... Город ему нравился: приветливый, как большинство южных городов, зелёный, с улицами, заросшими каштанами, акациями.. Ему казалось, что люди здесь живут светло и счастливо.

Конечно, он побывал и на берегу, увидел море, долго-долго смотрел на проплывающие где-то у самого горизонта корабли...

Как-то раз забрёл в городской парк. Гулял там довольно долго, и вдруг сквозь деревья мелькнула синева. Надо же, оказалось, что парк расположен вдоль большой бухты, и длинный мыс отделяет её от моря, загораживая горизонт и защищая берег от штормовых волн. Может быть, поэтому здесь был городской пляж и даже лодочная станция, где можно было взять лодку и покататься на ней. Но на дальней аллейке около неработающих почему-то аттракционов его стали задирали мальчишки, которые чувствовали себя здесь хозяевами. Силы были явно не равные, и хотя Женька был не из робкого десятка, всё же решил спастись бегством. Удирая, перелез через какой-то забор, завернул за угол какого-то сарая и... замер!

Какой-то нереальный мир, о котором подслудно, неосознанно мечталось, вдруг рванулся ему навстречу, распахнулся, но вдруг замер, остановив Женьку на самом пороге. Перед ним на воде у причала стояли катера и предмет его мечтаний – яхты! Большие, даже огромные, самые настоящие яхты! Восторженно он рассматривал этих гордых красавиц и до невозможности завидовал тем, кто был у них на борту! Там, на яхтах, подтягивали снасти, что-то подкрашивали, кто-то поднимал паруса... Надо же, они были на яхтах и не ощущали своего счастья, своей необыкновенности! Поодаль от этих яхт мальчишки и девчонки ещё младше Женьки на крошечных швертботах сновали по акватории яхт-клуба, ловко делая повороты и перекидывая парус с борта на борт...

Женька не знал, как долго он стоял, зачарованный, только вдруг услышал разговор...

– Вот ты его стисал, а теперь сам переживаешь! Может, погорячился, Михаил Николаевич? Ведь толковый парень. Сколько он ходил с тобой? Многому уже научился... И потом, ты же понимаешь, что по уставу нашего клуба не можешь участвовать в регате, если в экипаже нет хотя бы одного юнга.

– Знаю, всё знаю. Но гонор у него появился не по чину. На матроса стал покрикивать. Если тот попросит помочь, отвечает:

«А сам не можешь?». Яхту нашу «Галатею» стал называть «Галкой». Когда боцман его поправил, ответил: «А чё тут так?». На палубе неаккуратен, от приборок отлынивает. Ты же и сам знаешь, что из неуважения к товарищам, к кораблю своему, к его названию всё плохое и вырастает. Книг не читает, нахватался верхушек и возомнил себя крутым яхтсменом.. Да, в море он был неплохим помощником, но вот традиции наши не воспринял. Последней каплей было то, что он Олегу Романовичу, штурману нашему, надрубил. Вот я и стисал его. Можно сказать, выгнал. А юнгу... Да вот же, ребята ходят на швертботах. Присмотреться надо. Можно выбрать.

– Наверное, ты прав, – после непродолжительного молчания ответил собеседник. – Да, пойти в многодневное плавание с тобой любой из этих мальчишек согласится. Это верно. Но, Михаил Николаевич, соревнования у них начинаются в один день со стартом регаты. А они ведь готовятся, тренируются.. И каждый мечтает победить, выиграть свою гонку!

Даже не успев что-либо подумать, Женька стремительно повернулся, и, торопясь, почти выкрикнул:

– Возьмите меня!

Под пристальными, оценивающими взглядами Женька поёжился.

«Прогонят! Прогонят ведь! Вот сейчас спросят: «А ты кто такой? Что здесь делаешь? Посторонним нельзя!» – подумалось ему.

Потом тот, который был повыше, весь седой, одетый в светлые шорты и настоящую тельняшку, улыбнувшись, спросил:

– А что ты умеешь делать?

Нет, кажется, Женькина мечта так и останется неосуществлённой, потому что...

– Ничего, – честно признался он. – Но я всё-всё знаю про яхты!

– Так уж и всё, – заулыбался и тот, кого звали Михаил Николаевич. – Ну-ка, назови элементы рангоута и такелажа.

Ну, это-то Женька знал и, торопясь, выдал всё, что прочитал и что крепко, на всю жизнь, запомнил.

– Ещё я знаю названия всех парусов и курсов парусника относительно ветра.

– А знаешь разницу между яхтой и швертботом? – это опять спросил тот, что был в тельняшке

Женька дёрнул плечами. В этом жесте была даже некоторая снисходительность: мол, такое только зелёные салажата не знают.

– А сам управлять швертботом, таким, на каких сейчас ребята ходят, сможешь? – седой пытливым взглядом смотрел на мальчишку.

Не знал Женька, что вопрос был задан с умыслом, и если бы он сказал «смогу»...

– Нет, не сумею я, – честно признался он. – Читал только

– Молодец! – похвалил седой. – Ну что, Михаил Николаевич, возьмёшь юнгой мальчика на выучку?

Сердце у Женьки заколотилось с бешеной силой – вот сейчас его мечта исполнится. Но Михаил Николаевич почему-то молчал. О чём он думал? Может быть, сомневался в нём? И как переменчивая погода весной – то светит солнышко и всё радуется теплу и свету, то набежит облако, закроет солнце, и всё становится неприветливо-тревожным, – так и у Женьки надежда сменялась отчаяньем! И снова надеждой! И опять... Ему хотелось крикнуть: «Возьмите, ну возьмите меня!»

– А родители-то разрешат? – спросил, наконец, Михаил Николаевич.

– Разрешат, разрешат! Мама целый день в больнице. На полторы ставки работает. И даже обрадуется, если за мной догляд будет.

– А отец? – не задумавшись, почему мальчишка говорит только о матери, спросил тот, что в тельняшке

Женька, потупился – больно, ох, больно было вспоминать о той жизни.

– У меня нет отца, – и решив, что нужно говорить правду, добавил. – Посадили его. Пьяным милиционера порезал.

Все сразу стали серьёзными, а Михаил Николаевич сразу сказал:

– Беру, – надо же, он всё же услышал его мольбы. – Давай, юнга, представься. Как зовут?

– Женька.

– Э, так не пойдёт. Давай-ка полностью: имя, фамилия, отчество, сколько лет где живёшь. Тебя же нужно будет в судовую роль записать.

Когда Женька вслед за Михаилом Николаевичем подошли

кодной из яхт, что еле заметно покачивались около причала, он прочёл на её борту – «Галатея». Он был счастлив и... растерян. Ведь ещё несколько минут назад он и предполагать не мог, что вдруг осуществится, да ещё так неожиданно, то, о чём мечталось. С замирающим от счастья сердцем он вступил на борт. Широко раскрытыми глазами смотрел на всё, что его окружало. Манила темнота открытого люка – а что там? Задрал голову, разглядывал мачту какими-то поперечинками наверху, и тросовые растяжки удерживающие её. А сколько различных приспособлений было установлено на палубе!

«Как интересно и... непонятно!» – мелькало в голове.

– Владимир Сергеевич, – позвал капитан, – зови остальных. Будем знакомиться с нашим юнгой, – он не сказал «новым», потому что юнга не может быть «старым» или «новым». Юнга может быть только юнгой!

Тот, кто назвали Владимиром Сергеевичем, перебирал какие-то верёвки, а на слова Михаила Николаевича поднял голову, оценивающим взглядом посмотрел на Женьку, потом наклонился к люку и громко позвал:

– Эй, в трюме! Капитан просит всех наверх.

Из люка появился мужчина, по виду ровесник капитана, – и, чуть погодя – парень лет двадцати. У обоих были перепачканы мазутом руки. Увидев Женьку, оба приветливо улыбнулись, от чего тому стало очень легко, сразу прошла скованность, и он улыбнулся в ответ.

– Ну, вот, Женья, это наш экипаж: Владимир Сергеевич – боцман. Будешь учиться у него всему, что нужно делать на яхте.

Боцман ничего не сказал, молча подал новому члену экипажа руку. И потому, что его рукопожатие было осторожным, можно было понять, что он очень сильный. Был он невысоким, коренастым и от этого казался почти квадратным. Женька подумал про него: «Сердитый какой-то».

– Олег Романович – наш штурман. Он многое тебе расскажет о том, как ориентируются на море. Сейчас они вдвоём с нашим матросом – Борисом – делают профилактику двигателю.

– А мотор-то зачем на яхте? У неё же паруса! – удивился Женька.

Вытирая руки тряпкой, Олег Романович сказал:

– Двигатель – на всякий случай. А случаи на море бывают разные.

– Борис, – просто представился молодой человек.

До конца дня Женька облазил всю яхту, все закоулки. Мгновенно запомнил всё, что ему говорили, что и где хранится. Был в восхищении от того, как раскрывается стол в кают-компании: в одну сторону раскрыл – под крышкой лежат документы и карты, в другую – и за столом может разместиться весь экипаж. Ещё ему понравилось, как подаётся вода в умывальник – ногой давишь специальную педальку в полу, и из крана течёт забортная вода. Можно руки вымыть, посуду...

И даже обязанности юнги ему пришлось выполнять: он помог боцману разобрать верёвки и смотать их в бухты так, чтобы потом легко было распустить. Показал Владимир Сергеевич и несколько узлов. Самые необходимых. И наказал, что нельзя путать «бабий», «прямой» и «воровской» узлы.

Домой Женька помчался, как на крыльях, мимо других больших и маленьких яхт, похожих и не похожих на «Галатею», мимо катеров...

И вдруг наткнулся на мальчишку. Хотел, было, обойти его, но тот загородил дорогу. В глазах – злость, и кулаки сжаты...

– Что, салага, в юнги записался? На моё место метишь! Вот я тебе сейчас врежу! – но почему-то вдруг отступил и шмыгнул в сторону, спрятавшись за корпусом одного из судов, что во множестве стояли на берегу.

Может быть, этот пацан был среди тех, с кем он столкнулся в парке? Почему он тогда оказался в яхт-клубе? Но долго думать об этом Женька не стал, а, оглянувшись, увидел, что в его сторону с борта «Галатеи» смотрит Михаил Николаевич. Мимолётная стычка с незнакомым мальчишкой не смогла испортить настроение вновь испечённого юнги, и он, помахав рукой капитану, чуть ли ни вприпрыжку побежал домой.

Конечно, вчера Женька, будучи ещё как бы посторонним, не замечал ничего, кроме «своей» яхты и её экипажа. А сегодня с утра ему оформили пропуск, и теперь на территории клуба он мог находиться на законных основаниях. И поэтому с разрешения капитана он обследовал всё-всё: побывал в эллинге, где ремонтировали яхты, пахло красками и сосновыми стружками, по-

смотрел на высоченную мачту с разноцветными флагами, на самом верху которой флюгер показывал направление ветра. А ещё там была какая-то крутящаяся штука. Михаил Николаевич пояснил: это устройство показывает скорость ветра, а флаги означают, что всем судам яхт-клуба выход в море разрешён.

Полюбовался Женька яхтами, готовыми в любой момент покинуть место стоянки и уйти в море. Обошёл и те, что стояли на берегу. Рассмотрел их со всех сторон, сравнивая с тем, что видел в книгах.

Катера же его мало интересовали. Да, он оценил обводы корпусов, созданных для больших скоростей, и красоту надстроек, ещё больше подчёркивающих их стремительность. Всё в них было сделано для того, чтобы мчаться по морю с бешеной скоростью. «Галопом» – подумал Женька, потому что представил, как эти красавцы прыгают, скачут с волны на волну, и брызги разлетаются в разные стороны, как комья земли из-под копыт коней.

«Нет, всё же яхта под парусами – это... Это...» – он не мог подобрать слово, но знал, что это прекрасно.

Мягко урчал двигатель, и «Галатея» осторожно пробиралась вдоль стоящих у причала яхт-катеров к выходу в море. Кое-где, предупреждая о подводных опасностях на фарватере, стояли вежи. За ними совсем близко был пологий мыс. Тот самый, который отгораживал бухту от буйных морских штормовых ветров и волн. Михаил Николаевич, с прищуром вглядываясь в свободное пространство впереди, чутко реагировал на движения яхты. На носу стоял Борис с отпорным крюком, готовый в любой момент предупредить столкновения с другими судами, и одновременно следя за глубиной – дно в бухте прекрасно просматривалось.

На корме, рядом с капитаном, не мешая ему, стояли штурман и боцман. И, конечно же, Женька. До сих пор ему приходилось бывать на яхте, стоящей у причала. А вот теперь она шла! Под двигателем, но шла! Это уже было плаванье! Трудно описать словами, что испытывал он: необыкновенная, переполнявшая его радость рвалась наружу, хотелось кричать, петь, прыгать... Но члену экипажа яхты не пристало уподобляться какому-нибудь зелёному пацану, которого взяли покататься на паруснике. Он был горд и про себя думал, что эти «Селень», «Мистраль», «Ви-

кинги», «Корсары», остающиеся в бухте, завидуют ему и их «Галатее».

Вот, наконец-то, и выходной створ, а впереди – море! Со всем не такое, какое он видел с берега. А..самое настоящее. Настоящее! С далёким-далёким горизонтом! С длинными-длинными пологими волнами, ласково то приподнимающими, то опускающими яхту! И рванувшимся им навстречу бризом!

А где-то там, за горизонтом и пока невидимый шёл его красавец чайный клипер «Катти Сарк»!

– Паруса ставить! – подал команду капитан.

Развернули огромный парус-прот. Женька внимательно наблюдал, как он закрепляется, как боцман крутит лебёдку, и белое полотнище поднимается всё выше и выше. Вот оно достигло самого верха мачты, наполнилось ветром... А он стоял, зачарованный, улыбался и ничего не слышал. Не слышал, что ему велел капитан.

– Юнга! Юнга, очнись! Поддай кису со стакселем.

Что такое стаксель – передний треугольный парус на яхте, – Женька, конечно же, знал. Но «киса» – со странным ударением на втором слоге... Заметив его колебание, Михаил Николаевич, улыбнувшись, пояснил:

– Дай боцману мешок, что лежит у люка, по-нашему – киса.

За неделю, что они готовили яхту к первому выходу, капитан пригляделся к своему юнге и ему пришёлся по душе этот подросток, к тому же удививший его своими знаниями. Понравился ему и чайный клипер «Катти Сарк», который Женька принёс на яхту.

– Пусть это будет твоим и нашим талисманом, – сказал штурман, когда все налюбовались корабликом.

И вот уже «Галатее» под парусами, полными ветра, слегка накрываясь, неслась вперёд. А Женька...

Женька стоял рядом с мачтой, но парил, как чайка, где-то высоко-высоко! Да он сам был парусом! Он собой ловил ветер, собой разбивал набегающую ультрамариновую волну! И летел, летел вперёд к своей мечте! Хотя она, в общем-то, уже и осуществилась! И всё же что-то ждало – он это чувствовал, – ждало его впереди!

Потом, во время следующих выходов в море, а выходили они каждую субботу и воскресенье, он... нет, не потерял этого

восторженного восприятия от плавания под парусами, но уже мог, не отвлекаясь, выполнять то, что ему поручали. Работы у него, у юнга было тоже немало: подать паруса для постановки или убрать снятые в каюту. Быстро найти нужные концы – он уже не говорил, как какая-нибудь «сухопутная крыса», «верёвки». Вместе с Борисом заводил и подтягивал снасти... Делать это приходилось в любую погоду. Конечно, приятнее, когда волны длинные, спокойные, а над головой синее-синее небо и яркое солнце...

Но бывало и так, что ветер усиливался, срывая белую пену с крутых волн, которые иногда захлёстывали палубу! Тогда приходилось приспускать парус, уменьшая его площадь, привязывать его хитрым образом – «брать рифы». И спасжилеты надевать и, цепляясь за всё, до чего дотянешься, принимать участие в авральных работах! И держаться, держаться при сумасшедших кренах, при качке!

Когда впервые Женька попал в шторм, то, истулавшись... нет, не за себя, а за «Катти Сарк», остался в каюте. Сидел там и не выпускал модель из рук. Его звали с палубы, но он, боясь, что парусник упадёт и разобьётся, даже не отзывался. Решив, что у него «морская болезнь», в каюту спустился Олег Романович.

– Женья, тебе что, плохо? – но, приглядевшись, штурман понял, чем «болен» юнга, – Подожди, я сейчас позову Владимира Сергеевича.

Боцман в две минуты хитрым образом закрепил клипер на полке. После этого Женька уже не беспокоился за его сохранность и в любую погоду свои обязанности выполнял добросовестно, получая иногда скупые похвалы от капитана, чем страшно гордился!

Самому капитану тоже доводилось и снасти разбирать, и крутить лебёдки, если на руле стоял кто-то другой. Впрочем, как заметил Женька, Михаил Николаевич не особенно-то и командовал. Иногда только скажет: «Держи круче», «Увались» или «Растравите прот».

Несколько раз бывало, что снасти заклинивало в блэках. Тогда на юнга надевали специальный пояс и цепляли к страховочному концу. Боцман тянул снасть и поднимал юнга к верхушке мачты. Страшновато было там, на огромной высоте, когда палуба кажется очень далеко внизу и такой маленькой-маленькой!

Чтобы прогнать страх, Женька вспоминал свой клипер и матросов, которые забирались на мачты ещё выше, чем он. И, зажав свой ужас, не давая ему одолеть себя, он делал порученную работу, хотя мачту мотало из стороны в сторону довольно сильно.

Доставалось юнге и картошку чистить, и приборку делать – мыть палубу и каюты, еду готовить на качающейся газовой плите, придерживая кастрюли, где варилась нехитрая еда. Но что значили эти мелочи, когда он, Женька был в настоящем плаваньи в море, был равноправным членом экипажа!

Когда же выпадали свободные минутки, Женька ложился на носу и, не отрываясь, смотрел, как форштевень разрезает волну. А ещё ему нравилось стоять у мачты около туго натянутого огромного паруса, придерживаясь рукой за ванты. И смотреть, смотреть, не отрываясь, на качающийся горизонт, на длинные-длинные волны, бегущие навстречу! И ждать, ждать, что вот-вот появятся на горизонте паруса «Катти Сарк»!

За эти плаванья он многому научился: новое входило в него как-то естественно, как будто он уже всё знал, знал названия всех этих хитрых приспособлений, снастей, элементов такелажа и рангоута.

Поначалу очень боялся боцмана. Капитана так не боялся, как боцмана. Ему казалось, что Владимир Сергеевич сердится на него за его неподготовленность, за то, что Женька ничего не знает, ничего не умеет. Поэтому и указания даёт одним-двумя словами, а то и вообще просто жестом. И ещё, что постоянно сравнивает его, Женьку, с прежним юнгой, и это сравнение не в его пользу. Только потом он понял, что боцман добрый. Молчаливый, но добрый. С каким терпением он обучал его морским узлам и тому, где какой применяется. Некоторые показывал по нескольку раз. Особенно долго не давался Женьке «беседочный» узел: никак не мог заметить, когда и как боцман переворачивал петлю. Каждый раз боцман спрашивал: «Усёк?», а он, ничего не поняв, мотал головой. И тот спокойно и невозмутимо ещё и ещё показывал: раз, два, оп – и узел готов.

Приучали его и к ночным вахтам, назначая дублёром рулевого. В его задачу входило следить за горизонтом и предупреждать о появившихся огнях – это означало, что где-то там, у горизонта идёт какое-то судно. Иногда Женька засыпал, и его, нис-

колько не жалея, будили. Чаще всего это бывало, когда случилось нести вахту с молчаливым боцманом. А уж если оставался с Борисом...

Тоткаждый раз жаловался, как он обманулся в одной девушке: встретил её в парке, познакомился. Каждый вечер гулял с ней по городу, дарил самые дорогие цветы, долго-долго, до сумерек катал её на лодке... На дискотеку с ней даже ходил...

– Какая девушка была! – с грустью в голосе вспоминал Борис, – Такая чудесная! Как она смеялась! Знаешь, Женька, влюбился я в неё! Ни в кого так не влюблялся! Как говорится, голову потерял! И надо же, как-то раз со всех ног бегу я к ней, встречаю... А рядом с ней какой-то «шкаф». И, представляешь, говорит она мне: «Познакомься, это мой муж». Эй, ты что, спишь? – не церемонясь, он тряс Женьку за плечо.

Больше всего он любил, когда оказывался вместе с капитаном или штурманом.

Олег Романович рассказывал ему о том, как во времена парусных судов измеряли расстояния вблизи берегов:

– Раньше пройденный или предстоящий путь даже в трубках измеряли: сколько трубок выкуривал капитан, пока корабль идёт до определённого места, такое и расстояние. Ну, например: вон до того далёкого мыса могло быть восемь трубок. Ну, а потом, когда наука о земном шаре достигла определённых высот, решили расстояния измерять в милях, а скорость – в узлах.

– Олег Романович, я знаю, чему равна миля. А откуда взялась эта цифра?

– Это тоже интересно. Ты, Жень, географию и геометрию хорошо в школе усвоил? Помнишь, чему равна длина экватора? Ну, что же ты! Примерно сорок тысяч километров. Это триста шестьдесят градусов. А сколько минут? Так вот, если разделить длину экватора на количество минут в окружности, то и получим величину одной морской мили.

– А почему вы всё время подчёркиваете: «морская миля»?

– Видишь ли, в разных странах разными учёными мужами длина экватора вычислялась по-разному. Вот и получилось, что в разных странах мили разные. Немного, но всё же неодинаковые. А моряки смогли договориться.

– Хорошо. Действительно, хорошо! – Женька задумался, а потом снова стал спрашивать, – Олег Романович, я знаю, что

на море скорость измеряют в узлах. Читал, как это делали: выпускали с кормы длинный шнур с привязанным хитрым образом поплавком, который тормозился водой: корабль идёт, а поплавок стоит. Шнур выпускают с катушки, а на нём узелки навязаны. Сколько узелков сходило с катушки за час, столько узлов делало судно.

– Нет, Женя, это немного не так. Не за час. Посчитай, какой длины должен быть шнур, если корабль шёл со скоростью, допустим, шесть узлов? Это ж более одиннадцати километров! Поэтому время засекали по песочным часам, рассчитанным на 30 секунд.

Ночная тишина нарушалась только плеском воды за бортом. И Женька, как бы боясь нарушить эту тишину, молчал, обдумывая то, что услышал. Не укладывалась у него в голове связь между узелками за полминуты и расстоянием, которое проходило судно за час. Наконец, он не выдержал и спросил:

– А почему всё же за 30 секунд? И расстояние между узелками тоже ведь не любое было?

– Правильно, не любое. Помнишь, чему равна одна морская миля? Ну-ну, не обижайся, знаю, что помнишь. Так вот, если разделить тысячу восемьсот пятьдесят два – это миля – на сто двадцать, то получим примерно пятнадцать с половиной метров. Точнее ты завтра разделишь на бумажке. А если разделить три тысячи шестьсот – это число секунд в одном часе – опять-таки на сто двадцать, то получим тридцать. Тридцать секунд. Понял?

Женька просиял: надо же, как остроумно и... просто!

А капитан рассказывал ему об искусстве управления парусным судном.

– Понимаешь, Женя, ветер ведь не всегда попутный. Вернее, почти всегда не попутный. Поэтому на парусном судне можно идти под большим или меньшим углом к ветру. Увалишься – скорость будет выше, но до конечной цели будешь вынужден пройти путь более длинный. А если держать круче к ветру, то упадёт скорость, но зато путь будет короче. И вот в умении найти оптимальное сочетание и заключается искусство управления яхтой, вообще парусным судном. Это приходит не сразу. А во время гонки ещё нужно и тактиком быть: при маневрировании яхта, идущая левым галсом, должна уступить дорогу яхте, идущей правым галсом, при обгоне препятствия то парусное судно,

которое идёт дальше в море, уступает путь тому, кто лишён свободы манёвра. Следовательно, тот, кто уступает путь, теряет преимущество, скорость...

Постепенно, незаметно для себя Женька набирался опыта, пропитываясь самым духом моряка и яхтсмена...

«Галатhea» шла, меняя галсы и преодолевая встречный ветер к четвёртому промежуточному финишу, пытаясь сократить отставание от лидера. Женька внимательно следил за «Рубиконом», за его манёврами и сразу докладывал Михаилу Николаевичу. Когда стало ясно, что противника не обогнать, капитан сказал:

– А не пора ли нам юнгу приучать к управлению яхтой? Ты всё видел, знаешь, какие команды подавать, как управлять при повороте. Давай, командуй! Смелее!

С лёгкой дрожью Женька взялся за румпель. И он откликнулся живым движением! Волны сбивали яхту, и тут же руль как бы говорил ему: «Поправь! Держи курс!». Лёгкое движение, и яхта снова направляется на выбранный на берегу ориентир.

Капитан краем глаза наблюдал за юнгой и улыбался: ему нравился этот подросток своей влюблённостью в парус, в море, всем тем, что роднило их всех!

– Командуй поворот, – негромко подсказал он Женьке

Парнишка посмотрел на него, потом ещё раз на идущую впереди яхту, прикидывая путь до поворотного буя ...

– Михаил Николаевич, а может быть, пройдем ещё немного левым галсом, а потом повернём. «Рубикон» обязан будет уступить нам дорогу, а мы, обогнув буй, сразу прямо к входному створу пойдём? А им ещё раз придётся менять галс.

Капитан с удивлением и даже с уважением посмотрел на юнгу: не ожидал он, что у этого совсем юного яхтсмена так быстро проявится тактическое мышление! Что он так вдумчиво будет управлять яхтой!

– Добро! Командуй сам.

– Приготовиться к повороту, – через некоторое время, стесняясь, почти прошептал юнга.

– Кто так подаёт команды? Ну-ка, давай так, чтобы тебя на «Рубиконе» слышали!

Сбросив от этих слов скованность, Женька уже громко, почувствовав себя равным среди равных, командовал:

– Приготовиться к повороту! Поворот оверштаг! – и через несколько секунд: – Поворот!

При этом он круго положил руль на борт, яхта быстро пошла влево, влево... Вот ветер перекинул паруса на другой борт, они сразу наполнились ветром, ни на секунду не заполоскав! А Женьку распирало от гордости – ведь это он сам командует экипажем и управляет яхтой! И его команды выполняют! Выполняют четко, как и положено выполнять команды капитана на хорошем судне дружной слаженной команде.

На лидере поздно спохватились, прозевали Женькин манёвр и, сменив галс, вынуждены были в соответствии с правилами уступить дорогу «Галатее». Да, они выиграли, обогнали лидера на самом финише. Но по сумме всех этапов они отставали от «Рубикона», такой же большой яхты, как и «Галатея».

Михаил Николаевич пошёл улаживать формальности, а заодно и узнать время остальных участников. Вернувшись, он отпустил всех в город, наказав купить продукты и кое-какие материалы для ремонта иллюминатора. Этот иллюминатор из оргстекла разбил Борис, уронив на него молоток.

– Как ты умудрился-то? – недоумевал капитан. – И надо же, как раз над моей койкой. Надо было тебя самого там положить, чтоб почувствовал, как там дует и захлёстывает! Спальник теперь вот сушить придётся.

– Да, как-то неудачно подпрыгнул этот молоток, – неловко пошутил виновник.

– А камни с неба не прыгали на иллюминатор? – в ответ связвил Михаил Николаевич.

Из-за этого-то разбитого иллюминатора капитан в прошедшую ночь даже задремать не смог от холода, а уж когда случайная волна влетела в иллюминатор и вымочила его постель, вообще поднялся и так дожидался утра и своей вахты. И вот теперь рассчитывал поспать, пока экипаж будет в отлучке. Вахтенным остался Женька.

Михаил Николаевич проснулся от звонких голосов. Прислушался и понял, что по палубе ходят чужие люди. Он удивился – в отсутствие команды на яхте мог быть только вахтенный.

– Юнга! Почему на судне посторонние? – крикнул он.

Ему никто не ответил, и он удивился второй раз. Поднялся

и, пригибаясь под низким потолком, прошёл к входному люку. Люк оказался закрытым на ключ. Хмыкнув, он снова позвал Женьку. В ответ – опять молчание. Вот тут Михаил Николаевич уже всерьёз начал сердиться: как это так – отойти от яхты и не слышать, что его зовут! Сквозь мутные стёкла трудно было что-либо разглядеть, и тогда, не особенно задумываясь о последствиях, капитан с трудом, но всё же просунул голову в выбитый иллюминатор.

– Ну-ка, кш с яхты! – сердито крикнул он на детей, бегавших по палубе.

Но не присутствие посторонних на борту «Галатеи» возмутило капитана, а отсутствие вахтенного. Он сколько мог повертел головой – юнги нигде не было видно. На всякий случай ещё раз позвал:

– Юнга! Женья, ты где?

Попытался поглядеть в другую сторону, но не смог этого сделать – голова не поворачивалась! Тогда он, уже пылая гневом – это надо же: вахтенный покинул судно! – попытался втащить голову обратно. Не тут-то было! Уши, совсем немного оттопыренные уши застревали в узком иллюминаторе! И так, и этак он вертел головой. Любая попытка освободиться доставляла такую боль, что в конце концов он смирился. А долго ли можно простоять на полусогнутых ногах с вывернутой головой? Тело затекло, мышцы на ногах уже ныли, края иллюминатора сильно давили на шею и голову... Но куда деваться – так и пришлось ему стоять в малоудобной позе, ругаясь про себя на чём свет стоит. Это помогало мало, и оставалось только ждать, когда появится этот раздолбай-юнга или придёт кто-нибудь из его команды!

– Выдеру! Как сидорову козу выдеру! – ругался капитан в адрес Женьки. – Придёт – утоплю! Выброшу в море – пусть попытается выплыть! А потом повешу сушиться на мачте! – и так далее, и так далее...

Эти угрозы он уже произносил вслух и вдруг услышал:

– Надо же, говорящая голова! – это подошёл его экипаж. – Капитан, а что это Вы тут делаете? – они сразу «просекли» ситуацию и откровенно дурачились.

Конечно же, Михаил Николаевич это понимал, но, не разделяя веселья команды, зарычал:

– Всех заставлю зубными щетками галльон чистить! Всех до единого! Выгаскивайте меня!

Ситуация, несмотря на драматизм, вызывала желание продолжить веселье.

– Михаил Николаевич, ну что Вы сердитесь? Давайте мы Вас покормим, Вы и полюбите. Смотрите, как это удобно делать, если с ложки, – елеиным голосом сказал Борис, и остальным: – Путь к сердцу капитана лежит через его желудок!

– А тебя, Борька, я, как котёнка, вместе с юнгой утоплю! – впервые капитан назвал так своего матроса.

Боцман не стал шумить, а, подойдя поближе и оценив обстановку, сказал:

– Михаил Николаевич, давай вместе попробуем: ты тащи свою голову, а я уши тебе загибать буду! – это «загибать уши» вызвало взрыв хохота у уже собравшихся зрителей. – Может так и пролезет. Ты её, голову-то, ещё руками тяни!

– Убью, боцман! Лучше пойдти и найди этого олуха-Женьку, отбери у него ключ, а ему по шее надавай!

– Так это же ничего не даст! Голову-то всё равно надо будет выгаскивать! Не рубить же надстройку! – он тихонечко толкал голову капитана, а тот, вскрикивая от боли, ругался не переставая.

Толпа зевак становилась всё больше, подошли экипажи других яхт. Все давали советы, давясь от смеха:

– Михаил Николаевич, а может быть разбить иллюминатор по другому борту, протянуть канат, завязать тебе за ноги и тянуть лебёдкой!

– Лебёдкой нельзя! Ноги могут оторваться! – с совершенно серьёзным лицом рассуждал очередной член «консилиума».

– Слышь, боцман, голову надо не туда-сюда крутить, а всё время в одну сторону. Она тогда, как шуруп вылезет.

– А может просто подождать. Он похудеет – тогда и голова протиснется!

Тут появился Женька. На шее у него болтался ключ, а в руках – четыре порции мороженого, пятое он, не торопясь, долизывал.

Выгаскивая голову капитана из иллюминатора, затратили довольно много времени. Мороженое успело растаять, и его ели ложками, сидя у разложенного стола. Женька стоял спиной к вход-

ному люку, бесконечно страдал, чувствуя, что вышибут его через этот самый люк. Речь держал капитан. Уши у него были залеплены лейкопластырем и приклеены к голове – здорово он их всё же ободрал: не помогли ни мыло, ни шампунь, за которым пришлось бежать в ближайший магазин.

– Ты ушёл с вахты! Ты нарушил, грубо нарушил флотскую дисциплину! Оставил судно без охраны! Понимаешь ли, что совершил преступление! Ведь яхту могли захватить, взять на буксир и угнать в неизвестном направлении! На борту были посторонние! Что они там делали, ты знаешь? Что они утащили? Не знаешь! – Женьке казалось, что капитан, как Зевс, мечет в него молнии, и голос его гремит, гремит как гром в сильнейшую грозу. Да это и была гроза. Гроза, которая обрушилась на него одного. И, может быть, поэтому он не замечал некоторого преувеличения в словах Михаила Николаевича.

Остальные члены экипажа, как присяжные заседатели, с притворно-скорбными лицами скребли ложками по чашкам, доедая Женькино мороженое.

– Кто так поступает, тот не достоин называться настоящим моряком. В других условиях я бы тут же выгнал тебя, но не хочу выбыть из регаты, когда до конца гонки осталось всего два этапа. А после финиша я тебя спущу на берег. Сможешь, если захочешь, ходить на шверботах. Но на крейсерских яхтах тебе не ходить! – капитан говорил искренне: для него морские традиции и устав корабельной службы были святы.

Женька стоял перед этим «судом», опустив глаза, понимая, что капитан прав, что он, покинув судно в свою вахту, совершил нечто недопустимое с точки зрения морской этики! Но в то же время пытался как-то оправдать себя: ведь мороженое он пошёл покупать для всех, яхту он закрыл на ключ, убрав с палубы всё, что можно было бы украсть. Да, капитан лёг отдышать, но всё же был на судне! И отсутствовал-то он всего минут десять, ну, может, пятнадцать.

– Вот моё решение: ты по-прежнему будешь числиться юнгой, но никакой работы выполнять не будешь – сами справимся!

То, что до конца гонки Женька остаётся на яхте, могло бы его порадовать, но теперь он становился просто пассажиром. Не пассажиром даже, а просто ненужным грузом, балластом! Он чувствовал, как это позорно для него! Говорить «я больше не

буду» – это для пацанов, а он уже моряк. Ему бы сказать: «Я виноват. Ну, капитан и вы все, если можете, простите меня на этот раз. Могу твёрдо обещать: больше такого не повторится». Но он молчал. Молчал виновато и в тоже время обиженно. Он поднял голову и посмотрел по очереди на остальных членов экипажа, надеясь увидеть в их лицах хоть какое-то сочувствие. Но нет, все были солидарны с капитаном.

А Михаил Николаевич продолжил:

– Сейчас – ремонтные работы. Владимир Сергеевич, посмотрите, что ещё, кроме иллюминатора, следует починить. Думаю, пару часов хватит. Потом переведём яхту на буй – нужно освободить место у пирса для яхт, которые пока ещё не закончили этап. И тогда ужинать. Кто хочет ужинать в кафе – поднимите руки.

Предложение капитана было принято с восторгом. Надоели каши, особенно манная – кроме неё Борис ничего варить не умел. Да и не любил он кухарничать! Обычно по поводу его варёва говорили:

– Спасибо! Всё было очень вкусно. Особенно кипяток в чае.

Остальные в экипаже тоже не считались хорошими кашеварами – в ясную погоду обычно варили самый простой супчик с тушенкой... А уж если штормило, то и вовсе было не до разносолов – питались одними бутербродами, запивая чаем из термосов. Но уж если появлялась возможность поесть как следует, да ещё и заказать то, что пожелаешь, то команда в полном составе отправлялась на берег.

– Эй, на «Галатее»! Можно к вам? – это пришёл капитан «Рубикона».

– Сядь, – велел Михаил Николаевич Женьке, – наши проблемы посторонним знать не обязательно. Заходи, Геннадий Борисович.

Женька уже знал капитана «Рубикона»: молодого, улыбчивого, умелого яхтсмена и ещё – их вечного соперника.

– Ну, Михаил Николаевич, здорово ты меня сделал перед поворотным бумом! Не ожидал от тебя! Очень грамотно обошёл. Ценю! Как уши-то?..

Поговорили о том, о сём. Непонятно было, зачем он пришёл. Его не торопили, и, наконец, поняв, что дольше ходить вокруг да около неприлично, Геннадий Борисович, прямо сказал:

– Мужики, я вот о чём хочу вас попросить. При любом рас-

кладе вы уже обеспечили себе четвёртое место. Я думаю, что на финише следующего этапа вы тоже не будете в числе последних. Так вот, если вы нам подыграете, пропустите вперёд, то в общем зачёте мы обойдём болгар и поляков. Ну, а уж мы отплатим, не сомневайтесь.

Женька видел, как все переглянулись.

– Ладно, будем считать, что столкнулись, – проговорил Михаил Николаевич.

– А что? Вполне можно. На этапе чего не бывает, – согласился и Борис.

И Олег Романович кивнул головой. Только боцман, по обыкновению, промолчал.

– Ну, я надеюсь... – с тем и покинул «Галатею» капитан «Рубикона».

Ещё немного посидели, обдумывая предложение соперника. И вдруг в этой тишине раздался взволнованный Женькин голос:

– Но ведь это не честно! Нельзя так! Не честно будет! – для него самого это восклицание было неожиданным.

Капитан резко повернул к нему голову.

– Мы не будем учитывать мнение человека, бросившего своё судно! – он был очень зол на юнга.

– Михаил Николаевич, а ведь ты забыл, что на флоте при решении каких-то вопросов прежде всего спрашивают мнение самых младших чинов. В нашем случае это юнга, – боцман был явно на Женькиной стороне.

– Мал ещё! Без него решим, – сердито закончил обсуждение капитан.

Михаил Николаевич вкусно рассказывал о еде.

– Знаешь ли ты, Олег Романович, что такое «думлема»? – зачищая тарелку, говорил капитан. – Нет, ты этого не знаешь! Иначе не стал бы нахваливать своё варёво, что готовишь на яхте и называешь его кулинарным шедевром. А «думлема» готовится в казане, в который слой за слоем укладываются ломтики курдючного жира, лук, мясо. По краям бараньи рёбрышки и кусочки телячьего филе. Укладывать надо плотно-плотно, и обязательно – с любовью. Потом – специи. Это всё красиво укрывается овощами. И, наконец, слой картофеля, опять добавляются специи, зе-

лень... Казан ставится на огонь. И когда под крышкой, прислушайтесь, начинает шкворчать, огонь убавляется до «чуть-чуть», и всё, что там находится, начинает томиться. Томится, испускает такой аромат, что хочется попробовать ещё до того, как еда будет готова. А тушить-то надо часа полтора, а то и два. Зато потом...

– Ещё до этого «потом» все поумирают от голода! Или от избытка желудочного сока.

– Михаил Николаевич, ты, как я погляжу, раб желудка! И ещё – садист! Знаешь ведь, что Олег Романович у нас гурман. Нельзя же так смачно рассказывать о еде при таком заурядном ужине, – с укором заметил болман, – Даже у меня сейчас слюнки потекли.

– Ну, то, что наш штурман любит поесть, я давно знаю. И ещё знаю его принцип, что вкусно – это когда много. А если это ещё и нечто необыкновенное... Так кто же из нас тогда раб желудка?

– Нет, я не раб! Раб – это унижительно! – улыбаясь, возразил Олег Романович, – А я живу, чтобы есть! Вы-то это скрываете, потому что обманщики и лгуны. Но я вижу, скакой жадностью вы все набросились на жратву...

– А ты сам?

– Так я и не отрицаю.

Такая перебранка шла, когда они ужинали в кафе.

Никто из них не мог предполагать, что в это время в бухту вдруг ворвался злой шквал. Он развёл большую волну, раскачал яхты у пирса... От почти метровых волн яхты, стоящие у пирса, раскачивались, бились бортами, ломали рангоут, обрывали снасти. Около них растерянно суетились экипажи, которые ничего не могли сделать – отойти от причала при прижимном ветре было невозможно! Пожалуй, лучше всех чувствовала себя «Галатея» – она, как поплавок покачивалась на волнах, стоя на буге. Что ей какой-то шквал, когда она и в штормах-то чувствовала себя совсем неплохо!

Женька, которому капитан велел ужинать за отдельным столом, раньше других вышел из кафе и отверженным изгоем вышел на берег. Дождь, принесённый шквалом, заканчивался, воздух посвежел, но огромная туча всё ещё висела над бухтой, за-

рывающая полнеба. Впрочем, можно было ожидать, что скоро выглянет солнце и мир снова окрасится в свои праздничные тона. Для всех, кроме Женьки. Грустными глазами он смотрел на яхты.

Их «Галатея» легко всходила на волну и скатывалась с неё, изящно покачиваясь. Но что-то насторожило его. Он пригляделся: мачта тоже раскачивалась, но совсем не так, как яхта, а... С каким-то запаздыванием, что ли! Она... Она... И вдруг мальчишка понял, что оборвало штаг – оттяжку, идущую оттопа мачты на нос яхты!

– Она же может завалиться назад в любой момент! Она же выломает всё там! – и не задумываясь, он бросился к чьей-то маленькой резиновой лодке.

Сколько он грёб, Женька не знал. Ему казалось, что бесконечно долго! Утлую лодочку захлёстывали волны, но он ничего не замечал! Не заметил, что опять хлынул дождь.

– Успеть, только бы успеть! – вслух подгонял он себя

Женька не слышал, как с берега ему кричали: «Вернись! Вернись!». У него была одна сверхзадача – спасти яхту!

Зачалив лодку, он, поймав момент, вскарабкался на борт яхты, пробежал по мокрой палубе к мачте. Когда обхватил её руками, болтающаяся на ветру тросовая оттяжка несколько раз больно хлестанула его по рукам, по лицу. Не обращая внимания на боль, он держал мачту из всех своих небольших мальчишеских сил! Яхту качало, болтало с борта на борт и с носа на корму!

«Не удержу ведь! Не удержу!» – он чувствовал, как выворачивает мачту, и отбессилья даже заплакал.

Вдруг рядом с ним оказался мальчишка в одних плавках – видимо, какой-то купальщик решил прийти ему на помощь. В какой-то момент мачта действительно начала падать и что-то затрещало, но им невероятными усилиями, огромным напряжением мышц всё же удалось удержать её.

– Протяни фал на нос! – прерывающимся от натуги голосом командовал мальчишка

Легко сказать – ведь яхту качает, и за просто можно слететь со скользкой палубы за борт. Освободив снасть и выбрав момент, Женька бросился на нос! Но что-то рвануло его назад, и он едва не шлёпнулся на палубу.

– Да давай же! – он, как от толчка, понял, что надо делать: прыгнул назад, отдал с лебёдки фал и вновь кинулся на нос.

Набежавшая волна сначала подбросила яхту вверх, а потом «Галатея» провалилась вниз, гулко хлопнув днищем о воду. Взмахнув руками, Женька потерял равновесие, и, если бы в последний момент его ружка не задела за релинг, оказался бы в воде. Как от удара током, его пальцы судорожно ухватились за ограждение, и тут же он плюхнулся на самый нос яхты, свесил ноги по бортам – теперь можно было работать. Руки сами – он даже не задумывался, – надёжным узлом закрепили снасть. Спасибо боцману – его уроки не пропали даром.

Оглянувшись – неожиданный помощник выбрал снасть втугую. Всё, матчатеперь не упадёт, и можно перевести дух. В это время злые волны, как бы в отместку, успели хватануть его, достав чуть не до пояса.

И только тут у Женьки мелькнула мысль: «Откуда он всё знает?» Пригляделся – что-то знакомое виделось ему в лице неожиданного помощника.

«А, старый знакомый, – вдруг узнал Женька мальчишку, вспомнил злые глаза, сжатые кулаки. – Как он здесь-то оказался?»

Это был тот, с кем он едва не подрался тогда, когда впервые попал в яхт-клуб и так неожиданно стал юнгой. Это был тот, кто мелькал время от времени на берегу во время их стоянок почти на всех промежуточных финишах.

Они плыли к берегу на крошечной резиновой лодочке и старались не глядеть друг на друга. Молчали. Женька грёб, лишь изредка, как бы ненароком, бросая быстрый взгляд на лицо своего случайного помощника. Но теперь в глазах у того злости не было. Сжав губы, он молчал, глядя на приближающийся берег – видно было, что он принял для себя какое-то очень важное решение.

Из-за тучи, ушедшей дальше в море, выглянуло солнце, и Женька с восторгом воскликнул:

– Смотри!

Незнакомец оглянулся.

– Ух, ты! – восхитился и он.

Море было какого-то необыкновенного зелёного цвета! Не синим, как в хорошую погоду, не серым, каким бывает в шторм. А зелёным! И как будто светилось! Но не это поразило обоих: над заливом от воды слева до водной поверхности справа висела

радуга! Полная яркая-яркая радуга, как ворота в необыкновенный мир! А над ней – менее яркая, но тоже полная дуга второй радуги! И под этими арками покачивалась спасённая ими красавица «Галатея». Затянув дыхание, забыв о том, что нужно плыть к берегу – оба здорово замёрзли, – они любовались необыкновенной картиной!

Волна, полагая у буя, выростала у берега, со злым рычанием накидывалась на берег, в бессилии захлёстывая далеко на песок. И как бы решив рассчитаться за всё сразу, очередной вал высоко вскинул лёгкую резиновую лодку, потом швырнул её на берег, по самые бортики залив водой. Почти одновременно они оба выскочили из лодки, подхватили её..

Их уже ждали и тут же укутали в приготовленные одеяла, и только тогда Михаил Николаевич сухо и даже сердито обратился к Женькиному напарнику:

– Виктор, я же запретил тебе приближаться к яхтам! – он что-то ещё хотел добавить, но тот его опередил:

– Папа, это я виноват. Это я, когда он, – мальчишка мотнул головой в сторону Женьки, – ушёл с яхты, раскрутил крепление. Но когда он, не задумываясь, поплыл спасать «Галатею», я всё понял! Понимаешь, всё понял! Накажи меня, как хочешь, но не выгоняй меня совсем. Накажи и.. прости. Я не смогу без яхты, без паруса..

«Папа? Так Михаил Николаевич – его отец! – думал Женька – Это он своего сына... выпнул!»

– Ты.. Ты хоть понимаешь, что сделал? – Михаил Николаевич едва сдерживался, – Ладно, потом поговорим. После финиша. В яхт-клубе, – и тут же, – А ты, Женька.. Спасибо тебе! Заменяю своё решение об отстранении выговором за уход с вахты, – он вдруг приобнял мальчишку, а потом, отстранившись, добавил: – Слушать приказ: юнге приступить к исполнению своих обязанностей!

– Есть! – на выдохе, радостно сказал Женька. – Есть приступить к своим обязанностям!

И штурман Олег Романович, и Борис сказали ему несколько добрых слов. А боцман по своему обыкновению молча пожал ему руку. Но по тому, каким было это рукопожатие, Женька понял, что Владимир Сергеевич теперь стал относиться к нему, как к настоящему мужчине, как к настоящему моряку.

Радуюсь, что он прощён, Женька рьяно стал прибираться в каюте, на палубе, стараясь в хорошем смысле угодить капитану. Ему совсем не мешало то, что остальные члены команды то сходили на пирс, то перепрыгивали обратно на борт яхты. Он мыл палубу! И был счастлив!

И надо ж было тому случиться, что Михаил Николаевич, в очередной раз широко шагнув с пирса, вдруг поскользнулся на мокрой мыльной палубе! Все оторопели, а он, вскидывая то одну ногу, то дрыгая другой, как в каком-то диком танце взмахивал руками, пытаясь схватиться хоть за что-нибудь... Закончилось это «сольное» выступление капитана тем, что он, обо что-то споткнувшись, как был при «полном параде», так и рухнул за борт.

Женька охнул – ну что за невезение: то из-за него Михаил Николаевич застрял в иллюминаторе, уши ободрал, теперь вот – за борт выпал. Нет, с него точно выгонит! Да, действительно, у капитана была такая мысль. Но когда он в мокром жалком виде вновь предстал перед экипажем, боцман Владимир Сергеевич невозмутимо заметил:

– Вообще-то капитан должен покидать судно последним.

Мгновение, ещё одно, Олег Романович на это замечание боцмана сначала фыркнул, а потом засмеялся. Все остальные, до того сдерживая улыбки, рассмеялись вслед за штурманом. Не выдержав – куда ушло раздражение, – заулыбался и капитан.

– Ладно, юнга, всё нормально. Я сам виноват. А ты молодец. Продолжай приборку.

Они готовили «Галатею» к выходу. У каждого были чётко определённые задачи: Борис и Женька заводили паруса, Владимир Сергеевич, исполняя ещё и обязанности завхоза, укладывал в рундуки продукты, Олег Романович и Михаил Николаевич ушли оформить документы и получить прогноз на ближайшие два дня. И только Виктор грустно сидел на краю пирса, свесив ноги, – капитан так и не разрешил ему подняться на борт.

Наконец, все было готово.

– Отходим, – скомандовал Михаил Николаевич. – Отдать швартовы.

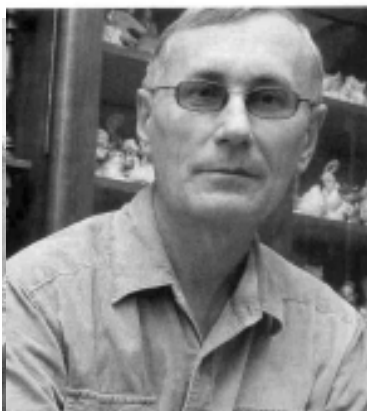
Женька смотрел на Виктора, и ему было жаль, что этот мальчишка остаётся на берегу. Сочувствовал ему, но понимал, что в отношении сына капитан не изменит своего слова.

«А ведь мы могли бы подружиться. Вот было бы здорово!», – подумал он и неожиданно решился.

– Подождите, подождите! – закричал он.

Быстро спустился в каюту и через несколько секунд снова был наверху.

– Витя! Вот, возьми, – он протянул ему маленькую модель стремительного парусника «Катти Сарк». – Это тебе! Подарок!

Александр КАМЫШЕВ

ПОВЕСТЬ О ДЕРЕВЕНСКОЙ ЛЮБВИ

Рассказ

Поезд прибывал на станцию Плотниково в половине четвертого ночи. Молодой человек, опасаясь пропустить свою оставку, простоял в тамбуре около часа, любуясь при свете огромной луны знакомыми местами. Проводница, обещавшая его разбудить, крепко спала, закрывшись в своем служебном купе. Он обратил внимание на эту молодую явно деревенскую девушку в униформе еще при посадке в Чите и сразу заговорил с ней.

– Андрей, – протянул он руку. – Будем знакомы.

– Алёна, – представилась она.

За двое суток пути она несколько раз заглядывала к нему в купе под различными предлогами, а вчера вечером, когда количество пассажиров заметно сократилось, пришла поговорить. С наивной непосредственностью она пересказывала случайному попутчику всю свою короткую биографию с печально закачивающимися увлечениями, а он, в свою очередь, подыгрывая на гитаре, напевал ей про голубые города, про запахи тайги и о героических буднях геологов-романтиков. Хотелось как-то успокоить, развеселить девушку, и потому Андрей наговорил ей массу комплиментов о том, какие у неё прекрасные возможности встретить хорошего человека, имея такие обворожительные данные, да и характер работы представляет ей миллион шансов. Все у неё будет прекрасно – в такую добрую, открытую девушку, а к тому же красавицу, сложно не влюбиться. Алёна села рядом, и он все говорил и говорил, поглаживая её руки. Растроганная про-

водница молча слушала, моргая черными ресницами, и все же ласковые речи не усыпили её бдительность. Как только парень попытался обнять её, она вдруг вспомнила, что уже поздно, и ушла, пообещав заранее предупредить, когда поезд будет подходить к его станции.

Робко постучав в её купе чтобы попрощаться, но так и не дождавшись ответа, Андрей решил сойти с поезда самостоятельно. Конечно, можно было просто поднять площадку и спуститься по ступеням, но тогда он наверняка подведет молодую проводницу, поскольку тамбур останется незапертым. Оставалось одно: прыгнуть с верхней площадки, захлопнув при этом за собой дверь вагона. Трюк удался, но приземление на мокрый щебень прошло не совсем удачно: на все четыре конечности да еще тяжелый рюкзак, с прикрепленной к нему гитарой, больно ударил по затылку. Оглянувшись по сторонам, «каскадер» с удовлетворением отметил, что его падение никто не засек, а то к вечеру весь родной поселок судачил бы о его мальчишеской выходке. Поезд, простояв положенную минуту, тронулся, и пассажир весело помахал ему в след: «Пускай невезучая на любовь проводница выспится».

Хотелось петь и совершать хорошие дела. Приподнятое настроение объяснялось не только предстоящей встречей с друзьями и близкими, но и удачным завершением преддипломной практики, когда при расчете будущий горный инженер получил такую уйму денег, что чувствовал себя новоявленным Ротшильдом. В рюкзаке лежали подарки для всех родственников и огромная банка с вареньем из голубики, собранной в якутской тайге, импортный костюм для предстоящей свадьбы и белый польский плащ, призванный сразить деревенских девчат своей изысканной элегантностью. Дома он не был всего год, а сколько событий произошло за это время! И самое главное – он познакомился с большеглазой девушкой Юлией с химико-технологического факультета, и через неделю избранница обещала приехать к нему в поселок на смотрины, чтобы получить благословение его родителей.

Почему-то вспомнилось, как прошлой осенью он уезжал с этого вокзала в институт после встречи с одноклассниками. Именно тогда Татьяна, которую он считал своей девушкой, при проща-

нии ошарашила его известием, что выходит замуж за его друга. Оказывается, Виктор сделал ей предложение еще полгода назад и недавно она дала согласие. Старая обида кольнула в сердце, и настроение испортилось.

Друг детства Витька Кондрашев был на год старше Андрея и ужасно этим гордился. Он жил по соседству у бабушки Шуры и с юных лет выполнял всю мужскую работу в доме. Его мама изредка наезжала из города, одаривая сына сладостями, которыми Витька щедро делился со всеми соседскими ребятами. Об отце Виктор говорил словами своей бабушки «что он где-то собакам сено косит». Сам он считал себя городским и вел себя соответственно, поглядывая свысока на деревенскую мелкоту. У него имелся фильмоскоп и масса диафильмов. Когда бабушка уходила из дома, он натягивал на стене простынь и крутил «кино», собирая до двух десятков соседских пацанов. Кроме того, Виктор единственный в деревне владел велосипедом «Школьник», и навыки вождения двухколесной машиной вся деревенская малышня осваивала на ней.

Виктор продолжал опекать Андрея и в школе, рекомендуя, что необходимо прочесть, что посмотреть, как себя вести. Он даже затащил его в школьный оркестр, где сам играл на контрабасе. Но оказалось, что у Андрея напрочь отсутствовал музыкальный слух и он играл на гитаре свою партию быстрее или, наоборот, медленнее остальных. Музыкальный руководитель промучился с Андреем больше года, поскольку Виктор поставил ему условие, что без своего друга он ходить на репетиции отказывается.

Виктор перешел в девятый класс, когда его избрали комсомольским вожаком школы. Он, в свою очередь, притянул Андрея в руководителя туристического штаба. С этого всё и началось. В регулярные походы по родному краю ходили многие школьники. Постепенно сложился костяк: учительница географии Елена Дмитриевна, Виктор, Андрей, Петя Жеманов (хулиган с соседней улицы) и Танечка. Она всегда была маленькой, смешливой, озорной и называть её Татьяной язык не поворачивался,

все называли её только Танечка или Танюшка. Ей это нравилось, возможно еще и потому, что имя Татьяна часто ассоциируется с пушкинской Лариной, а Танюшке фамилия досталась совсем уж не благозвучной – Рожина. В школьные годы было принято уют-реблять клички, часто происходящие от имен и фамилий: так Андрея называли Первозванным; Жеманова Петра по первым буквам фамилии Пеже. Конечно, смешнее получалось, если поменять местами слоги, но буйный нрав и солидные габариты Петра никого не вдохновлял на такую замену. Географичка Ковалева Елена Дмитриевна соответственно стала Кедом; Виктору Кондрашеву повезло больше остальных, – его окрестили Виконтом, а вот глядя на миленькую мордашку Танюшки, никому в голову не пришло использовать производную от её фамилии.

Приключения и забавные истории сопровождали каждый из походов. Елена Дмитриевна придумывала для краеведов различные задания: сделать зарисовки красивых резных наличников, встретиться с ветеранами войны и записать их воспоминания, найти устье небольшой речки Юнга, которая протекала неподалеку. Однажды, обходя по периметру родной поселок, на сколице у колодца Танюшка, игриво подмигнув Андрею, спросила подошедшую за водой женщину:

– А что это за деревня?

– Это не деревня, а поселок. Называется Плотниково.

– А что тут одни плотники живут? – не унималась Танюшка
– Почему только плотники? У нас здесь и свиноводхоз есть и пивзавод.. А вы-то сами откуда? – поинтересовалась женщина.

– Из города мы. А какие у вас тут достопримечательности?

Женщина, поставив ведра, стала подробно рассказывать об их родном поселке. Это казалось забавным, ребята живо интересовались деталями и радовались, находя в рассказах любопытной землячки массу неточностей, преувеличений и простую домьслов.

Как-то незаметно Танюшка стала третьей в паре неразлучных друзей. Теперь домой и в школу они ходили втроем. Витька в основном молчал, болтали лишь Андрей с Танечкой.

На зимних каникулах Виктор предложил совершить лыжный бросок через тайгу на расстояние более 80 километров. Елена Дмитриевна тщательно проработала весь маршрут, договорившись о местах ночевки в деревенских школах, хотя сама в

компания поучаствовать не рискнула. Путешествие не заладилось с самого начала, разыгрался буран и встречный ветер сорвал график движения. На третий день двое участников сошли с дистанции. Виконт предложил вернуться домой всем вместе, но Танюшка, единственная девушка в команде, высказалась категорически против, её поддержали и Первозванный с Пеже. Финишировали они вчетвером, когда весь район уже собирался искать заплутавших в тайге старшеклассников. О том зимнем походе даже писали в прессе.

Летом Андрей с Еленой Дмитриевной задумали новую авантюру, отыскав в журнале «Турист» маршрут по Ильменскому минералогическому заповеднику, и снова в группу странствующих попали Виконт и Танюшка. Обязанность гида возложили на Первозванного, но проводником он оказался никудышным, ориентируясь на схему маршрута из журнала, он завел группу в топкое болото. Выбрались из него на следующий день испуганные, измученные все перепачканные тиной, но впечатлениям и восторженным рассказам о холодной ночевке на небольшом островке не было конца. Танюшка и в этой ситуации не унывала, выдумывала проказы, являясь их главным исполнителем. Тогда на острове, окруженном топиями, она предложила разыграть учительницу. Андрея обмотали бинтами и измазали остаткам консервов «Килька в томате», а потом побежали к Кеду сообщить ужасную новость: Первозванный упал с дерева и разбился. Вздвигнувшая Елена Дмитриевна ощупывала «рань», а когда, испачкавшись «кровью», попробовала её на вкус, то запричитала:

– Андрея срочно надо нести в больницу, у него отудара разорвался желудок, из которого выпекают съеденные утром консервы.

Хохотали над Танюшкиной шуткой и над поддельным испугом Кеда еще несколько дней.

После поездки на Южный Урал, Татьяна как-то зашла в бухгалтерию, где работали её мама и сестра Андрея. Рассказывая им о походе, она ляпнула то ли нарочно, то ли просто не подумав:

– Оказывается, ваш Андрюша такой горячий.. с ним так хорошо спать.

После этого случая Андрей часто слушал смущавшие его насмешки деревенских теток за спиной: «Ходят слухи, что он такой горячий».

В десятом классе Андрей остался без друзей. Виктор поступил в Новосибирский сельскохозяйственный институт, а Татьяна в Новокузнецкий педагогический по специальности география. На первой встрече выпускников они долго гуляли втроем по заснеженным деревенским улочкам.

– Ах, как я устала, ноги не держат, – призналась Татьяна.

Андрей понял это как намек и поднял её на руки. Она показалась ему совсем невесомой. Виктор шел рядом и ехидно комментировал странную процессию, было заметно, что он завидует и хотел бы оказаться на месте друга. Андрей не передавал драгоценный груз, (хотя Виконт несколько раз предлагал ему замену), и согласился лишь тогда, когда сил уже не оставалось.

– Хорошо иметь сразу двух ухажеров, – Татьяна обвила шею Виктора руками. Вот тогда Первозванный в первый раз почувствовал себя лишним.

Летом и он тоже уехал из поселка, поступать в Томский политехнический.

Андрей писал Татьяне длинные письма, как ему одиноко и как он скучает, вспоминая её заразительный смех и жизнерадостную улыбку, отом, что счастлив знакомству с такой обворожительной и веселой подругой. Раньше Андрей заносил свои размышления в дневник, но Татьяна сказала, что вести дневник все равно, что кричать в пустой комнате. Она предложила стать его слушателем и присылала в ответ коротенькие, юморные, но содержательные рецензии на его опусы. Андрея одолевали сомнения: «Любовь это или не любовь»? Может ли дружба с милой девушкой длиться долго, не переходя за условную грань? Нормально ли, прогуляв с девушкой до полночи, не поцеловать её лишь потому, что она тебе друг и только? Почему все так запуталось? Ведь не было слепой любви – и это точно. Но отчего тогда он все время думает только о ней и с нетерпением ждет её писем. Может, всплеск чувств вызван соперничеством с Виктором?

Тогда на вокзале признание Татьяны прозвучали совсем неожиданно. Неделю летних каникул они провели вместе, почти не расставаясь, днем ходили за ягодами, вечером на танцы, нанесли визит своей учительнице географии, вместе долго пили чай

и вспоминали свои походы. Уже в прихожей Елена Дмитриевна, задержав Андрея, тихонько шепнула на ухо:

– Не упусти девушку, вы с ней просто созданы друг для друга.

– Не утущу, – самоуверенно заверил Андрей.

А через три дня Таня сказала ему, что они с Виктором решили пожениться следующим летом.

– Ну, и что мы загрузили? Конечно, надо было сказать тебе сразу, но Виктор попросил не афишировать нашу договоренность, хотя скрывать это от тебя не имеет смысла. Мы все равно останемся самыми лучшими друзьями. Правда, Андрюшенька?

Этот неожиданный удар лишил Андрея дара речи. И теперь от нахлынувших воспоминаний старая обида вновь сдавила сердце...

Едва вступив на порог родного дома, Андрей услышал от мамы потрясающую новость. Виктор женился на «городской» и вчера привез молодую познакомиться с бабушкой. – Такая она из себя пава, на драной козе не подьедешь, зовут Наташкой, а Витька называет её смешно, как француженку, – Натали. Приехала вся измалеванная, а посмотреть не на что. Баба Шура сказывала по секрету, что её отец в Новосибирске высокий пост занимает, вот они по быстрому и охомутили Виктора.

– А как же Татьяна? – не удержался от вопроса Андрей.

– А что Татьяна? Она девка видная, одна не останется, её распределили в наш район, будет учительствовать в соседней деревне. Мать ожидает её приезда со дня на день, а пока она где-то по горам алтайским лазит. А что это ты Таню вспомнил? У тебя теперь своя невеста есть.

Развязывая рюкзак, чтобы раздать гостинцы, Андрей обнаружил, что банка с вареньем из голубики, открывшаяся видимо при экстремальной высадке из вагона, залила новый белый польский плащ, которым он хотел удивить своих земляков. Настроение совсем испортилось. Дорого же ему обошелся галантный поступок, а проводница про него наверняка и думать забыла.

Почти рассвело, на улице стали раздаваться окрики односельчан, которые выгоняли свою скотину в стадо, Андрей, укладываясь спать, вспоминал свое последнее письмо к Татьяне.

«Здравствуй, а точнее – доброй ночи. Сейчас ты, пожалуй, уже спишь крепким сном и твои длинные волосы рассыпаны по подушке. Мы расстались всего три часа назад, поезд уносит меня все дальше от дома и от тебя. За окном глубокая ночь, но спать совершенно не хочется. Я вспоминаю наши встречи с тобой.. Как так вышло, что только сейчас я вдруг понял, что ты для меня больше, чем друг? Меня всегда восхищало твоё остроумие, твоя непосредственность, мне казалось, я понимаю тебя с полуслова, между нами не было недомолвок, мы обсуждали с тобой все наши походы, мечтали о будущем. Мне как легко и просто было с тобой общаться! Я начинаю чувствовать, что это и есть настоящее счастье. Ведь рядом есть друг, которому можно рассказать о своих проблемах и удачах, и он будет искренно сочувствовать или радоваться вместе с тобой. Ты именно такой друг. Мне выпала удача слушать твой голос, любоваться твоими шелковистыми волосами, обижаться на твои откровенные шуточки. Мне казалось, что так будет продолжаться вечно. И вдруг все резко изменилось, между нами появился Виктор. Хотя почему появился? Он присутствовал всегда, как тень отца Гамлета. Я видел его неуклюжие попытки завоевать твоё внимание, но не воспринимал их всерьез и был беспечно спокоен. Мне он казался таким хладнокровным и рассудительным, что создавалось впечатление неспособности его на лирические чувства, и вот гляди-ка – созрел. А может все иначе, и это ты выбрала его?

Безусловно, у него масса достоинств – он старше, опытный, к тому же красавец, спортсмен, музыкант, общественник, хозяйственник, без пяти минут агроном, морально устойчив, я бы даже сказал, железобетонно правильный. У него все разложено по полочкам, он спроектировал свое будущее до мелочей на сто лет вперед, он многого добьется в жизни, я уверен, станет председателем совхоза. Его супруга, степенная и красивая, нарожает ему кучу детей, таких же правильных и.. скучных. Виктор будет отличным семьянином и верным мужем, преимуществ у него передо мной масса, и если бы не моя эгоистическая привязанность к тебе, как истинный друг я должен бы благословить вас и

пожелать семейного счастья... Да вот незадача: будешь ли ты с ним счастлива, уживется ли импульсивный, словно шаровая молния, ступок энергии вместе с рассудительным спокойным и даже холодным прагматиком?

Милая Танюшка, ты сделала свой выбор. Я опоздал со своими признаниями, да и что я мог предложить тебе? Постоянный неуют и вечные скитания по геологическим партиям против обустроенного и надежного быта с Виктором? Я понимаю всю несоизмеримость его преимуществ перед моей кандидатурой. Правда, у меня есть козырь, который я, как шулер, долго держал в рукаве, но так не сумел им воспользоваться. Это уже ничего не изменит, но знай, Танечка, я тебя люблю. Люблю очень сильно. Не скрою, осознание этого пришло ко мне недавно, хотя и раньше меня неодолимо тянуло к тебе. Мы вместе потихоньку взрослели, и теплые близкие отношения, которые нас связывали, переросли во мне в нечто большее. Я понял, какое это огромное счастье всегда быть с тобой рядом. Однако, наверное, надо не только страстно и самозабвенно любить, но и не допускать малейшей возможности для сомнений у партнера в своих чувствах. Может, потому ты и предпочла Виктора?

Иногда мне кажется, что мы участники мелодрамы, где под занавес должно произойти какое-то роковое событие. Все мы знаем об этом, но не пытаемся поменять сюжет, он определен заранее, ибо зрители любят трагические концы. Я очень волнуюсь за тебя, за себя и Виктора. Перспектива друга семьи меня совсем не устраивает, хотя мы и добрые приятели, но видеть тебя в качестве супруги моего друга для меня будет тяжело. К тому же я не уверен, что смогу сдерживать свои чувства, и потому встречаться, да и переписываться нам больше не стоит. Выбор сделан. Рубикон переиден. Назад пути нет. Прощай, Танюшка.

Отославшись, Андрей вышел во двор и увидел в соседнем огороде Виктора. «Городская» сидела рядом с ним на скамейке и чистила картошку.

– Здорово ночевали, – нараспев поздоровался он. – Хлеб да соль вашей хате, не хворает ли скотина, много ли сена на

зиму заготовили, не поел ли картошку жук колорадский, – но на этом его деревенский сленг иссяк и он, перепрыгнув через плетень, подошел к другу и протянул ему руку:

– Здравствуй Виконт, давай, знакомь с супругой.

«Молодая» отреагировала на его кривляния презрительным взглядом. Назвать её красавицей было бы преувеличением, совсем еще юная, со вздернутым носиком и копной пышных рыжих волос, завязанных в тугой узел, однако высокая грудь, которая притягивала взгляд, делала её неотразимой и привлекательной. Андрей бесцеремонно осмотрел девушку и вслух выдал своё заключение: – Хороша. Одобрю.

Виктор крепко пожал протянутую руку, загадочно улыбаясь.

Девушка представилась сама:

– Ирина, а вы как я понимаю, Андрей, деревенский ловелас и Дон-Жуан.

Андрей немного опешил не столько от лестной, но несоответствующей действительности характеристики, которая могла исходить только от Виктора, сколько от маминной ошибки, сообщившей, что невесту зовут Наташа.

– По этой части пальму первенства у нас за Виктором, прошел слух, что он женился на Натали, а он знакомит меня совершено с другой, – пожал плечами Андрей, сбитый с толку.

Из дома вышла блондинка с кислой недовольной миной.

– Ирина, я там картошку жду, а ты тут шуры-муры разводишь.

– Здравствуйте, я так полагаю, это вы Наташа. Вот явился под ваши светлые очи засвидетельствовать свое почтение, – шагнул Андрей к супруге Виктора.

– Чем юродствовать, лучше бы помогли, через час уже гости придут, а мы ничего не успеваем приготовить, – раздражено бросила Наталья.

– У нас в деревне принято вначале здороваться, а уж потом ругаться, – Андрею сразу не понравилась супруга Виктора. Видимо, попав в незнакомую для неё среду, она совсем растерялась.

– Здравствуйте, извините, замоталась совсем, газа у вас нет, на печке я готовить не умею, а на электрической плитке вода уже полчаса не закипает.

Вечеринка получилась какая-то натянутая, молодая хозяйка была всем недовольна и не стеснялась показывать свое раздражение. Андрей попытался развлечь гостей игрой на гитаре, но его никто не захотел слушать. Расходились рано, даже не уничтожив все, щедро выставленное спиртное.

- И зачем я сюда поехала, - гундела Наталья, - чтобы весь день у плиты торчать? Какие у вас здесь в деревне развлечения? - обратилась она к Андрею.

- Давайте завтра с утра за грибами сходим, я знаю грибное место, где груздей и белянок пруд пруди, - предложил он.

- Я еще грибы не солила, - сыронизировала Наталья.

- Зачем солить, их можно и пожарить, - продолжал настаивать Андрей, словно не замечая её сарказма.

- А что, хорошая идея, - ввязалась в разговор Ирина, как оказалось, младшая сестра Натальи.

- Значит, договорились, часов в восемь я за вами зайду.

Утром, когда Андрей постучал в калитку Виктора, молодые еще спали. Наталья сказала больно, Виктор решил не оставлять хворую супругу. Ира после недолгих сборов вышла одна. Её наряд совершенно не соответствовал задуманному мероприятию, она облачилась в яркую цветную кофту с воланами и глубоким декольте, мини-юбку, а на ногах красовались башмачки на небольшом каблучке.

- Э, так не пойдет, - изумился Андрей её непрактичностью. - Так мы далеко не уйдем.

- Я ничего с собой больше не взяла, - заморгала ресничками Ирина.

- Подожди минутку, - Андрей сбегал домой, принес резиновые сапожки и теплую серую кофту сестры. - Одевай!

Ирина обула сапожки и лишь накинула кофту на плечи.

- Видела бы меня, наряженную, как деревенская тетка, моя мамочка, - фыркнула она.

Андрей промолчал, хотя ему было неприятно, и он уже пожалел о своем предложении.

Вначале разговор не клеился. Андрей принялся рассказывать о дружбе с Виктором, пытаясь, между прочим, выяснить обстоятельства, приведшие к столь неожиданной для него свадьбе. Ирина сообщила немного: Виктор с Натали однокурсники,

после защиты диплома отдыхали вместе на Иссык-Куле, а вернулись и по-быстрому расписались.

- Я догадываюсь о причинах такой поспешности, но они оба молчат как партизаны, - ухмылка скользнула по её лицу.

Понемногу Андрей разговорился, вспоминая о походах и приключениях, о своей работе в Якутии и зачем-то о сокровенной мечте - об Антарктиде. В одном научно-техническом журнале он прочитал, что через два года планируется начать бурение глубокой скважины на пятом континенте. Он написал в Московский институт который проектировал проходку скважин во льдах, письмо с просьбой включить его в состав экспедиции. Ответа не поступало. Шансы у молодого специалиста попасть в буровую бригаду даже простым помощником бурильщика равнялись нулю, но юношеский напор и самоуверенность в успехе вызвали у него ощущения реальности задуманного. Ирина, в свою очередь, поведала о своей семье. Её папа работает вторым секретарем в Новосибирском обкоме партии. Они с сестрой дважды выезжали за рубеж. Отдыхали в Болгарии и Югославии. Ирина восторженно делилась своими впечатлениями о роскоши гостиниц и обилии товаров в бутиках. Так за разговорами пришли в камышовый лес, протягивав около десяти километров. Место действительно оказалось грибным, и они уже набрали полные корзины, когда неожиданно пошел дождь. На этих сенокосных полянках Андрею приходилось бывать не раз, и он вспомнил про шалаш, спрятанный в буреломе. Укрытие отыскали быстро. Это был даже и не шалаш, а небольшая землянка, и кто-то недавно здесь отдыхал, набросав на пол свежее сухое сено.

- Тут переждем дождь, - сказал Андрей, пропуская девушку вовнутрь.

- Сам отрицал, что он Дон-Жуан, а гляди-ка, и в шалаш привел, и сено приготовил, - Ирина развязала намокшую косынку и сбросила кофту. Рыжие волосы рассыпались по плечам:

- И чем мы займемся?

Андрей, взяв её за руку, пригнул к себе

- А что бы ты хотела в самых сокровенных своих мечтах?

- Ну, и развратник же ты, Андрюша, - Ирина громко расхохоталась.

То, что было дальше, можно назвать лишь порывом стихии.

Они не выходили из шалаша даже тогда, когда дождь уже кончился. Произошло какое-то наваждение. Андрея одолевали смешанные чувства. Зачем это ему надо, через неделю приезжает невеста, а он так опрометчиво связался с почти незнакомой девчонкой.

Ирина достала откуда-то пачку сигарет:

– Ты просто чудо, Андрей, не буду лукавить, у меня уже есть небольшой опыт в таких делах, но ты был великолепен. Теперь я понимаю свою сестричку, почему она остановила свой выбор на деревенском парне, хотя у неё вырисовывались и другие, более заманчивые партии. Ты, может, и не согласишься, но я ехала специально познакомиться с тобой. Виктор мне про тебя все уши прожужжал: «Мой друг такой умный, веселый и перспективный». Правда, он на тебя был обижен, какую-то деревенскую дурочку ты у него отбил. Сознайся, я тебе понравилась?

– Ира, я даже выразить тебе не могу свои чувства. Мог ли я мечтать о таком блаженстве

– Все в твоих руках, стоит тебе лишь заикнуться – мой папа устроит все в лучшем виде и свадьбу на высшем уровне, и карьеру тебе, включая, если очень хочешь, и Антарктиду.

– Ирина, я не успел тебе сказать, но у меня есть девушка.

– А что это меняет?

– Как-то все неожиданно и скоро получилось..

– А я не тороплю с ответом, у нас еще уйма времени. Я уезжаю только послезавтра.

Возвращались молча, на околице их перегнал грузовик, обдав клубами пыли. Машина остановилась, из неё вышел Петька Жеманов, набравший после окончания школы еще килограммов двадцать живого веса.

– Андрюха, это ты, а я засмотрелся на твою кралю и тебя не признал. Ты что такой доходной, устраивайся к нам на пивзавод, там на пиве со сметаной мы тебе быстро откормим. Давно приехал? А это невеста твоя? Давай, знакомь. Слышал, Виктор какую-то мыру из города привез?

Андрей толкнул приятеля в бок, а Ирина рассмеялась:

– Информация у вас в деревне поставлена на высокий уровень.

– Садитесь, довезу, – распахнул дверцу грузовика Пеже.

Виктор и Наталья встречали их у ворот.

– Где вас черти носят, мы уже изволновались все. Совети ни на грош, это дурочка еще молодая, а ты-то соображать должен. И даже не сказали, в какую сторону пошли, где вас искать, – набросилась на них Наталья.

– Зачем беспокоиться? У нас здесь волки не водятся, а я в своем краю из любого места с закрытыми глазами выведу, – оправдывался Андрей, словно не догадываясь, в чем его вина.

– Ладно, расшумелись на всю деревню, пойдём в дом, – предложил Виктор.

– А ты всё не уймешься, – накинулась уже на сестру Наталья. – Мало тебе городских приключений, так и здесь решила роман завести. Завтра же уедешь к родителям!

– Да хоть сегодня! – взорвалась Ирина. – Достала ты меня своим полицейским надзором!

Сестры пошли в дом, а Виктор, Андрей и Петр остались у калипки.

– Серьезная у тебя супруга, – качнул головой Петр. – Хотел на рюмашку напроситься, да уж как-нибудь в другой раз. Бывайте, мужики, – и он заспешил к машине.

– Первозванный, я тебя забыл предупредить: с Ирой связываться не стоит, она еще та штучка. Ты тоже хорош, мы вас к обеду ждали, а уже шестой час.

– Вить, ты меня не первый день знаешь, и чего было шум поднимать. Ира, между прочим, девушка совершеннолетняя.

– Так, значит, ты уже с ней переспал, шустрый ты, однако

– Давай мы эту тему закроем.

– Мой тебе, Андрюша, совет – держись от неё подальше, ты по наивности и не представляешь, чем это может для тебя обернуться.

«После радости – неприятности, по теории вероятности», – крутился в голове Андрея назойливый мотив. Сели ужинать поздно, настроение было подавленное. Мама сообщала последние новости. В поселке уже обсуждают их с Ириной грибную вылазку. Предположения разные, но их поступок никто не одобряет, а поскольку Виктор вечером отправил родственницу в Новосибирск, то заключение однозначное: «Что-то было». Однако самую важную информацию мама приготовила напоследок:

– Татьяна приехала, уже заходила, просит помочь ей домашние вещи перевести. Не хотела тебе говорить, так она все равно завтра с утра прибежит. Ей про женитьбу Виктора уже доложили, так она и ухом не повела, все хихоньки, да хахоньки.

Оказалось, что Татьяне как молодому специалисту в деревне Калинкино предоставили большую комнату в новом шитовом доме. Но прежде, чем перевозить в неё скарб, необходимо было произвести косметический ремонт. Андрея пригласили в качестве бесплатной рабочей силы, хотя Танюшка намекала, что у неё запасена бутылка домашнего бабушкиного вина. Уходя из дома, Андрей предупредил маму, чтобы она не волновалась, если он задержится или вообще не сможет вернуться.

– Андрюша, я прошу тебя, не ездь к ней. Ты как с цепи сорвался, у тебя же невеста скоро приедет, откажись.

– Ну, мама, что я маленький, что ли?

– Не пушу, ты всего не знаешь, а я сказать не могу.

– Перестань мама, я уже пообещал.

– Погубит она тебя, присушит и всю жизнь переломает. Не езжай. Вот ты не знаешь, что её бабка-колдунья в молодости мужиками в деревни крутила как хотела, они из-за неё все с ума посходили, которые спились, а один даже повесился. И мать у неё еще та ворожея. Останься. У твоей Тани глазочень нехороший, как посмотрит своими гляделками, у меня аж мурашки по коже. Бабка с матерью, видать, её всем своим колдовским хитростям научили.

– Мамочка, не говори глупостей.

– Ой, Андрюша, щемит мое сердце, добром это не кончится. Крепко подумай, не делай глупости. Приворожит она тебя, глазом моргнуть не успеешь, и вино у неё, как пить дать, бабкой заговоренное. Послушай мой материнский наказ, если доведется вино пробовать, обведи пальцем левой руки по краю стакана, а перед тем, как пригубить, сдунь тихонько в сторону.

Работы было много, «новая» квартира оказалась в запущенном состоянии, предстояло побелить стены, отмыть окна и

покрасить полы. Трудились без перерыва до позднего вечера и едва успели на последний автобус.

– Вино так и не попробовали, – сокрушалась Танюшка, – приходи завтра ко мне утром часов в десять.

Когда на следующий день Андрей пришел к Татьяне в гости, его встретила её мама.

– Ну, проходи жених, буди свою соню, а я уже на работу опаздываю.

Татьяна спала, а может, только делала вид, что спала, уж слишком красиво она лежала. Легкая ночная рубашка на лямочках почти не скрывала девичьи прелести, пухлый ротик был полуоткрыт, а длинные волосы рассыпаны по подушке. Невозможно было оторвать взгляд от этой картины. Андрей наклонился и поцеловал Татьяну в губы, она что-то пробормотала спросонок и открыла глаза. Андрей встал на колени, обнял её и снова поцеловал. Она обвила рукой его шею и вдруг прыснула от смеха.

– А если мама войдет, вот умора-то будет, дряка полуголая и кавалер на коленях.

– Твоя мама ушла на работу.

– Ты на что намекаешь? Соблазнить меня пытаешься?

Она потянула простынь к груди и снова рассмеялась:

– Видел бы ты, Андрюша, себя в зеркале, у тебя такое глупейшее выражение лица.

– Будешь насмехаться, я тебя покусая, – обиделся кавалер и потянул за простынку, которая медленно сползала, словно на торжественном открытии памятника, предоставляя жадному взгляду прекрасное человеческое творенье.

Татьяна поднесла тыльную сторону ладони к своему лицу, изображая смущение светских жеманниц со старинных полотен.

– Ах, я вся дрожу от страха, – и она снова расхохоталась. – Полубовался, теперь отвернись, мне одеться надо.

– А если не отвернусь?

– Тогда ты не джентльмен, а молодой растутник, – Татьяна встала с кровати и сладко потянулась.

– Для наглых молодых развратников показывается эксклюзивный домашний стриптиз. Ва-ля! – Она сбросила бретельки ночной рубашки с плеч, и та упала к её ногам.

Андрей сделал шаг навстречу.

– Попрошу без рук, у нас, как в музее, экспонаты руками

не трогают, – Татьяна провернулась вокруг своей оси. – Правда, я чудо?!

Ответить Андрей не мог, у него пересохло горло. Танюшка, маленькая смешливая девчонка, как она прекрасна! Пока он сглот, открыв рот, Татьяна накинула халатик:

– Пойдем чай пить, развратник.

Опускался вечер, скрывая в своих сумеречных объятиях место событий, которые повлекут за собой еще неизвестную развязку. Двое медленно брели по дороге. Говорила в основном она, он лишь изредка поддакивал или, перебивая, успокаивал свою попутчицу. Разговор шел о третьем лице, о подлом поступке их друга – а для неё больше, чем друга, его измене и неожиданной женитьбе.

– Ты представляешь, – повторяла она, – он знаком с ней более двух лет, а когда я его спросила, почему ты не отвечаешь на мои письма, может, у тебя кто-то появился, он написал, что нет, просто все ему надоело, и предложил оставаться друзьями. И знаешь, что он написал напоследок? – голос её задрожал, но был наиграно веселым. – Он заинтриговался: – Ты хотя бы меня любила?

Андрей прижал её к себе, и она уткнулась головой ему в грудь, но неожиданно снова отпрянула:

– Ты её видел? Она очень красивая?

– Как тебе сказать, по-моему, полная твоя противоположность.

Андрей не мог понять друга и не мог простить его. Ну, почему он не предупредил его об изменении своих планах хотя бы полгода назад, все сложилось бы по-другому. Сжималось сердце от обиды за себя и Татьяну, он считал своего друга верховом порядочности, и даже, проглотив обиду, ушел в сторону, когда почувствовал себя лишним. Если она выбрала его, зачем стоять на пути влюбленных? Виконт же поступил не по-товарищески, обнадежив одну, строил на стороне планы с другой. Он предал не только её, но и его.

– А правда, мне тут соседка рассказывала, что ты амуры с Витькиной родственницей закрутил?

– Да, ничего особенного, сводил «городскую» за грибами.

– Ой, Андрюшка, не финти, все вы, мужики, сволочи. Что

же ты мне не рассказываешь, что на днях ждешь невесту? Мама твоя мне все отрапортовала. Андрюшенька, дай ей телеграмму, пусть она не приезжает. Давай вычеркнем этот подлый год из памяти и начнем все заново. Ты меня еще любишь?

– Да, – не задумываясь, ответил Андрей, это была правда и неправда. Сразу вспомнилась холодная комната в студенческом общежитии и шепот красивой доверчивой девушки, прижавшейся к нему всем телом: – «Ты меня любишь?» И тогда Андрей тоже сказал: «Да, больше всех на свете». Так кто же он любит? Надо выбирать. Уже не получится выглядеть добреньким для всех, кому-то из двух этих милых его сердцу созданий придется нанести жесткую травму. Сказать «нет» Танюшке, подруге детства, которой он объяснялся в страстной и вечной любви и которая еще не оправилась от предательства их друга, или Юлии, отказавшейся ради него от столичного распределения и не испугавшейся тьму-тараканьских перспектив жениха? Как он может судить Виктора, который по своей доброте, а скорее всего по капризу избалованной девицы тоже попал в непростую ситуацию и был вынужден отказаться от своей любви, а может быть, и счастья?

Перевозили Татьянины вещи на следующий день после обеда, договорившись с Петром о помощи. Загрузили в его машину кровать, стол, пару стульев и узелок с постелью. Вот и все пожитки.

– Небогатое приданное, – иронизировал Пеже.

Когда занесли вещи в квартиру, Петр спросил Андрея:

– Ты остаешься или мне тебя подождать?

– Езжай, маме передай, что если задержусь, пусть не волнуется.

Оставшись вдвоем, они расставили по углам мебель, Татьяна положила на кровать матрас, постелила простыни.

– Надо испытать, прочно ли мы её установили, – она упала спиной на кровать, широко раскинув руки. Андрей присел рядом, погладил её волосы и, приподняв голову, поцеловал. Танюшка обвила его шею руками, а потом резко отпрянула:

– Не спеши, у нас с тобой вся ночь впереди, давай отметим новоселье, открывай вино.

Она разложила на столе привезенные продукты, а он разлил вино по стаканам.

– С новосельем, – Андрей осторожно провел пальцем по краю стакана и тихонько выдохнув, отпил пару глотков. – Хорошее вино у твоей бабушки.

Таня смотрела на него широко раскрытыми глазами, а потом вдруг громко и неестественно расхохоталась:

– Откуда, Андрюша, ты прознал про любовные привороты и кто тебя научил этим штучкам?

– Каким штучкам? – притворился непонимающим Андрей, почувствовав, как краснеет.

– Не финти, Андрюша, с чего ты взял, что я надумала тебя привораживать? Ты же сам мне в любви клялся. Чего ты хотел? Посмеяться надо мной? Ты, оказывается, не лучше Виктора... Ну почему мне так не везет с мужиками? Один сбежал, другой испугался.. Знаешь что, Андрюша, езжай-ка ты домой, пока трамваи ходят, и передай привет маме. Я правильно угадала, это она обучила тебя колдовским премудростям?

Андрей неуклюже пытался объясниться, но увидав в ледяных глазах своей подруги всполохи ненависти, вышел, не прощаясь.

Встречать свою невесту на вокзал Андрей пошел один, она приезжала тем же поездом, что прибыл он сам, только с обратного направления.

Состав медленно подходил к станции, в открытых дверях первого вагона Андрей увидел Алену. Проводница весело замаячила ему руками и спрыгнула, не дождавшись полной остановки поезда. Подбежав к Андрею, она крепко обняла его, прижавшись всеми своими пышными формами.

– Ты так неожиданно исчез, я ужасно за тебя волновалась! Всю неделю о тебе только и думала. Почему ты не пришел ко мне в купе? Знаешь, я была уверена, ты обязательно выйдешь меня встречать. Напиши мне свой адрес, и я к тебе приеду.

Лицо девушки озаряла такая неподдельная радость, что огорчить её у Андрея язык не поворачивался:

– Запомни: Томск, улица Пирогова, 18. Не забудешь?

– Милый, я скоро приеду. Жди. – Она потянула губы для поцелуя.

Андрей лишь слегка коснулся её щеки:

– Беги, опоздаешь.

Улыбка на лице Алены, вдруг увяла:

– Прощай, геолог, я, наверно, опять ошиблась.

Медленно, словно спотыкаясь, она пошла к своему вагону.

– «Какая же я скотина, – думал про себя Андрей, – хоть бы Юлия не видела эту сцену». И он поспешил навстречу махавшей ему невесте.

Дмитрий АЩЕУЛОВ

РАССКАЗЫ

ПАРОХОД

Как они смогли появиться в элитном ресторане – уже позже никто из персонала толком объяснить и не смог. Парочка была еще та. Старушенция со старомоднейшей прической с буклями, в очёчках, создавала впечатление милой доброй бабушки учительницы на пенсии. Вошедший вслед за ней через стеклянные двери парень был в дурацкой фетровой шляпе и в устаревшем, некогда модном, белом длиннополном плаще. Он тащил выдавший виды чемодан, неизвестно каким чудом доживший до наших дней. Обтянутые дерматином бока были украшены нелепейшими и выцветшими наклейками с названиями зарубежных городов, нагло бросающими вызов продуманному дизайну заведения. Оказавшись в царстве стекла и стиля хайтек, парочка подрастерялась. Парень, сдвинув шляпу на затылок, огляделся:

– Мамань, давайте поближе к телеку, – решительно сказал он и занял место со своим чемоданом за столиком рядом с плазменным экраном.

Часы показывали одиннадцать утра. В ресторане «Туганхамон» было пусто. Заведение расположилось на крыше современного семизэтажного дома, в самом центре города. Часть кровли служила открытой площадкой для летнего кафе. Жизнь здесь закипала ближе к шести-семи вечера, и брызги веселья били через край до самого утра. «Туганхамон» был популярен среди местных предпринимателей, чиновников, авторитетов, их любовниц, брошенных жен, дорогих проституток и небогатой богемы провинциального городка.

В этот ранний час здесь сидел всего один посетитель – владелец таксомоторного парка Мандаринов со своей новой спутницей. Девушка была явно из моделей.

Мандариновская пассия вызывала большой интерес у официанток. Поскольку тот менял девок через каждый месяц, в «Туганхамоне» каждый раз активно обсуждали очередную любовницу таксомоторного короля. Придирчиво оценивая достоинство новой подружки завсегдатая заведения, официантки на этот раз выбор Мандаринова меж собой не одобрили. Впрочем, сегодня внимание обслуживающего персонала привлекли странный парень со своей мамашей. Своим видом они явно были не в формате престижного заведения и внесли замешательство и растерянность в ряды скучающих официанток и бармена.

– Это что еще за колхозники? – подивился первым бармен Костя.

– Вообще как их внизу охрана до лифта допустила? – забеспокоилась администратор зала Марина. За свои тридцать прожитых лет она имела два развода и бесчисленное количество попыток устроить свою личную жизнь. Подсознательно она знала, но явно никогда не признавалась себе, что стерва и не смеет ужиться с мужчиной. А еще из страхов психоаналитик определил бы у нее боязнь потерять хорошее рабочее место, поэтому всюду и во всем Марина видела происки недоброжелателей, подсиживающих ее. И на этот раз исключения не было.

– А может это Кирилыча родственники? – связала родственными узами мамашу и ее чудаковатого сына с хозяином заведения официантка Яна.

– Родственники? Кирилыча?! – переспросила Марина и, вспомнив нравы и манеры хозяина, в душе согласилась: тот явно не аристократ.

– Ну-ка, Янка, сходи на разведку, спроси: чего им тут надо? Но только сразу не груби, – решила Марина.

Яна старалась всегда вести себя как девушка из высшего общества, держала спину прямо, и смотрела на окружающих чуть свысока. Ей казалось, что подобная манера поведения выделит ее из нагло-расторопных здешних официанток, мечтающих, чтобы хоть какой бы клиент по пьяни ли, под наркотой затащил их в постель, а потом, расщедрившись, сделал бы подарок или отделался баблом. По утрам, моя в эмалированной чашке голо-

ву, девушка частенько представляла себе, как в «Гутанхомоне» встретит ее чудом заехавший в их город миллионер и, пленившись аристократичностью ее манер, влюбится и увезет от осточерпевшей матери, от домика, утонувшего в кустах унылой сирени, и от этой всей ее не менее унылой, чем сирень, жизни. И следуя своим правилам держать себя достойно во всех ситуациях, даже с такой мелочью, как эти двое, она вела себя согласно принятому образу.

- Вы здесь кого-то ожидаете? - деликатно спросила девушка, подойдя к столику с таинственными посетителями.

- Мы-то? - переспросил парень. - Понятное дело - ожидаем. Парохода.

- «Пароход»? - переспросила Яна. Это был фирменный коктейль, изготовлявшийся только в этом заведении.

- Ну да, именно его, - кивнул парень.

- На двоих? - уточнила девушка.

- Мы вместе, вместе.

Его мама мягко заулыбалась симпатичной официанточке и мягко добавила:

- Вы не беспокойтесь, милая, мы у вас недолго посидим. Вот только дождемся своего и все.

Когда Яна отошла, до нее дошел громкий шепот старушки:

- Милая девочка, правда. Приглядишься к ней. Тебе вот такую невесту выбирать надо, чтобы и работающая, и меня уважала...

Яна внутренне ужаснулась. Конечно, заведение не институт благородных девиц, мужики и пялились, и пошлости отпускали, по пьяной лавочке и облапать норовили. Но чтобы такому деревеншине в невесты сватали!? «Где же ты, молодой миллионер?» - с тоской в сердце подумалось официантке.

- Они явно от Кириллы, - вернувшись к барной стойке сказала она Марине. - Бабка сказала, как только дождемся своего - уйдем. А сын заказал два «Парохода». Это им хозяин видимо и посоветовал, откуда этим недотепам самим знать о нашем меню. Они слаще морковки в жизни ничего и не видали.

- Что, и старушке тоже «Парохода»? - переспросил Костя.

- Парень сказал: обоим.

- Жалко бабку, - зная крепость изготавливаемого зелья, резюмировал Костя. - Видимо, это теща Кириллы и он так от старухи избавиться хочет.

- А у них денег-то хватит? - усомнилась Марина.

- Может шеф за них заплатит? - предположила Яна.

- Щас! Ты чего, хозяина не знаешь?! Потом сумму на нас повесит, кто платить будет? Я сама пойду с ними поговорю, - решительно взяла дело в свои руки Марина.

- Вы ожидаете Никиту Кирилловича? - строго спросила она подозрительных посетителей.

- Да нет же. Я же объяснял этой вашей блондиночке, - нервно сказал парень. - Мы ожидаем пароход.

- Вы имеете в виду заказанный коктейль?

- Зачем вы меня путаете? - обиделся парень. - Не заказывал я у вас ничего.

- Подожди-ка, Миша, - вмешалась старушка и обратилась к Марине. - Мы ждем пароход.

- Это я поняла. Но вы цену-то его себе представляете, бабушка? Это же половина вашей пенсии.

- Зачем нам ваши цены?! - сердито сказал парень. - Не нужно нам вашего ничего. Покупать у вас мы ничего не собираемся. Цены-то тут у вас будь здоров. Честному человеку не по карману, фазу видать: только хагуги могут у вас отжираться.

- Тогда что же вы хотите? - пропустила мимо ушей оценку заведения Марина, давно внутренне согласная с такой постановкой вопроса.

- Сколько раз вам говорить: мы ожидаем ПА-РО-ХОД.

- Какой пароход? - Марина даже улыбнулась от растерянности.

- Ну какой? Обычный. Обычный пароход, - убедительно и даже очень серьезно сказал парень.

- Это седьмой этаж! Молодой человек, какой пароход? О чем вы? - нервно хохотнула Марина, внимательно всматриваясь в лица посетителей.

- Да знаю, что седьмой, пока в лифте тащился, посчитал.

- Пароходы здесь не ходят, - понимая, как идиотски, как нелепо звучит ее фраза, произнесла администратор.

- Ой, не учите меня. Я сам знаю, где ходят, а где не ходят пароходы, - отрубил парень.

- Девочка, милая, вы не беспокойтесь, мы вам хлопот не доставим, еще пять минут - и мы уплывем, - успокоила ласково бабулька.

– Уплывем?! – Марина заглянула в бабкины глаза, в них было столько блаженства, что у молодой женщины, повидавшей многое за годы своей ресторанной деятельности, закружилась голова от такой наивности.

«Да они психи, – жутко подумалось ей. Мысли, толкаясь, кружась и мешаясь одна с другой, понеслись у нее в голове. – Бывает же, что из цирковых трупп тигры убегают. Так и эти. Бежали из психушки. Шизики же явные. Или розыгрыш шефа? Когда Кириллыч кокаину нанохается, от него и не таких разводов ожидать можно. Нанял актеров из местного театра и сидит, через камеры видеонаблюдения ржет над ней, дурачкой. Впрочем, нет. Всех местных актеров она знала в лицо хорошо. Пару лет до этого заведовала залом в кафешке при театре».

Пошатаваясь, Марина вернулась к стойке.

– Ну как? – поинтересовался результатами ее разговора бармен.

– Костян, они здесь парохода ждут, – криво улыбаясь, сказала Марина.

– Сейчас напиток богов будет готов к употреблению, – расторопно кивнул головой парень.

– Ты не понял, они реальный пароход тут выжидают, – внимательно следя за реакцией собеседника, произнесла Марина.

Увидев выгнувшееся в идиотской полуулыбке лицо бармена, молодая женщина словно очнулась от обморока.

– Вызывай охрану. Гнать их надо! И «скорую» бы вызвать, пусть изолируют ненормальных, – решительно распорядилась она. И не дожидаясь, пока Костя очухается, сама сняла трубку телефона, чтобы вызвать охрану снизу.

– Ну что, Харитонов, опять всю ночь драл жену, а теперь задницу на стул и глаза в пучок? – произнесла молодая женщина, злорадно представляя, как у толстого, висюлого охранника от такого обращения багровеют лицо и шея. То ли за вислое усы, то ли за то, что жил тот в браке счастливо, то ли за то, что однажды Харитонов, пробуя поволочиться, пригласил ее в кафе, а когда получил отворот поворот, развернулся и ушел, не заплатив по счету, но Марина очень сильно недолюбливала охранника. И всегда старалась устроить ему какую-нибудь пакость или унижить.

– Ты чего, корова, совсем охренела?! – судя по реплике Марина дождалась желаемого результата.

– Ты лучше глянь, кто у нас тут в ресторане сидит. Ты каким местом за посетителями смотришь? Или ты хочешь, чтобы я Никиту Кирилловича вызвала вышибать придурков?

– Что там у вас? – гонор «эсбешника» сразу осел. – Драка, что ли?

– Подымайся сюда. Жду через минуту. Быстро! – Марина бросила трубку. «Сейчас жирный боров бросится со всех ног», – с улыбкой подумалось ей.

«Жирный боров» вбежал в ресторан, пыхтя и отдуваясь, форменная рубашка, туго обтягивающая пузо, была мокрой от пота. «Видать лифта не дождался, бегом по лесенкам на седьмой этаж вскарабкался», – отметила про себя Марина. Харитонов прихватил с собой еще одного сотрудника СБ.

– Чего тут у вас произошло, – силло дыша, спросил охранник у Кости.

– Вот сидит парочка, – кивнула Марина. – Как они смогли подняться сюда на лифте? По ним же сразу видать: не наш клиент, Харитонов. Выставь их. Да поосторожней, у них с головой не все в порядке.

– Что, уже угрожали? – напрягся тот.

– Они парохода ждут! – хихикнул Костя.

– Кого? – не понял сотрудник СБ.

– Харитонов, тебе этого не понять. Верши свое дело: выставь их за дверь, – махнула рукой Марина.

– Граждане, чего безобразничаем? – сурово сказал Харитонов, подходя к столику.

– Извините, – тактично заметила старушка, глядя поверх очков на здоровенного верзилу, – мы порядка не нарушали.

– Как же не нарушали? Жалуются на вас, корабль какой-то тут ждете.

– А это вас не касается, – парень за столиком сдвинул свою шляпу на затылок.

– Касается. Это территория частная, поэтому прошу очистить помещение и ждать свой катер в другом месте.

– А что, здесь нельзя, что ли? – упрямо тянул странный посетитель.

– Нельзя.

– Почему?

– Корабли не ходят тут. Идите вон за угол, там есть деше-

вое кафе. В нем и ждите ваш «Титаник», блин, – усмехнулся по-дурацки Харитонов.

– А там что, корабли ходят? – спросил парень

– Там тоже не ходят, но лучше вам ожидать его там. Разницы никакой. Результат будет везде одинаков.

– Мы никого не трогаем. Чего вы к нам прицепились? – дружелюбно сказал парень.

– Ты, умник, вали отсюда! Чемоданчик, кстати, не забудь. Мамаша, поднимаемся и выходим. Никто не хочет неприятностей, – напирал Харитонов, пытаясь выгнать чемодан из-под столика.

– Петюнь, – обратился он к напарнику. – Давай их барахло к лифту вытащим.

– А ну поставь на место! – вскочил парень и оттолкнул охранника от чемодана.

– В милицию захотел, в камеру? – угрожающе-ласково пропел Харитонов.

– Дорогие мои, – затрепетала бабулька, видя, что дело приобретает нехороший оборот. – Мы вам не причиним хлопот. Мы ведь тихонько, еще полчаса посидим и все, нас заберут. За нами приедут...

– Заберут вас раньше и надолго, – оборвал ее Харитонов.

– Ну-ка, мальй, на выход, – он схватил за плечо парня, пытаясь заломить ему руку. Между ними завязалась борьба

– Давай-ка его самого сначала повяжем, а потом вещички вышвырнем, – приказал Харитонов напарнику.

– Ах вы, холуи, – вырываясь от насевших сотрудников СБ, кричал парень. – Вас наняли, а вы и рады всех вязать и скручивать. Как собак цепных держат. На людей натравляют. Что мы вам бедностью своей не понравились? Заказов не делаем? Буржуи проклятые!

– Иди в другом месте сиди, – заворачивая руки сопротивлявшемуся за спину, процедил Харитонов. Наконец, охранникам удалось повалить парня на пол и надеть на него наручники.

Вокруг схватки сгрудились официантки, бармен, Марина.

– Отпустите его, прошу вас, – билась об них мамаша. – Девушки, милые, ну остановите же их. Ничего плохого мы не сделаем.

– Чего вам от нас надо? – не выдержала Марина.

– Понимаете, несколько лет назад, а точнее сказать 23 года, я встретила человека, в которого очень влюбилась. Но, к сожалению, наше счастье не было долгим. В городе он оказался проездом, поскольку служил капитаном дальнего плавания, и ему необходимо было срочно прибыть к месту отплытия судна. Он уехал, а перед отъездом сказал, что вернется за мной и нашим мальчиком через 23 года, и назвал сегодняшнее число. Мы тогда стояли там внизу, на улице, а это здание только возводилось. Он сказал, что их пароход в этот день будет проплывать мимо и чтобы я ждала его на крыше этого здания. Отсюда он заберет нас с сыночком. И вот сегодня этот день настал.

– Это же бред какой-то! Седьмой этаж! Какие пароходы?! – в наступившей тишине сказал Костя.

И даже у службиста Харитонова по отношению к старухе появилось что-то сродни чувству жалости.

– Что же вы всему этому поверили? – спросил озадаченно он.

– Так ведь надо верить любимому человеку! Как вообще людям не верить?! – посмотрела старушка своими ясными глазами в глаза молодых людей.

– А чего же ваш капитан так долго-то за вами не приезжал? – связвила Яна.

– Он служит в секретном ведомстве. Боец невидимого фронта, как тогда говорили. Все время сложные рейсы по направлению Тибет-Алтай-Гималаи, далекие страны.

– Бабуся, вы что, ку-ку? Сколько у нас по стране появилось на свет детей, отцы которых безызвестные моряки, летчики-испытатели, космонавты. Но это мамы обманывают своих чад. Вы-то не ребенок. Божь вас огорчить, но вас одурачили, воспользовавшись вашей..., – Костя, покачал головой и смягчил, – доверчивостью.

– Нет, нет, он не мог обмануть, ведь мы ждем его. Я и Мише об отце всю жизнь рассказываю: только хорошее о нашей встрече, о том, как он любит нас. Его фотокарточку единственную, которая осталась от него на память, берегу. Он заберет нас. Нам надо здесь ждать, потому что больше высотных зданий в городе

нет. Разрешите нам еще постоять немного на крыше, там, у парапета.

– Нет, не надо никаких парапетов. Чего доброго сиганете оттуда. С головой у вас я смотрю бо-о-ольшие проблемы, – распорядился Харитонов. Чувство неукоснительного исполнения своего долга вернулось к нему. И он снова стал выгалкивать Мишу. Тот упирался, бодался, лягался, так как руки были в наручниках. В возню по выгеснению такого настырного посетителя включились и официантки.

Наблюдавшая за этой суеткой Марина вдруг бросила взгляд в стеклянные двери, выходящие на площадку ресторана, расположенную на части кровли. От увиденного молодая женщина словно вздрогнула. Она прикинула к толстому стеклу, расширив до невозможности свои глаза. За ее спиной продолжали бороться парень с охранниками, бармен ташил к выходу чемодан, а между ними бегала старушка.

А в это время из облаков появился он. Колесный пароходик, деловито попыхивавший дымом из белой трубы. Он шел в воздухе, постепенно увеличиваясь в своих размерах.

– Пароход!!!! – неожиданно для самой себя, не то в истерике, не то от удивления, не то от радости закричала Марина. Все, обернувшись, замерли...

Судно развернулось, причаливая к крыше. Старуха и ее сын, тащивший чемодан (с него уже сняли наручники), перебрались через парапет и по трапу, перекинутому матросами, поднялись на палубу. Их встретил высокий пышноусый седой человек в темной капитанской форме. Они обнялись. Старушка плакала и, обернувшись, помахала платком всем стоявшим на крыше летнего кафе. Дав гулкий гудок и окутав свои борта клубами беломолочного пара, пароход отделился от края крыши и стал уходить. Вскоре он медленно растаял в облаках, как сон, как видение, как мечта...

Они стояли молча и смотрели в глубокую синеву неба. Так люди обычно глядят в море. Говорить не хотелось: прежде надо было уместить все произошедшее в голове.

– Теперь я знаю, чего я хочу от жизни, – продолжая смотреть вдаль, тихо сказала Марина, стоявшему рядом Косте.

– Чего? – прошептал тот.

– Встретить капитана дальнего плавания, родить ему мальчика, вырастить его, и чтобы вот так он забрал меня с собой.

Перед ними раскинулся простор воздушного океана, барашки облаков, словно волны, проплывали над их головами и медленно уходили в бесконечность.

«ЗДЕСЬ БЫЛ Я» (МОНОЛОГ)

Серая крыса. Треснутое оконное стекло. Осень. Бездомный ветер. Оскал в темноте. Шепчутся соседи за стенкой, обрывки фраз ... Трепещут на ветру обрывки предвыборных плакатов ... Старики на остановке – обрывки жизней.

Он. Она. У нее влажные глаза. У него нет ничего. Между ними осень.

Они когда-нибудь умрут, и все это будет неважно. Вот что важно: что уже завтра все это будет неважно.

– Мы все когда-нибудь умрем? – с ужасом спросит пятилетняя девочка бабушку. И тут же с радостью заметит: – А когда тебя похоронят, твоя любимая шаль станет моей?

Бытие отравляет нас, заставляет забывать о вечном и нестойчиво, почти маниакально вынуждает думать о бренном.

Я ТО ЖЕ УМРУ. Я ТО ЖЕ УМРУ. Я ТО ЖЕ УМРУ.

Что после нас остается? Ворох поношенной одежды, стоптанные тапочки, стопка дисков с любимыми фильмами или фотографиями? Я – это вещи, которые окружают меня? Что мое имя? Лишь звук. Если меня не будет, что изменится в этом мире? Кто-то другой займет место в автобусе у окна...

... Похороны – это спектакль, представление, шоу, где главный герой мертвец. Вокруг него родственники, соседи, зрители – массовка. У него нет реплик, нет текстов, но он во всем. Хоть раз в жизни, но мы имеем право быть главными персонами на этом пиру бытия.

Но все началось не с этого.

Старая безумная крыса.

Славно писать бессвязные бессмысленные вещи. Свобода. Никто не знает, что такое свобода. Нельзя знать то, чего нет.

Мысли – это испражнения ума.

«Все козлы!» – когда эта истина становится для тебя слишком явной, как правило, уже бывает поздно что-либо изменить.

Повернитесь к людям лучшей стороной своей души, и они не преминут плюнуть вам туда.

Надоело писать пошлости, говорить глупости, жить надеждами. Нельзя привыкать к откровенности, потом сложно снова учиться врать.

Но все началось не с этого

Черный лимузин, консервные банки, красавицы и бездомные кошки, гламур, глянец, перфоменс и безумный, безумный мир. Он. Она. Замерли на грани фолла, дефолта, форс-мажора, секвестра. Над ними спрудился этот мир торговых бирж, военно-промышленных комплексов, армий, государств.

Крысы ходят по городу

Крысы сидят в кафе

Крысы пьют клико и шато-каберне

Крысы называют друг друга на «Вь»

И только по ночам

Им снятся человечьи сны.

Главный постулат бизнеса: обращать маленькие человеческие слабости в большие финансовые прибыли.

– А так все хорошо начиналось, – задумчиво заметила девятиклассница Марина, поняв, что она беременна.

Но все началось не с этого

Трачу жизнь на слова. Реплики, улыбки, общение с посторонними людьми.

Самое страшное – это одиночество, к которому привыкаешь. Каждый из нас одинок. С особой силой это воспринимается в раннем детстве и поздней старости. Кто-то понимает это и, смирившись, продолжает жить, кто-то погибает от этой по сути страшной мысли, кто-то бежит, наглотняя себя целыми, задачами, музы-

кой, общением, алкоголем, развлечениями. И живет счастливо! Зачем нужна правда?

«Я – нищий, обладающий миром. Я – иероглиф, выпавший из тайного текста. Я – сломанная игрушка», – писал осколком кирпича на бетонном заборе бомж. Он общался с этой бетонной стеной, потому что только она могла понять его в этом городе.

Как прекрасно молчать, когда тебя понимают.

Время судьбы, как бы вы от нее не прятались, найдет вас везде, и с чувством вселенской справедливости как на трон воссядет на ваши плечи.

Все началось не с этого

Из записной книжки учителя: Воспитание и дрессура – есть ли разница?

Из записной книжки самоубийцы: Жизнь – это торжество дураков и хамов.

История любви:

– Как вас зовут? – с нежностью спросил он.

– Дездемона. А вас?

– Отелло.

Они бросились в объятия друг друга.

– Я буду любить вас до гроба, – прошептал он в волны ее волос.

– И я вас, – пролепетала она лепестками алых губ.

И они открыли сердца навстречу своему счастью.

Обычно хорошие мечты превращаются в утопии...

Мечта: Давай уедем на Крит, купим белый домик у моря и счастливо заживем, как настоящие кретины.

Трагедия жизни: Она была белой вороной, но все считали, что она курица.

Обреченность (из речи на похоронах): – ..Она никогда не ходила на зеленый свет светофора. Считала, что зеленый ей не к лицу.

Твердость характера: Я имею право быть идиотом и готов отстаивать свою позицию!

Начало 21 века – разбиты пределы, сбылись былые пророчества, фантастика стала реальностью, закончился календарь, оставленный таинственными майя. Но! Но новые пророки еще не пришли, вера утеряна, храмы заброшены и журчит, журчит, отчитывая наше время, вода в унитазах....

Все ждут дракона, чтобы возвести его на престол и преклониться перед ним. Дракон выберет женщину и оплодотворит ее. И тогда родится ОН, тот, кого ждут, кому поверят, за кем пойдут миллионы. Но чего стоят те, кто ведут за собой миллионы: миллионы тупых, алчных, жаждущих дармовых наслаждений, ненавидящих и готовых поклоняться любому проходивцу?

Мы осветили свой быт электричеством и поняли, как прекрасен мир. А когда выключаем свет, телевизор с бесконечно глупыми сериалами, бездарной музыкой, тупым юмором, то понимаем, что лучше бы нам всего этого не видеть, не слышать, не знать.

Но все началось не с этого

Самое непобедимое – это человеческие слабости.

Порой, чтобы стать счастливым, необходимо потерять все.

Что такое современная политика? Это когда поводырями становятся слепцы.

Писатель – это человек, который продает через свои произведения свою душу, но не каждый, кто продаст душу, может стать писателем.

Но и это все не то. Стоп!

Быть может, среди этого хаоса слов, лиц, улыбок, оскалов, образов, правды, лжи, любви и порнографии о нас сохранится

лишь сиротливая надпись. На скале, на парковой скамейке или на коре тополя будут жить процарапанные буквы – «Здесь был Вася ... , Петя..., Юра, ...». Именно страх быть стертым временем заставляет карабкаться вверх на скалу, или, скорчившись на скамейке, нацарапывать эти три слова. Быть может, это самое осмысленное и в то же время бессознательное, что мы можем оставить после себя..

Олег БОНДАРЕНКО

СКАЗКИ

АРБУЗНАЯ СКАЗКА

Жил на свете человек, который не любил арбузы. Вы скажете – такого не бывает. Много вы знаете! Мир полон чудаков, и среди них попадаются арбузофобы. Вообще арбузофобия – это особая сфера девиаций, исследуемая психотерапевтами, и о ней.. М-да, впрочем, мы говорим не о ней. Мы говорим о чуде, которое недолюбливал всё зелёно-полосатое в силу необъяснимых особенностей души.

Так вот. Он, как и все люди, мечтал стать богатым и знаменитым (арбузы к этому его желанию, понятное дело, отношения не имеют). И явилась к нему фея. Она подстерегла его в летний зной, на базаре, – в тот момент, когда он проходил мимо ряда с бахчевыми культурами, с авоськой в руке. Фея вынырнула из дымки, образованной раскаленным, кольшушимся воздухом, – видеть пришелицу, кстати, мог только наш герой, весь прочий базарный люд был на это неспособен, – и сообщила следующее:

– Я знаю о твоём желании разбогатеть, и поскольку ты мне симпатичен, к тому же приходишься дальним родственником по линии троюродной тётки шурина жены, решила устроить тебе судьбу. Ты выиграешь сказочные деньги в лотерею, на скачках, в казино, на росте акций «Газпрома» (я кладу несколько штук тебе в авоську), тебе также оставит завещание незнакомый пастор из

Айовы, и, кроме того, тебе проспорит бутылку коньяка сосед Василий – сегодня же вечером. Но, понимаешь, в мире существует такая вещь, как закон сохранения энергии. Ничто не берётся из ниоткуда и не уходит в никуда! За всё нужно платить, мой милый. Поэтому подумай и скажи – от чего ты хочешь отказаться в знак признания нашего договора действительным?

– Не понял?.. – промямлил счастливый будущий миллионер.

– Ну, что ты, право.. – фея, казалось, была огорчена его недогадливостью. – Откажись от какого-то существенного элемента твоей жизни – от женщин, от спиртного, от курева или просто от чего-то из еды.. И тогда твоё богатство найдёт тебя! – Фея лукаво засмеялась.

– А, это.. – наш герой от счастья сам стал не свой, и речь его потекла плавно, торжественно, поэтично: – А это.. Ну, это самое.. Блин, как сказать.. Ну, это, чего жрать-то нельзя?

– Выбери сам, – твёрдо заявила фея. – Главное не то, что выберешь, а то, как ты удержишь слово. Помни, что при нарушении взятых на себя обязательств наш договор аннулируется. Твой выбор пожизненный.

– А, типа, арбузы – если я того?.. Ну, типа, я их есть не буду? Никогда? Никогда-никогда?! – при этом человек с надеждой посмотрел на расположенные рядом бахчевые ряды, переполненные толкущимися покупателями и оттого похожие на расстроенный улей.

– Твоё слово! – улыбнулась фея. – Помни: навсегда!..

И она взмахнула волшебной палочкой и тут же исчезла в мари горячего базарного воздуха. А человек стоял, как дурак, с авоськой, набитой акциями, и его толкали тут и там прохожие, спешащие по своим торговым делам.

Вечером того же дня сосед Василий проспорил ему бутылку коньяка.

А на завтра наш герой выиграл в лотерею, на скачках, в казино, на росте акций «Газпрома», и ему также оставил завещание незнакомый пастор из Айовы.

И началась новая жизнь!.. Ох, как было здорово!.. Деньги так и текли рекой в карманы везунчику, он приобрел несколько фирм, джип «Хаммер», виллу на Канарах и малогабаритную квартиру в Москве, и незнакомые красотки дрожали от желания с ним пообщаться. Он также стал завсегдатаем ночных баров, и порой

приходил в офис на другой день поздно, с большой головой, и с едким сарказмом хамил своему, ни в чём не повинному персоналу. Служащие боялись босса, стояли перед ним по струнке, а он, обругав всех подряд, выпускал пар и улетал душой на пляжи в Ницце, думая, что весь мир наконец-то упал к его ногам.

Впрочем, было одно обстоятельство, сильно мешавшее ему в делах и в жизни. Ему по ночам снились арбузы.

Они являлись к нему из дымки, как в своё время фея, и манили его, и дразнили, сияя блестящими зелёными боками. Он то и дело чувствовал их вкус – такой, понятное дело, противный, но, вместе с тем, такой.. м-м-м.. такой забытый..

Он запретил в офисе любое упоминание об арбузах. Под запрет попали анекдоты и житейские истории, связанные с арбузами, их изображения, жвачка с арбузным вкусом, арбузный сок, игрушки, похожие на ненавистную ягоду. Однажды наш герой уволил секретаршу – из-за того, что в глянцево-м журнале, который она читала, мелькнул какой-то рецепт с арбузными семечками. Секретарша плакала и оправдывалась, но шеф был неумолим.

И ещё ему досаждала овощная лавка напротив его дома, в которой летом – надо же! – продавались огромные тёмно-зелёные и полосатые шары с кроваво-красной, такой нежной, такой сочной, такой ароматной мякотью.. Миллионер купил с досады эту лавку и тут же закрыл, рассчитав (со злобной мстительностью) продавцов.

И от жены он требовал забыть об арбузах. И от детей. И от тётки. В его доме тема арбузов была строжайшим табу. Что не мешало всё-таки сталкиваться с «арбузной информацией» – хотя бы по телевизору, на том или ином канале; как на прех, никогда по телевидению не говорили так много об арбузах, как в эту пору. И наш герой рычал, бесился, иногда стрелял в экран, ломал аппаратуру – к ужасу родных, но почему-то назавтра на очередном канале ему опять доводилось слышать то, что слышать никак не хотелось.

В конце концов он начал собирать арбузы. Естественно, не настоящие, а сувенирные, игрушечные. Их с каждым годом становилось у него всё больше и больше – разных цветов и размеров, из разных материалов, были даже начинённые электроникой (японские). О своей коллекции миллионер никому не говорил –

ни одной живой душе, он тщательно прятал её, запирали в сейф и доставал, чтобы полюбоваться, только в полном и тяжком одиночестве.

И потом он пел песни об арбузах – тексты находил в Интернете, выучивал, однако напевал тихонько, чтобы никто – слышите! абсолютно никто! – ничего не узнал.

Пару раз он наблюдал сквозь закрытые шторы – на модных курортах, – как дети каких-то туристов улетали арбузные ломти прямо на улице, перед входом на пляж. И ещё он замечал, как арбузы кушают в парке. И в кино, и в ресторане, и в больнице. И в ночных клубах, и в сауне, и на стадионе. И в самолётах, и на яхтах, и в туристских кемпингах, и в барах, и в бассейнах, и в гондолах воздушных шаров. И.. и.. и..

Очень часто хотелось выть. Особенно по ночам. Это было невыносимо – закрывать глаза и видеть арбузы! Один арбуз, второй, третий, четвёртый.. Приходилось считать их, пока не уснёшь. Иногда счёт доходил – под утро – до ста тысяч.

Самым ненавистным оказывался арбузный запах. Почему-то как раз тогда в моду входили дезодоранты с ароматом свежих фруктов, и среди них популярностью пользовался арбузный дезодорант. Он создавал ощущение свежести, лёгкости, летней прохлады, и при том так соблазнительно оживлял атмосферу ... Ух ...

Миллионы, миллионы раз наш герой ругал про себя фею, подарившую ему весь мир. Самое ужасное, что этот мир – земной шар – со временем начал у него ассоциироваться с большим, круглым.. зелёным на поверхности.. огненно-красным внутри.. Нет! Нет!! Не-е-ет!!!

С тех пор прошло много лет, и я не встречал этого человека. Только один раз наши пути пересеклись – на днях. Я как раз ехал на своей машине, через район дешёвых муниципальных кварталов, серых, унылых и невыразительных, с их грязью и мусором. Задержался у светофора, на красный свет. В окно автомобиля я увидел свалку, окружавшую контейнеры с отходами, а рядом с ней.. Да-да, ошибиться было невозможно! Это был он! Он! Он сидел прямо на земле, нечёсанный, в лохмотьях и какой-то дра-

ной обуви, глаза его горели безумным огнём, а в руках... Боже мой, в руках он держал обгрызенную арбузную корку!.. Я хотел было понаблюдать повнимательнее, но не успел. На светофоре зажёгся зелёный, и надо было ехать дальше. Сзади меня раздался нетерпеливый сигнал другого автомобиля.

Я тронулся с места.

Больше этого человека я не видел.

СКАЗКА ПРО ИВАНА

Всё началось с повестки в суд.

Иван Иванович Иванов – в просторечье Ванька, придя с завода, на котором работал слесарем, растерянно повертел бумажку в руках. И перечитал: «Вызывается в качестве ответчика по делу о незаконном использовании торгового знака... Слушание назначено на такое-то число... Неявка ответчика без уважительной причины будет рассматриваться как неуважение к суду...»

– Зоя, это чё это такое? – недоуменно спросил он жену. – Ты, блин, чё-нибудь поняла?

Жена испуганно посмотрела на него и помотала головой.

– Мне Маринка сказала, это, типа, когда DVD пиратские смотришь или там китайские товары с поддельными лейблами покупаешь... – предположила она. – За это, типа, пять лет дают.

– Но у нас нет DVD. Пропили! И потом, когда я тебе китайские шмотки последний раз покупал?... – огорченно пробормотал Ванька. И тяжело вздохнул: – Во, блин, дела!..

Зоя, как водится, налила мужу водки и наложила целую кучу макарон по-флотски (но без мяса). Ванька опрокинул стопарь и задумчиво поковырялся вилкой в тарелке.

– Суд, говоришь? Прикольно. Расспрошу-ка я завтра у мужиков...

... В назначенный день Ванька, отпросившись с работы, явился на заседание суда. Он надел – в кои-то веки! – чистую белую рубашку и галстук (спасибо жене). Главной причиной, по которой он решил показаться в суде, было, конечно, любопытство; никакой

вины Ванька за собой не чувствовал, и ему в голову не приходило, что его могут судить вполне по-взаправдашнему.

– Встать! Суд идет!.. – сурово объявил председательствующий на процессе. Ванька огляделся. В зале присутствовало с десяток человек, из которых трое-четверо, по-видимому, были адвокатами истца. Сам истец – преуспевающего вида делец с наглым видом устроился в первом ряду, бросая изредка на Ваньку взгляды, полные презрения. Так смотрят пингвины на беспомощно барахтающегося в ледяной воде неудачливого участника антарктической экспедиции.

Слово взял один из адвокатов. Его голос звонко разносился в полупустом помещении суда.

– Ваша честь, – сказал он. – Истец – Иванов Иван Иванович, проживающий в городе Москва, Рублевское шоссе, дом номер такой-то, предъявляет иск гражданину, именуя себя Иванов Иван Иванович, проживающему в городе N, по такому-то адресу, по причине незаконного использования последним торгового знака...

Суть дела такова: мой клиент в 20.. году, в установленном законом порядке зарегистрировал в Роспатенте право на использование в качестве торгового знака своего имени-отчества-фамилии ИВАНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ®. Соответственно житель вашего города, присвоивший себе аналогичное имя-отчество-фамилию без согласования с правообладателем, не имеет право на использование указанного торгового знака. Между тем, ответчик везде называет себя «Иванов Иван Иванович», расписывается аналогичным образом в документах – передаем суду образец его подписи в ведомости на получение зарплаты – и, таким образом, грубо нарушает законодательство Российской Федерации.

Законом признаётся исключительное право на торговый, или товарный, знак, удостоверяемое соответствующим свидетельством. Правообладатель торгового, или товарного, знака имеет право его использовать, им распоряжаться и запрещать его использование другими лицами.

Незаконное использование торгового, или товарного, знака влечет за собой гражданскую, административную и уголовную ответственность согласно статье 1515 ГК РФ, статье 14.10. КоАП РФ и статье 180 УК РФ.

Исходя из вышеизложенного, просим уважаемый суд воспрепятствовать дальнейшему незаконному использованию ответчиком торгового знака ИВАНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ® и взыскать с ответчика сумму один миллион рублей в качестве возмещения морального вреда... – При этих словах истец, который до того с важным видом кивал головой по мере выступления адвоката, повернулся к Ваньке и еще раз уничижительно смерил его взглядом разгневанного пингвина.

Ванька слушал и ничего не понимал. Более того, ему казалось, что речь в зале суда идет вообще не о нем, а о каком-то уважаемом Иване Ивановиче – почтенном члене общества и особом гражданине города N; не ясно было лишь одно – а причем здесь, собственно, он, Ванька?..

– Ответчик, – грозно обратился к нему судья. – Что вы можете сказать в своё оправдание?

– А... Я.. Э-э... Мне... Это Вы мне говорите?

– Повторяю: как вы объясните суду свои незаконные действия? Вместо того, чтобы получить разрешение у правообладателя на использование торгового знака ИВАНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ® с выплатой правообладателю полагающегося ему вознаграждения, вы по сути занялись пиратством. Вы распространяете заведомо неверные сведения, что будто бы ваше имя Иванов Иван Иванович, и тем самым наносите ущерб интересам и деловой репутации истца.

– Но... – промямлил Ванька. – Меня так... это... родители назвали...

– Я спрашиваю не о действиях ваших родителей, а о ваших собственных действиях! Вы должны отвечать за свои поступки! У вас была возможность раньше истца зарегистрировать указанную торговую марку в службе интеллектуальной собственности, но вы этой возможностью не воспользовались. И в настоящее время являетесь нарушителем закона! Именем Российской Федерации я приговариваю Вас к уплате одного миллиона рублей в пользу истца. Кроме того, вам запрещается использовать имя ИВАНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ® в каких бы то ни было обстоятельствах. В дальнейшем вы имеете право называться этим именем лишь с письменного разрешения правообладателя, и с выплатой ему сумм, причитающихся по договору, а в случае отказа правообладателя предоставить вам право пользования этим именем –

сменить его в течение срока, установленного законодательством. Судебное решение окончательное и обжалованию не подлежит!

Судья стукнул молоточком по столу, и служители Фемиды подтолкнули Ваньку к выходу. Ванька ошарашено смотрел на стайку адвокатов, окруживших, уже в коридоре, ИВАНОВА ИВАНОВА ИВАНОВИЧА® из Москвы и поздравлявших того с удачным завершением процесса... Один из адвокатов подошел к Ваньке.

– Вот вам реквизиты для перечисления денег, – сообщил он, передавая проигравшей стороне соответствующие бумаги. – Не тяните с перечислением. По всем вопросам, связанным с исполнением решения суда, вы можете обращаться по этим телефонам. И еще – Иван Иванович® желает вам подобрать себе новое, хорошее имя, более приличествующее обстоятельствам, и жить в дальнейшем честно, не нарушая прав добрых людей.

После этих слов представители истца удалились – вместе с хозяином. А Ванька грустно почесал затылок, прикидывая, что бы такое рассказать о суде ребятам с завода, ибо то, что произошло, было недоступно его разумению и, следовательно, дать четкую, толковую информацию он не мог.

– Пойду, запью.. – решил Ванька, и это было самое верное на тот момент решение.

...Все дальнейшие дни Ванька ровным счетом ничего не предпринимал. Он по-прежнему ходил по утрам на смену, по вечерам заправлялся спиртным и смотрел по телевизору COMEDY CLUB или «Наша Раша». Ругался с женой. Зоя никак не могла взять в толк, что же такое хотели от ее мужа в суде, и требовала пойти разобраться. Слова «миллион рублей» ни Ванькой, ни Зоей всерьез не воспринимались, так как подобная цифра выходила за рамки воображения.

Через месяц к ним в квартиру пришли судебные исполнители... Ванька как раз был на заводе, поэтому ничем не мог помочь своей жене. Зоя растерянно смотрела, как описывают и выносят их нехитрый скарб. Потом пристав вручил ей извещение об изъятии квартиры во исполнение решения суда.

– Вам дается 24 часа на выселение... – предупредил он. – За вашим мужем еще остается сумма восемьсот пятьдесят четыре тысячи триста тридцать рублей 28 копеек. При невнесении этой суммы в недельный срок он будет объявлен в розыск.

Взволнованная Зоя пошла к соседу, работавшему, по слухам, в милиции, чтобы он прояснил ей, что в конце концов происходит, и дал дельный совет. Сосед долго слушал взволнованную, плачущую женщину и, вместо ответа, откупорил бутылку дорогого коньяку. «Мужик твой козел... – отвечивал сосед. – На-ка, накати! И будем вместе думать...».

Вечером Ванька, обессиленный и опустошенный, мерил шагами пустую квартиру, джидаясь возвращения жены. В руках он держал постановление о выселении. «Гады, гады, гады! – твердил он себе. – За что они так... всю жизнь мне сломали!...» И, чтобы утопить горе, налил себе очередной стопарик...

С работы Ваньку рассчитали в четверг. Мастеру не понравилось, что его рабочий неделю пропадал в запое. Ванька, лишившийся в одночасье жилья, пристроился на время у брата жены, и они вдвоем коротали время за водкой. Потом, напившись, обычно ходили вместе в ванькин бывший дом и бывший подъезд, стучались к бывшему соседу, который, по слухам, работал в милиции, и просили поговорить с Зоей с глазу на глаз. Но Зоя теперь о Ваньке и слышать не хотела. «На фиг ты мне такой сдался! – причитала она. – Горе ты мое! Квартиру профукал, деньги всем крутом должен, и даже звать-то теперь тебя непонятно как! А мне теперь и здесь хорошо! Я здесь под надежной защитой – мой-то, новый, работает в милиции! И не ходи сюда больше! А то, смотри, скажу новому своему, так он тебя заарестует! Тебя ведь теперь в розыск объявили!...»

И Ванька, грустный, возвращался с братом жены в свое временное пристанище, и опять пил с досады.

В один прекрасный день родственник сказал ему: «Ты бы, это, того... Ну, правды, что ли, искал... И не век же тебе у меня тут кантоваться...»

И тогда Ванька решил поехать в Москву, чтобы найти того самого Ивана Ивановича® и попробовать с ним объясниться. «В самом деле, – горько говорил Ванька. – Мужик-то он нормальный, русский, значит, должен понять... Мы же – русские люди – всегда можем между собой договориться!...»

Брат жены провожал его до вокзала. Они выпили напоследок, и родственник даже сунул, расчувствовавшись, Ваньке 500 рублей в потную ладонь. «Ты, это, того... Держись там! Не дай им

себя победить! Где наша не пропадала!...» И он еще долго стоял, глядя вслед уходящему поезду и махая рукой.

В Москве Ванька сразу поехал на Рублевское шоссе. Номер дома он помнил – по судебному процессу, на котором обнародовались адреса сторон. Найдя нужный ему особняк – и впечатлившись его размерами, мощными стенами и охраной, – Ванька попробовал было попасть на прием к хозяину. Но был в два счета отпихт охранниками. Пришлось дожидаться у обочины дороги.

К вечеру к воротам, по направлению из города, подкатил джип «Хаммер» с тонированными стеклами... У Ваньки замерло сердце. Он бросился наперерез. Джип резко затормозил, и из него вылез ОН – тот самый Иван Иванович®, с золотой цепью на груди, и в окружении дюжих телохранителей.

– А, это ты... – бросил Иван Иванович®. И затем скомандовал секьюрити: – Не трогайте его... Чё, деньги привёз?

– Слушай, братан, какие деньги... – Ванька волновался, ему очень хотелось быть услышанным. – Понимаешь, у меня всё забрали: и квартиру, и вещи, и жену. Братан! Мы же своикие люди! Оба Иваны – что, мы друг друга не поймём?

– Ты мне это брось! – выскомерно парировал Иван Иванович®. – Какие мы с тобой друзья? Ты чё, думаешь, один ты такой?! Да у меня пол-России – Иваны! Иваны Ивановичи!! Ивановы!!! И все они мне башляют за право называться так, как я им велю! Какие на фиг друзья! В нашем мире кто первым встал – того и тапки! Устраиваться надо уметь! А кто не умеет – тот не Иван. А так, человек без имени... Даю тебе сроку до завтра. Не принесешь деньги сам – тебя найдут мои молодцы. Поверь, от них не скроешься. А пока... Не Иван ты, нет, не Иван... А так...

Сверкнув глазами, Иван Иванович® самодовольно и важно прошествовал к воротам дома. И, на ходу, милостиво швырнул что-то к ванькиным ногам. Ванька поднял маленькую бумажку. Это была визитная карточка, на которой крупными буквами было выведено: ИВАНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ®

– Стой... – пробормотал Ванька. – Стой! Братан, стой! – и он со всей дури помчался к воротам, стремясь пробиться сквозь охрану к владельцу дома. – Ах ты, гад! Ах ты, мразь!...

И он протянул к Ивану Ивановичу® свои натруженные, сильные руки.

– Не смей! – закричал Иван Иванович®. – Иван! И ты, Иван! Взять его!

Охрана – все они были, по-видимому, Иваны – молниеносно скрутила Ваньку и уложила его на землю. Ванька пробовал брыкаться, вырваться, выкрикивал что-то Ивану Ивановичу® в лицо, но его очень быстро успокоили. Два-три профессиональных удара плас электрошок – и Ванька провалился куда-то во тьму... Он летел и летел, вниз, во мрак, и голова его мучительно болела...

...Много дней потом Ванька приходил в себя. Он знал, что находится в каком-то страшном подвале, и, вместе с ним, там же сидели и лежали десятки людей. Вновь научившись ходить, Ванька потихоньку со всеми знакомился. Выяснилось, что каждого из них звали – когда-то в прошлом, по крайней мере, – Иван Иванович Иванов. И каждый из них оказался жертвой обстоятельств...

– Зачем они нас здесь держат? – спрашивал Ванька у товарищей по несчастью, поедая баланду, которую охранники спускали в одноразовых судках откуда-то сверху, в темноту и смрад подвала. – Что они от нас хотят?..

– Будем отрабатывать натурой, раз деньги не смогли внести, – печально отвечал ему один, умудренный опытом старик – тоже Иван Иванович (в былом). – Вот ты оклимаешься, тогда с тобой и поговорят...

– Но ведь нас найдут рано или поздно – в этом подвале! Нас уже должна искать милиция! Нас освободят! – не сдавался Ванька.

– Найдут, найдут... – хмыкал старый мудрый Иван Иванович (в былом). – Да они тебя и так ищут – ты же в федеральном розыске числишься? И потом – не думай, что кто-то тебя хватится как обычного человека, а не беглого преступника. Тебя в России нет больше... Потому как ты – человек без имени...

– Я Ванька! – настаивал Ванька.

– Ты никто... – отвечал старик. – Ты не зарегистрирован Роспатентом...

В один из дней – а, может быть, это было в одну из ночей, – в подвал с гулким звуком столкнули еще одного человека. Изби-

тый и окровавленный, он плакал навзрыд. Когда раны его немного зажили, и бедняга подуспокоился, обитатели подземелья окружили новичка и засыпали его вопросами.

– Слушай, Иван, а ты как здесь оказался?..

– Я не Иван... Я Петя. Петр Петрович Петров.

В подвале воцарилось неловкое молчание.

– А почему... Почему тогда тебя сюда?.. За что?..

– О, это долгая история... – новичок всхлипнул и, помедлив, решился поведать, что с ним приключилось, миру.

– Это произошло месяц назад... – сказал он. – Всё началось с судебной повестки...

ИСТОРИИ О ПРИЗРАКАХ

Призрак лягушки

Однажды один человек съездил во Францию и привез оттуда консервную баночку с лягушачьими лапками в собственном соку. Конечно, это была экзотика, и ему хотелось угостить всех своих домочадцев, родных и друзей. Но никто почему-то не позарился на деликатес. И, обиженный и уязвленный, путешественник съел всю баночку один. В самом деле – не выбрасывать же заморское лакомство!

Ему было вкусно, этому путешественнику. Но дело, однако, оказалось запутанным и сложным...

Вскоре после заветного обеда побывавший во Франции человек проснулся ночью от странных звуков. Он явственно услышал кваканье лягушки – судя по всему, большой и толстой, и кваканье доносилось откуда-то из темноты. Человек встал с постели, включил свет (а спал он в отдельной комнате), обошел все углы. Никаких лягушек и в помине не было. Человек решил, что ему померещилось, и снова лёг в кровать. И опять услышал жутковатое, надрывистое ква-ква-ква...

И вновь встал человек с кровати, и вновь обыскал при свете всю спальню. Но напрасно – в комнате не было иных живых существ. Долго еще наш герой пытался уснуть, вслушиваясь в тишину, нарушаемую лишь размеренным кваканьем. Ква, ква,

ква – доносилось то из одного угла, то из другого. То из-под кровати, то из-под тумбочки, то из-под шкафа.

До утра бедолаге снились огромные зеленые лягушки...

Днем этот человек попытался выяснить, кто из его домашних слышал ночное кваканье. Оказалось – никто. Никто ничего не знает и не видел. Человек обыскал дом. Заглянул под все кровати, даже под ковры. Пошарил в серванте. Но всё было – внешне – как обычно.

Ночью кваканье возобновилось... Человек не спал и ждал его. Он тщетно крался с фонариком из угла в угол, напрасно зажигал люстру и торшер. Если одна из частей комнаты оказывалась «чистой», то кваканье тут же возникало где-то в другом месте, и установить точно, откуда оно несло, не представлялось возможным.

Человек даже пригласил заспанную жену – послушать ночной лягушачий концерт, но она лишь высмеяла его, заявив, что ей рано вставать, и она не желает участвовать в подобных глупостях. Если кто и слышал странное кваканье, то только наш герой. Другим людям лягушки по ночам не являлись.

С тех пор жизнь человека, вернувшегося из Франции, полностью изменилась... Каждую ночь он с ужасом ждал заветный звук «ква-ква», каждую ночь он с замражением сердца вслушивался в каждый шорох. Не помогало ничего – ни исследования квартиры, ни подушка и одеяло, в которые бедняга пытался зарыться, чтобы не сойти с ума. Не помогла даже вата в ушах. Наоборот, несчастный, затыкая уши, вдруг осознал, что кваканье доносится не из внешнего мира. Оно плыло откуда-то из глубин подсознания, и скрыться от него, избежать его нельзя было никак...

С каждым днем человек становился всё мрачнее и мрачнее. Он перестал разговаривать с людьми, прекратил всякое общение со своими домочадцами. Иногда он нервно вскрикивал без видимых причин. Тряс головой, закрывал лицо и уши руками. Мог часами кружить по комнате в поисках невидимых земноводных тварей, переворачивая всё вверх дном. И под конец зарывался головой в подушку и глухо стонал...

В один серый, сумрачный день наш герой не выдержал. Дико закричав, обхватив голову руками, он принялся метаться по дому, как угорелый, а потом... Потом подбежал к окну и выб-

росился вниз, на тротуар... Поскольку жил он высоко – на верхнем этаже хрущёвской пятиэтажки, конец наступил сразу. В морге долго пытались привести в порядок тело усопшего и придать спокойное выражение его лицу. Но напрасно: на лице застыло жуткое выражение какого-то животного страха... Вот так и пришлось выносить...

Рассказывают, что во время похорон произошло нечто экстраординарное. Гроб после прощания уже хотели закрывать. Как тут... Огромная, призрачная лягушка сидела в ногах умершего, и непонятно как она попала туда. Вдруг покойник приподнялся в гробу, и схватил белыми, восковыми руками эту тварь. И скрутил ей голову. Бросил зеленый трупик оземь. После чего улегся обратно, как если бы ничего не произошло. Но на устах его теперь застыла умиротворенная улыбка...

Об этой истории еще долго судачили в нашем городе, вспоминая всяческие подробности. Да, впрочем, и не только в нашем.

Призрак борща

Однажды один мужчина остался на хозяйстве с маленькими детьми, потому что его супруга уехала на некоторое время в командировку. Этот мужчина всячески обихаживал детей, стирал и готовил им кушать, но чада почему-то капризничали, видимо, дожидаясь маму.

Расстроенный, измученный отец приготовил кастрюлю борща. И вновь дети проявили каприз, отказываясь есть кушанье. Отец кричал и ругался, топал ногами, но дети о борще не хотели и слушать. Грызли своё печенье и чипсы, и им и дела не было до родительских огорчений...

В гневе – и в педагогических целях – мужчина вылил борщ из кастрюли в унитаз. Смел. И поклялся ничего больше не готовить непослушным ребятишкам. На них, впрочем, вся эта сцена не произвела впечатления. Что вы хотите, поколение XXI века!..

Вскоре мама вернулась. И жизнь опять вошла в привычную колею. Дети слушались, взрослые трудились в поте лица своего – мама занималась по хозяйству, папа вкалывал на работе до седьмого пота. И приходил вечером, усталый и голодный...

Пришедши один раз раньше жены, мужчина, заглянув в кастрюлю – ту самую, – обнаружил там свежесваренный борщ. Вкусный, наваристый, обжигающе горячий. И он налил себе полную тарелку и съел его. И добавку съел – ел и ел, пока влезало.

Позже пришла жена. Она извинилась за то, что ничего не успела стготовить и принялась хлопотать на кухне. «Поешь борща!» – предложил муж. «Какого? – удивилась его вторая половина. – Я борщ сегодня не варила!» Муж пожал плечами и приподнял крышку от кастрюли: «Вот же он! И какой вкусный получился! Ешь – не хочуй!» Жена заглянула в кастрюлю и как-то странно посмотрела на супруга. «Спасибо, я не голодная.» – только и пробормотала она. Но от затеи приготовить ужин не отказалась.

Так с тех пор и повелось. Мужчина ел исключительно борщ из той самой кастрюли, и, видимо, борщ в ней никогда не кончался. Он всегда был свежий, наваристый, сплошное объедение. И – странное дело! – его вроде бы никто не готовил.

А мужчина ел и нахваливал...

Жена и дети с подозрением смотрели на него. «Папа, а почему у тебя пустая тарелка?» – интересовался младший, улетая за обе щеки манную кашу маминой варки. «Цыц! – говорил отец. – Много ты понимаешь! Маленький еще – не дорос до таких вкусных борщей! Из-за вас пришлось один раз целую кастрюлю вылить!» И он продолжал елозить ложкой по чистой тарелке, нахваливая и нахваливая ее мифическое содержимое – к ужасу и недоумению родных.

Иногда, когда мужа не было дома, жена задумчиво рассматривала кастрюлю, мыла ее, хорошенько вытирала и пыталась понять, какой же борщ видит в ней ее нареченный. Вечером приходил с работы муж – и сразу «наливал» себе тарелку-другую, во всяком случае, сам он был уверен в том, что наливает. При чем до краев.

И ничего из того, что готовила его супруга, он теперь не признавал. Говорил, что ему достаточно борща. И, судя по всему, говорил вполне искренне.

И еще он худел день ото дня... Становился тощим, как жердь, и ветер раскачивал его на улице. Лицо его осунулось, ребра торчали. Но это не мешало ему каждый день «поедать» невидимый борщ, которым, по общему мнению семьи, в принципе невозможно было насытиться.

Через месяц-другой от мужчины остались только кожа да кости... А еще через несколько недель он умер. Его супруга рыдала у постели умирающего и умоляла съесть хотя бы что-нибудь из того, что она приготовила. А он молча выслушал ее и попросил принести порцию борща – того самого, вкусного, наваристого. Жена пошла на кухню и покорно набрала из кастрюли полную тарелку – ну, по крайней мере, сделала вид, что набрала, ибо кастрюля сияла девственной чистотой. Очень уж ей хотелось сделать приятное человеку, покидающему сей мир, исполнить его предсмертную просьбу.

Хоронили мужчину всем двором. На его бывшей работе дали автобус. Толпа, грустная и печальная, проводила усопшего на кладбище. А супруга покойного осталась в доме – сил не было идти, да и поминки требовалось справить.

Когда люди вернулись с кладбища, она, с заплаканными глазами, пригласила всех за стол. «Садитесь, родимые, сейчас поминального борщика отведаем.» – только и произнесла она. Люди молча расселись. И с кухни понесли тарелки... Их передавали с одного конца стола на другой, чтобы досталось каждому гостю. Все остолбенело смотрели на пустые доньшки посуды. «А где же...» – пробормотал, помявшись, какой-то сосед. «Кушайте, кушайте, дорогие. Помяните-ка моего муженька», – ответствовала вдова, и в голосе ее почувствовалось что-то странное, неземное.

Невидящим взором она общалась с тем, кого другим знать не дано.

Призрачное дерево

Да, конечно, я знаю про призрачное дерево. Кто же про него не знает!.. Я еще ребенком слушал рассказы бабушки – о том, как кто-то в лесу набрел на него. Ну, в лесу – это ещё ладно. В лесу деревьев и без того полно. А вот как-то, когда призрачное дерево появляется, скажем, в неполюженном месте? А?.. Вот, представьте, едете вы по автодороге, а впереди, прямо посередине дороги – оно. Еще вчера его не было, никто ни о чем таком и не помышлял, а тут – ба-бах! И вдребезги! Если, конечно, вовремя затормозить не успеете. Во дела...

И, главное, ничего потом никому не докажешь. Дерево исчезает так же внезапно, как и появляется. Оно вообще может явиться в этот мир на пять минут, на четверть часа, а то и на весь день – предсказать заранее невозможно. Раз! – и нет его, это в смысле – на месте аварии, где только что произошло столкновение. Вроде бы как и не было ничего...

Иногда, правда, яма остается – откорней. Асфальт развороченный. А порой никаких следов – так тоже бывает. Вот здесь, мол, росло оно – хочешь верь, хочешь нет! Обычное (на первый взгляд) дерево, с шершавой корой, с зелеными ветвями, высокое, со стволом в обхват. Или в два. И дерево-то – осина. А, может, дуб. Или берёза. Или клён – фиг поймёшь, каждый раз оно новый облик принимает. Так рассказывают старые люди. А им надо верить...

Ещё говорят, что дерево это является часто. Может быть, даже, каждый день. Но, поскольку мир наш большой, а место появления дерева непредсказуемо, то, как правило, люди даже не знают о том, что оно пришло. Или не придают этому значения. Подумаешь, лишнее дерево в парке выросло; их там и так сотни, тысячи. Одним больше, одним меньше – кто поймёт? Или в лесу то же самое (об этом мне бабушка говорила). Или в роще. Или, скажем, в тайге – там вообще мрак. Любому дереву укрыться можно, хоть призрачному, хоть нет. Ищи – свищи!

А вот в городе там, или в селе – когда оно появится, на открытом пространстве – это другое дело. И ладно бы, если в нейтральном месте. А то, смотришь – а оно на беговой дорожке выросло, или на футбольном поле, как раз в разгар соревнований! Тут уж спортсменам не позавидуешь. Или, допустим, посреди уличного кафе – и при этом тент, или навес, разворотило ... Однажды (ходят слухи) оно прямо под автомобилем на стоянке выросло, так утром народ глядь – а машина-то среди ветвей застряла, на высоте метров пятнадцать-двадцать! Ужас! Хозяин чуть сума не сошел! Всё ждал, пока дерево отпустит его драндулет. Оно и отпустило – спустя некоторое время, исчезнув само собой; так машина с той высоты как бляя о землю! Даже на запчасти не удалось потом продать.

Но машина, конечно, – это нечто из ряда вон выходящее. Крайний случай. Чаще всего оно вырастает тихо, мирно, и вроде бы всё хорошо, тишь да благодать. Ан нет. Одна домохозяйка,

увидев тополь, приспособила его для сушки белья – натянула веревку от ствола до своего окна. Развесила простыни, одежды, рубашки. Утром встаёт – никакого тополя нет. А бельё на земле валяется.. Плачу было, ругани! А что сделаешь – призрак он и есть призрак. Хотя бы в образе дерева.

Это я к чему говорю.. Короче, именно о призрачном дереве первым делом подумал я в тот день, когда вышел из дома, чтобы ополоснуться в реке. Денёк стоял что надо. Солнышко, жарко, приятно, почему бы не скунуться? Я захватил полотенце и выбежал прямо в плавках во двор. И чуть было не врезался лбом в старый вяз – богом клянусь, не было его нигде в нашем дворе, не было! К тому же, чёрт возьми, он рос аккурат посреди тропинки, что доказывает его, мягко говоря, неземное происхождение.

Я обалдело осмотрел вяз. Дерево как дерево, большое вымахало, ростом поболее иного дома будет. Задрал голову, посмотрел ввысь. На ветвях сидели птицы. Всё как будто бы так и надо. Ни к чему формально не придерёшься. За исключением того, что никакого дерева здесь в принципе быть не должно.

Во дела!..

Ясно, что о купании тут же пришлось забыть. Не каждый день в нашем дворе происходит чудо. Я задумчиво обошел вокруг ствола, потом отбежал подальше, чтобы полюбоваться деревом со стороны. Поднялся на пригорок, закрылся рукой от солнца. Посмотрел. Спустился, обогнул соседский участок. Посмотрел. Зашёл сбоку дома, перелез через кусты, прищурился. Посмотрел. Деревом как дерево. Ровным счётом ничего в нём особенного нет. Если не считать самого факта его появления...

На тропинке, из-за поворота показался сосед.

– Отар Бараныч! – окликнул я его. – Как Вам дерево?

– Чё? – проблеял сосед

– Ну, дерево, спрашиваю, как Вам?

– Какое?

– Да это вот! Его ведь тут раньше не стояло!

– Как не стояло? Да ну? Чё-то ты не то говоришь.

– Ну, Отар Бараныч ... Что Вы.. Это дерево появилось только вот сейчас. Я же знаю наш двор. Посмотрите хорошенько...

– Шутник, однако! – жиденько захихикал сосед. – Горазд сочинять! Не стояло, появилось! Выдумалось тоже.. Ох, эта мо-

лодѣжь.. – последние слова он пробебежал уже про себя, рассеянно обойдя дерево стороной (для чего ему пришлось сойти с дорожки).

Я задумчиво посмотрел вслед удалявшейся фигуре. Не видит, бедняга, в упор не замечает. Странно как-то это всё...

Теперь у меня оставался мой дядя Вася. На него я всегда мог положиться – в любом вопросе, и мнению его доверял. Дядька был намного старше меня, крепкий, жилистый, решительный, руки у него были золотые (с моряцкими наколками), да и голова варила что надо. Собственно, к дяде Васе я и приехал в деревню на лето – отдохнуть. И сейчас он оставался в доме, прикорнув в полуденный зной, потому как вставал рано, и работал весь день, с небольшими перерывами, дотемна.

Я с некоторой опаской обогнул дерево и заглянул в дом. В сенях царил полумрак, во всяком случае, казался полумрак после яркого солнечного света.

Я пробрался в комнату. Здесь было тихо, и лишь на стене размеренно тикали большие древние часы с ходиками.

– Дядя Вася! – позвал я. – Дядя Вася! Вставайте! Там такое!..

– Что? А?! – дядька, заспанный, подал голос со старой, продавленной кушетки у окна. – Что стряслось?..

Он спустил ноги на пол и сел, пытаясь прийти в себя.

– Ну, что случилось-то?..

– Там дерево... Представляете, дерево-призрак! Оно выросло, выросло, выросло! В нашем дворе! Вот! А соседи ничего не видят...

– Кхм.. – сказал дядя Вася и наморщил лоб. – Надо поглядеть.

Он встал, заправился, выпрямился во весь рост, держа голову чуть ли не до потолка, и я невольно восхитился его военной выправкой.

– Дерево, говоришь? – выйдя на крылечко и сделав ладонь козырьком – от солнца, сказал дядька, и в его голосе послышался неподдельный интерес. – Ишь, ты!.. Вымахало!.. Тысяча броненосцев!

Я робко подошел к прищельцу и потрогал кору. Всё-таки, что ни говори, а присутствие дяди немного успокаивало.

Дядя Вася, как чуть раньше и я, обследовал вяз со всех сторон и, казалось, был удовлетворён осмотром.

– Это хорошо, что он здесь вырос, – молвил, наконец, дядька. – Пустим его на дрова.

– Что?! – я задохнулся от изумления и ужаса. – Это же... Это прозрачное дерево! Мне бабушка о нем рассказывала!

– Ну, прозрачное, ну, дерево, – рассудительно сказал дядя Вася. – Но оно же горит! А зимой, знаешь, дрова как нужны!

Я, наверное, потерял дар речи. У меня не укладывалось в голове, как можно так запросто обращаться с призраком. Да, к тому же, не факт, что прозрачные дрова будут вообще гореть.

– Будут как миленькие, – уверил меня дядька. – Я это нутром чую. Во всяком случае, я заставлю их гореть, есть способы. И потом, не сидеть же нам, сложа руки. Уже завтра от этого дерева может не остаться и следа, так хоть пользу принесет! Тысяча броненосцев!

– А если мы дрова-то заготовим, а они – фьюить! – и исчезнут на утро! Что тогда делать?

– Дерево в виде дров не исчезнет, – с видом знатка произнес дядька. – Я-то про него тоже кое-что слышал. Главное – чтобы корень вытащить из земли, чтобы связь с землей прервалась.

– Ну, хорошо, – не сдавался я, – а если мы просто не успеем закончить работу? Оно же, в целом как дерево, может присутствовать в нашем мире столько, сколько ему заблагорассудится? Может, до утра, а может, и пять минут. Вдруг мы начнем его рубить, а оно – раз! – и исчезнет! Что тогда? Жалко своих сил!

– Исчезнуть оно может лишь в том случае, если на него не глядеть, – терпеливо объяснил дядька. – Никогда не было случая, чтобы оно испарилось у кого-то на глазах. Если обернуться там, отвлечься, не думать о нем какое-то время – тогда да... А мы с тобой просто не будем оставлять его без внимания. И всё время кто-нибудь из нас будет на него смотреть!

Доводы дяди Васи казались мне столь убедительными, что я не смог возразить.. Мы быстро приготовились к порубке дерева, и дядька смотал в сарай за инструментом – топорами, электропилой. Я же пока не спускал с дерева глаз.

Взяв, казалось, не очень благожелательно отнесся к нашей затее. Он как-то внезапно зашевелил листвой, закачался под вообразимым ветром – или это мне только показалось? Дядя Вася примерился, просчитал, в какую сторону лучше валить дерево, и

я расчистил место на земле от всего, что могло оказаться в зоне падения.

После чего дядя Вася приступил к операции.

Я так понимаю, что он имел навыки лесоруба... Это вполне возможно, ведь о какой-то части своей жизни дядя Вася никогда не говорил, и что он делал в молодые годы – неизвестно; только однажды он обмолвился о том, что занимался на севере лесоповалом. А при каких обстоятельствах это было – тайна за семью печатями.

Дядя Вася очень скоро справлялся с электропилой. Я прямо засмотрелся.

– Не стой там! В сторону! – кричал он мне. – Быстро! Тысяча броненосцев!

Я вовремя отскочил на безопасное расстояние – и в безопасной зоне, – как вяз с оглушительным треском и с каким-то стоном рухнул на землю.

– Теперь корень! – командовал дядька. – Если его не выкорчевать – всё исчезнет на фиг! Давай, трактор из гаража пригони!

Да, я забыл сказать, что у дяди Васи имелся самый настоящий мини-трактор, и дядька даже учил меня им управлять. Я завел мотор и, подпрыгивая на сиденье рычащей и урчащей машины, подогнал ее к тому месту, где еще недавно высился красавец-вяз.

Затем мы с дядькой крепко-накрепко закрепили пень и предварительно подкопанные корни тросами, дядька сел за руль, трактор напрягся – и с глухим звуком выдернул нижнюю часть дерева из земли. Лишь почва взметнулась маленьким всплеском...

Всю оставшуюся часть дня мы занимались обработкой поваленного ствола... Ох, сколько нам пришлось повкалывать! Перво-наперво мы стилили и срубили бесчисленные ветки. Дядя Вася действовал пилой и топором, я оттаскивал их в дальний конец двора. Ну, и помогал пилить дяде тоже... Потом мы занялись собственно самим стволом. Я устал, как не знаю кто, но дядька, похоже, не испытывал вообще никакой усталости. Он работал, как заведенный. Очень быстро и профессионально он распилит ствол на множество частей, и потом мы вместе с ним относили поленья к сараю, под навес, где аккуратно складировали.

Потом я ещё прибирал двор от множества сучьев, обрубков

веток и щепок... А когда уже не мог стоять, дядька разрешал сделать небольшой перерыв на отдых. Но и отдыхали мы по очереди – чтобы, не дай бог, не отвлечься обоим от дерева и не утратить его из виду. Вообще дядька торопился ужасно, он считал, что закончить нужно всё именно сегодня, желательно до полуночи, чтобы быть уверенным, что дерево – вернее, поленья и дрова из него – к завтрашнему утру никуда не исчезнет. А то кто его знает, этих призраков...

Закончили мы глубоко ночью. Выложили поленицу, дядька ещё порубил дров немного – не мог никак остановиться, но в целом работа была сделана, и я чувствовал огромное физическое облегчение. Вместе с тем, росло и некоторое беспокойство в душе. Ну, а если всё-таки все наши заготовки возьмут, да к утру и исчезнут? Вот будет номер! Получится, что мы зря старались?..

Я поделился своей тревогой с дядей Васей.

– А ты не думай о плохом, – посоветовал он. – Просто делай своё дело и наслаждайся каждым моментом. Если верить, то всё будет в полном ажуре. Справимся мы с этим призраком, справимся! Где наша не пропадала!..

...Стал я, как убитый. Ночью мне снились деревья – тысячи, тысячи деревьев, целые леса. Тайга. Джунгли. Непроходимые заросли. Чашоба. И всё это куда-то пропадало, и вновь появлялось, и потом старые вязы плясали вокруг меня...

...Я чувствовал запах свежеспиленного дерева...

...Я шевелил потными ладонями, полными заноз...

...Я всей грудью вдыхал воздух, наполненный чем-то неуловимым, призрачным... Упоительным, неожиданным, свободным...

Под утро, с трудом размежив веки, я попытался встать. Тело ныло, мышцы болели, руки и ноги едва слушались меня. Я сел на кровати, вслушиваясь в мощный дядин храп. Голова шла кругом, всё вокруг плыло. Но я отдавал себе отчет во всём, что произошло, и мне ужасно, необычайно хотелось узнать, не зря ли мы вчера трудились.

На негнувшихся ногах я прошел через комнаты, мимо спящего дяди, – в ту часть дома, где был проход в сарай, сразу за кухней. Даже свет не стал зажигать. Скрипнул половицами. Задержал дыхание – не хотелось дядю Васю ненароком разбудить. Осторожно отворил большую неподатливую дверь и – выглянул

вхозяйственную пристройку. За ней последовал вход в сарай и – с другой стороны – навес, тот самый, под которым мы складировали часть поленьев.

Присмотрелся в темноте. Сердце моё замерло.

Поленница лежала на месте...

Вкусно пахло деревом. Я подошел к дровам и, всё ещё не веря – на всякий случай – потрогал их. Пощупал. Подержал. Они были свежими, твёрдыми, реальными. Я шумно выдохнул воздух.

А потом... Потом я вышел из-под навеса под открытое небо. И обомлел. Задрал голову, явсматривался в миллионы, миллионы сверкающих звезд – никогда не видел их так много! Я огустил глаза – и увидел звезд ещё больше. Сияющие точки были слева и справа от меня, они были везде, под ногами, спереди и сзади. За нашим домом не было уже ничего иного. Только Вселенная, с плывущими в ней мириадами ярких огней.

Больше не существовало двора. Не существовало соседского забора и пригорка, на который я взбегал каждый раз, отправляясь к речке, не существовало тропинки. Были лишь одни звезды. И невероятные дали, уходящие куда-то в безграничье, и еще тишина. Безмолвие космоса. И неземная красота сумасшедшего пространства.

Ошеломленный, я вернулся в дом. Сел на стул у входа и обессилено откинулся на спинку. Что-то невероятное, невозможное творилось за дверью. Тысяча броненосцев! Я едва мог увиденное переварить.

Из глубины дома по-прежнему доносился раскатистый храп моего дяди. Я вслушивался, вслушивался – и почему-то мне вдруг стало удивительно спокойно. Умиротворенно. Я просто сидел и слушал звуки в ночи.

Мне больше не нужно было тревожиться. Не нужно было за чем-то гнаться, о чём-то переживать, что-то кому-то доказывать. Я сидел и наслаждался покоем, который низошел на меня откуда-то извне. Или же он родился во мне? Я плыл – как и весь мир со мной, плыл по великим небесным волнам великого космического спокойствия. Я знал, что я – корабль, и знал, что путь мой – в бесконечность.

П О Э З И Я

Михаил Рудов

ДО ТОЙ ЧЕРТЫ...

Новые стихи

Память

В живых уж нет моих учителей.
Они ушли – кто раньше, кто позднее.
Но я живой, и до последних дней,
До той черты, назначенной судьбой,
Мои учителя всегда со мной.

Буква “эр”

Русской речи раскатистый “эр” –
“Трохот грома в грозу”, – например,
Или скороговоркой вот так:
“Рак не рыба, и рыба не рак”.

В раннем возрасте радостно пройдено
По тропе букваря наизусть:
С буквы “эр” начинается Родина,
С буквы “эр” начинается “Русь”.

На рассвете заря разгорается,
И ракеты с утра в серебре.
Здесь родился я. Располагается
Город Рудня на “эр” в словаре.

“Эр” прохочет, как дробь барабанная,
Через “эр” вроде через барьер.
Предков имя – в роду мне приданое –
Открывается литерой “эр”.

Наступит срок

Заморозок раньше срока,
Иней выпал невзначай,
Полегла к утру осока,
Покосился молочай.
Но в соцветья молочая
С парашютиком зерно,
Ветерок его качает,
Парашютик надувает,
Чтоб посеялось оно.
А когда наступит срок,
Из зерна взойдёт росток.

Когда это было?

... Луна освещала просторы,
Таинственно травы росли,
И тенью Курдайские горы
На край окоёма легли.
Вкусившие сладость свободы,
Под звёздным небесным шатром
Мы были частицей природы,
Духовным её существом.
Деревья нам дали прописку,
Листвы опустили покров,
Укрыли кусты тамариска
Беспечную нашу любовь,
Касание лёгкой ладони,
Свидание ночь напролёт.
Блажен, как младенец, влюблённый,
Не знает он, что его ждёт.

Декабрист

На стекле узор морозный, серебристый,
За окошком все деревья в серебре.
Называют зиго-кактус декабристом,
Потому что зацветает в декабре.
Красота такая на моем окошке!
Зиго-кактус в обрамлении зимы,
И малиновые яркие серёжки
По краям живой зелёной бахромы.
Иней ляжет серебристою вуалью,
Ещё ярче зиго-кактус зацветёт,
И тогда придёт под Новый год Наталья,
Акварельно нарисует натюрморт.
В круг забвенья год прошедший канет,
Отцветёт, завянет декабрист, и мне
Утешеньем в быстротечной жизни станет
Акварель Натальи в рамке на стене.

Читая книгу А. Дубровского “Историк и время”

То, что было вчера знаменито
У расхожей толпы на устах,
То сегодня уже позабыто
И по ветру развеяло в прах.
Если выкинуть в макулатуру
Частколустаревших цитат,
Для историков эта фактура
Новых домыслов истинный клад.
И тогда по решению свыше
Современные карамзины
В академии снова напишут
Исторический очерк страны,
Подперев свой ученый расклад
Частколом дежурных цитат.
Их труды будут вознаграждены

И востребованы до поры,
Когда снова грянут перемены
И другие придут главари.

Синие стрекозы

Где вы, синие стрекозы,
Детства синие стрекозы
Над прозрачною водой?
Лёгких крыльев кольханье,
Бирюзовое сиянье
На лозинке золотой.

Жизнь сложилась, не сложилась,
То сбылось, а то – не сбылось
В личной жизни, как в стране.
Но среди житейской прозы
Эти синие стрекозы
Почему-то снятся мне.

Строка

Как вольный беркут, дельтаплан
Парил над белыми холмами,
Чертил воздушный океан
Эллипсоидными кругами.
Всё выше, выше! И пока
Волна воздушного полёта
Не унесла за облака
Невозмутимого пилота,
Под новой датой дневника
В декабрьский день солнцеворота
Незаменимая строка
Заполнила листок блокнота
И сквозь магический экран
Строка из дневника связала

Полёт Икара и Дедала,
Солнцеворот и дельтаплан.

На краешке дня

Белая мальва на краешке поля...
Вольному – воля и лёгкая доля,
Неба родного и отчую твердь,
Хлеба ржаного сегодня и впрямь.

Сяду на камушек с краюшка поля.
Видите, сам уже я на приколе,
Самая малость мне жизни осталась,
Вот и порадуясь самую малость.

Белая мальва глядит на меня,
Радует душу на краешке дня.

Вячеслав Ш А П О В А Л О В

ДНЕЙ НЕПОПРА- ВИМОЕ СКОЛЬЖЕНЬЕ...

ПЕРВОЗВАННЫЙ

Памяти Андрея Вознесенского

мне шестнадцать мы солнце зажгли прочитали секреты земли
исповедемся во весь голос
аве оза серебряный зов в юном небе серебряный шов
свете тихий звезда прокололась
озаренье смятение борьбы зов трубы ощущение судьбы
непонятной шальной первозданной
в охрущёвленной мгле октябррей имя слову звучало андрей
первозванный

мальчуган молодая москва первые молодые слова
партбюро смутный холод погони
я тетрадку андрею несущу промокашка душа на весу
вздых как птица в ладони
нищей юности щедрый улов голос колотых колоколов
суматошная высь предсказаний
мир соборный внезапно добрей ибо так заповедал андрей
первозванный

изумлённого знания знак просветлённый андреевский флаг
рисовальщик русского слова
полиглотулетевших годов где я к прочим трудам не готов
и не жажду улова
первый гамлета хриплый урок первый водки колючий глоток
воробей на пари с парашютом
старшеклассник заблачных гор словом полнится свод сагре кёр
первозванным

всё в новинку отметят не раз лучики у смеющихся глаз
богуславская ангел дамасский
книги шкаф запрещённых имён как шумит надо мной аквилон
долгожданной оглаской
в этих антимирах позолот на таганку с собой позовёт
контрамарка вдвоём с парижанкой
строчки дней золотой перелёт алый кактусовый переплёт
первозванный

над котельнической в ноябре серый ветер на синей заре
бовуар гумилев серп-и-молот
ни врагов ни голгоф ни флажков вновь охота идет на волков
гаснет звук летаргический холод
не предвидеть столетий кривых не видать смотровых домовых
дымный вечер зовёт перезвоном
зря ль над пропастью где-то во ржи по таким голосили киж
первозванным

первым зван у богов на пиру начинал ты игру на ветру
мировом бесприютном желанном
ах как жизнь пролетела легко высоко это всё далеко
в белом парусном сне магелланном
пусть останется в этом краю в этом вещем аду и в раю
в некий век золотой предзакатный
на немислимом срезе времен русской яви несбывшийся сон
первозванный

для кого он сегодня горит твой серебряный метеорит
в неотзывчивой мгле остывая

в неподвижной пустыне небес без обмана без истины без
отголоска земли узнавания
оборвался твой голос давно новое забродило вино
тяжек крест юным нехристям данный
в мельтешенье бурлящих годин будет много других ты один
Первозванный

БЕЗЫМЯННОЕ ИМЯ

Дискурс к рисункам
Джамбула Джумабаева

Мой безымянный,
для меня луна пролилась
под купол восьмистворчатой юрты,
растворила на моём лице покрывало.

Я слышу полнолуныя тысячелетний шёпот
и древние плачи сестёр.

В небе олени ведут любовную пляску,
звёзды горят, как волчьи очи,
кровоглазый жеребец
табун свой прячет в ночи.

И ты, любимый, прижался ухом к земле,
но что суждено нам услышать
с тобою
в этом неразгаданном,
в этом безымянном
мире?..

Ты приходишь, неведомый суженый мой,
с первым чёрным лучом заката,

когда стучится кровь ожиданья,
когда стучит в висках пустота,
когда плачут,
разрезая воздух,
крылья безымянных птиц.

Как зовут тебя?
Неужели тебе даровано Имя?
Неужели у всего этого мира есть Имя?

Кто же я
на закате безымянного дня?..

Дай мне услышать в глубине твоей мощи
удары ровного сердца!

Реки замерли,
птицы, горные козы и капли дождя
в пространстве недвижимом повисли,
тяжко вздрогнули ледники:
это я узнала твоё Имя,
но назвать его мне не по силам,
пока чувствую солоноватый привкус
безымянного
неба...

2004

Ф И Р Д О У С И

...Над голодным тифом
И соленой паршой степей
Лунный выкормыш – соловей.
А.Тарковский

Над каламом зябнут руки. Лебедь лебедицу кличет.

110

Сколько лжи – и сколько муки, суесловья – и величья.
Где ветра мотыжат склоны, мертвым кураём играя,
возникает изумлённо смесь розария и рая.
Героиню и героя через сонмы злосключений
переносит некий гений. Ну и ладно, Бог с тобою.
Не приткнуться в том рассказе гнусной правды плагиату –
тусец лепит нам из грязи радужную шахиаду,
беззащитной вещей ложью устилает путь тернистый
к безусловному подножью нищей стаи вечных истин.
Не впервой и не однажды это все в нас отзовется:
у отвыкнувших от жажды зря ли высохли колодцы? –
в самаркандах или римах мир исхоженный огромен
от надежд неизмеримых до измеренных оскомин.
Но – идти, лицо и сердце беззащитно обращая
к человеку (что за средство, что за горький хлеб – я знаю),
за мечтою незакатной, за ее неверным светом...

И не повернуть обратно.
И не пожалеть об этом.

1985

СТАРИННЫЕ ВРАТА

Из Любена Любенова

Они уводят в кельи и подклети,
Вглубь монастырских вековых секретов,
Во тьму, в магометанские мечети,
В колодцы тонких белых минаретов.

Сработаны из древней древесины
В чужие незапамятные годы,
Сквозь вековые тёмные теснины
Они зовут под каменные своды.

За створами дорога без возврата,

111

Лишь бронза петель как вздохнёт – застонет,
И с трепетом душа внезапно вспомнит,
Что здесь она уже брела когда-то ...

EXEGI MONUMENTUM. 1

Памяти переводчиков эпоса

Мы – памятник. Вокруг – эпох слепая плоть,
гранит чумной гордыни, гений грубой бронзы.
Сквозь камнепад времён – поэзии и прозы
мгновенный вечен вздох. И ведаёт Господь:

не ранее, чем голос книжного значка
всё скажет со страниц про власть, и брань, и славу,
страстей неисчислимых огненную лаву,
не раньше мы умрём. И секретарь ЦК

с дельфийской службой обозначат гонорар
безродным иммигрантам местного Востока.
Где прокатился вал взбешённого потка,
где кочевал Манас, растрачивая дар,

мы спели первыми силлабы дымных Трой –
но эолийским слогом русского домена.
Арчовой веточкой горящей, Мельпомена,
нас, вечных, помяни, беспамятством укрой...

2008

КАИНОВА ПЕЧАТЬ

Камень с межзвёздных окраин замер в витринном окне.
Сторож ворчит ему: «Каин!» – эхо молчит в тишине.
Щрамы вселенских окалин, зла обожжённая плоть.
Камня по имени Каин запросто не расколоть.

112

Хаоса старый подранок, щерится: вы – это мы! –
царственный братский подарок братоубийственной тьмы.
Не покорён, неприкаян, памятный пламень и лёд,
камень по имени Каин,
Взрыва Большого оплот.

А на стекле, как над бездной – рюмки, бутылка и хлеб,
некий пунктир бестелесный, дорог, мгновенен, нелет:
нас уже завтра не будет – призрачен радостный кров,
горсть лихорадочных судеб и муравьиных миров.
Неугасимая сила, непререкаемость зла
свергла тебя, уронила, нас ли к тебе вознесла? –
выпей, воробушек, с нами, вечности бедная тварь! –
мы постигаем и сами муки вселенской букварь,
неощутимое бремя, бесчеловечную высь
там, где пространство и время в схватке смертельной слились.

Смертная доля благая повелевает молчать,
молча на нас налагая кайнову печать.

2010

Из Николь де Поншарра

что нам за дело до побережья

губы таящие память о воде
соляные пейзажи задуманные в печали
свирепость
ветра
с начала мира звучащего в такт сердцу
которое ничего не забудет

мы живем ожидая выскую вздыбленную волну
всегда все ту же –
и каждый раз новую

113

пронизанную миражами вечности

море уносит наших мёртвых
они исчезают – легчайший пепел в венах

они уплывают вниз по течению
к голубым лагунам

так хотелось – покорить
так хотелось возродиться
в этих безграничных водах
морского крещения –

от Сены до Красного моря –
крещения без имени

сирены поют для тебя –
не моряк
не победитель –
якорная цепь разорвана
ты возвращаешься к прежним царствам
в вихревом следе звезд и птиц
мы погибаем вместе –
изначально задушенные в сетях –
свободные
со свободными людьми

тонем в этих водах
вновь оживаем
море опять
море –
и соль на ресницах
горько нашёптывает
слова похожие на слёзы

в крови нашей
ужас стольких кораблекрушений
имена стольких гаваней

и слышится голос –
нездешний вскрик покинутого ребёнка

нужно поднять парус
к более предсказуемым мирам
судьба бьёт больно
завтра переносится на другой день –
и что ему предрассветный блеск
предрассветной Венеры

Фрунзенским поэтам
прошлого столетия

Жизнь назад зачем-то жизнь свела нас, чтоб затем по весям раз-
бросать, Толя, Женя, Саша и Светлана, звонкие сердца и голоса.

Позабыто столько незабудок и в могиле столько бытия! – в па-
мять переплавится рассудок, вновь на крути обратясь своя.

И на берегах у местной Леты дрогнут, словно книжные листы,
милые истлевшие скелеты, юные и гордые черты.

Отзвук буколической латыни в сердце, как игла, на полчаса –
лишь взвоятся наши молодые, вечно золотые голоса.

Неуслышанная юность наша, что река с собою унесла. Круговая
рыцарская чаша серого гранёного стекла.

Дней непоправимое скольжение. Давних звёздных вспышек ка-
лендарь. Легкая листва стихосложения. Ничего не помнящая
даль.

Всё, что будет нового под небом, ни тепла, ни силы не придаст,
памяти и нежностью, и гневом уходя навек из наших глаз.

Александр НИКИТЕНКО

ЗНАК

* * *

С керосинкой посере́дке,
серым хлебом на столе,
на картошке и селёдке
зимовали мы в селе.

За окном снега лежали.
Печка веяла теплом.
Каждый вечер в совдержаве
мы сходились за столом.

Мой отец служил в конторе,
мать – в раймаге продавцом.
Домик наш на косогоре
гармонировал с сельцом.

С чистым садом, палисадом,
весь саманный новый дом,
крепок быгом и укладом,
сельским каторжным трудом.

После всех квартирсыёмок
свои стены не тесны.
Погреб был глубок и ёмок
с провиантом до весны.

Провиант – картошка с луком
да капуста, да свекла.
Муж, жена да бабка с внуком –
это мы среди села.

Мы с простым пайком продуктов
тосковали по мяску.
Чёрный круглый репродуктор
нам транслировал Москву.

Со стены трещал, холера,
чтобы знали в свой черёд:
по стране другая эра
после Сталина идёт.

Раскулаченные предки
и подумать не могли,
что, пройдя войну, их детки
обживутся, как наседки,
станут двигать пятилетки
как хозяева земли.

В пику западным угрозам
заимеют вдруг они
по колхозам и совхозам
грошевые трудодни.

Не заморские мы принцы.
По труду нам всем и честь.

Быговал в семье свой принцип:
обходиться тем, что есть.

Электричество с картинки
нам светило вырезной.
Керогазы, керосинки,
туфли белой парусинки
в сельский клуб на выходной.

В палисаднике колодец
трёхметровой глубины.
Небогато жил народец
на земле после войны.

После всех репрессий, «вышек»,
в пору стылую ладком,
если не было дровишек,
отоплялся кизяком.

Пахло тёплой шпукатуркой
от нагретой печи.
Я в кровать мостился с Муркой,
с ней теплей зимой в ночи.

Кошки, куры и собаки
в относительном тепле
вместе с нами, как в бараке,
зимовали на земле.

Жили мы и не тужили.
Керосинку зря не жгли.
Сбережений не нажили,
но себя уберегли.

Деньги в доме не водились.
Хоть и были мы бедны,
мы другим тогда гордились –
мощью крепнувшей страны.

Вера нас тогда держала
на плаву из часа в час,
что могучая держава
мудро думает о нас.

Что село не позабыто,
что получим мы и снедь,
и другие блага быта –
надо только потерпеть.

Вера силу нам давала.
Разорённая войной,
из руин страна вставала.
Мы вставали со страной.

Позади война и травля.
Впереди, как свет в окне,
историческая правда:
мы нужны своей стране.

И когда теперь достаток,
свет в квартире и тепло,
той поры былой осадок
вспоминается светло.

Поклоненье керогазу
и шипенью примусов.

Вместе с сумерками сразу
запирались на засов.

Занавески на окошке
встык сдвигали. И бочком
подвигались мы к картошке
и селёдочке с лучком.

Вечер. Глушь. Провинциальность.
Полутьма и тьма в домах.

Вера и принципиальность.
Неба звёздного размах.

11 ноября 2010 г.

* * *

Мы шли с тобой. Катилось в дали,
садилося Солнце за поля.
А впереди для нас блистали
лиственной зеркальной тополя.

И верилось, что вышла в дамки
судьба, спаявшая с тобой.
И тополя, летя, как замки,
блестели плещущей лиственной.

4 июня 2010 г.

* * *

Палящее южное лето.
Такыры усохли до праха.
Вопит муэдзин с минарета
азаны во славу аллаха.

Размылись былые понятия,
мы горькую чашу испили
за то, что как старшие братья
от верности мы отступили.

И веет коварным Востоком
с его халифатовским клиром.
И в мире пустом и жестоком
опасно считаться кяфром*.

В музее наш крейсер «Аврора».
И наш бронепоезд в музее.
И спинами ярость террора
предчувствуем мы, ротозей.

* Кяфир – неверный.

Разбойничью чуем повадку
и хитрый кинжал под лопатку.
А мы-то привыкли с тобою
к открытому честному бою.

Оплот наш веками ковался.
Шла сила всегда против силы.
Но множатся наши могилы
с разгулом лихого коварства.

Романтики, конкистадоры,
с руки нас удача кормила.
Прощайте, скалистые горы,
горит газават на полмира.

В раздразе нахрапа, наскока
не сходятся Запад с Востоком.
И тонкое дело Востока
фатально нам вылезло боком.

Без дипломатичных закидок
в консенсусы верится слабо.
Глаза фанатичных шахидок
стреляют сквозь прорезь хиджаба.

Звенит, как заноза под сердцем,
шальная от зноя цикада.
И реет, прозя иноверцам,
зелёное знамя джихада.

30 сентября 2010 г.

* * *

Там русского в бандитских черепах нет.
Из края в край их рай исколеси –
там нет чудес, и Русью там не пахнет,
а пахнет истреблением Руси.

И лешие, как волки, по лесам там
враз загрызут – их только зацепи.
И Кот учёный старым дилетантом
и днём, и ночью чахнет на цепи.

Там новые витии и пророки
вершат свой передел и беспредел.
И Кот им наподобие сороки
учёной трескотнёй поднадоел.

Там жизнь кипит содомья и гоморрья.
Русалкин на ветвях сидит скелет.
Дал дуба дуб давно у лукоморья.
А без него там будущего нет.

15 июня 2010 г.

НЕДОЛГОВЕЧНО В ЛУГАХ ЦВЕТЕНИЕ

Роса на клевере, краса по зелени –
желть одуванчиков, синь васильков –
в лугах посеяны, во мне поселены
до окончания моих деньков.

Недолговечно в лугах цветение –
с далёкой юностью в нём сходство есть.
Но всякий раз как цветут растения
душа пыгается опять расцвести.

Всё васильки мои да одуванчики,
да небо синее, да облака
Я вновь прощаю вас, мои обманщики,
в лугах прогуливаясь через века.

30 апреля 2010 г.

ЗНАК

Мирно женщины сидят с детскими колясками –
знак, чтоб полчища солдат затворами не лязгали.

26 июня 2010 г.

* * *

Вспомню: ты у меня есть.
Знаю: думаешь обо мне.
Крест свой мне легче несть
с этим вдвойне и втройне.

Впрочем, в горячке дней
кто знает, во сколько раз
делают нас сильней
женщины, ждущие нас.

20 августа 2010 г.

МОРОСИТ

Роскоши летней сырое отрепье –
мокрые кроны, трава и кусты.
Красок осеннее великолепье –
ржави и золота, и красноты.

Влажным туманом округа навоггла,
хмарью пыльца дождевая висит.
Осень явилась всерьёз и надолго.
И моросит,

моросит,

моросит.

Вьётся крикливая галочья стая.

Что там за хмарями – не увидеть.
Сердце застала пора золотая –
пылко прощально гореть, увядать.

Воля спесива, а осень плаксива,
но навязала свою мне игру.
Как это грустно и всё же красиво –
ярко пылать, угасать на ветру.

9 октября 2010 г.

* * *

Поэт не славится доходом.
Он пару истин с языка
роняет как бы мимоходом.
Они бесценны на века.

И только.
Нет другого толка
в крутых витках его судьбы.
Тираны мира не трепещут.
Не внемлют, мужеством не блещут
всё так же падшие рабы.

10 ноября 2010 г.

* * *

Наш паровоз не летит ни вперёд, ни вообще куда-то.
И бронепоезда нет на запасном пути. А зачем?
Бульжник – оружие маргиналиата.
Не станут всем
те, кто были ничем.

12 апреля 2010 г.

* * *

Всё повернулось не в лучшую сторону.
Стало привольно чёрному ворону,
мрачному дьяволу и сатане
в Богом забытой родной стороне.

Самозахватчики и автоматчики.
Гранатомётчики и снайпера.
И сострадания от родины-мачехи
ждать перестать нам пора, брат, пора.

21 апреля 2010 г.

АКВАРЕЛЬ

Прогулялся сквозняк по селению,
свежесть в сердце вселил на лету.
Веет дождиком, пахнет сиренью.
Всё в сиренево-сизом цвету.

В эту пору цветенья сирени
даже туч несиреневых нет.
И сошлись, и столпились в смиренны,
и набряк в них сиреневый цвет.

Свет пригашен. И шумом зелёным
полон ветер, по веткам сквозя.
И, наверное, быть невлюблённым
под сиренями просто нельзя.

27 апреля 2010 г.

* * *

Мне Пушкин или Окуджава
привили избранную роль,
чтоб ваши боли остужала
моя сочувственная боль.

Вас обездолит, обезволит
боль, словно стужа февраля.
Но вашу душу обезболит
моя душа, о вас боля.

Сквозь все века и все метели
ночами свет в окне не гас.
И сонмы душ ко мне летели,
чтоб пожалел я их и спас.

Чтоб защитил их от недоли
и к свету вывел через тьму.
Чтобы страдания и боли
не выпадали никому.

6 октября 2010 г.

ПУБЛИЦИСТИКА

Турар КОЙЧУЕВ

РУССКИЙ ЯЗЫК – НАШЕ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Для каждого из кыргызов русский язык исторически стал и остается средством вхождения в широкий мир образования, культуры и знаний не только в масштабах бывшего Советского Союза – ныне России, а всего мирового пространства. Ведь именно посредством русского языка мы знакомимся с шедеврами мировой литературы, информацией о культурных ценностях мира, достижениями в области знаний и техники, историей и общественным развитием народов и стран.

Кыргызстан на мировой карте – страна с небольшой территорией и незначительной численностью населения вообще, и коренного, кыргызского, в частности. Численность кыргызского населения на 01.01.2010 г. составила 3,8 млн. человек. И язык не играет и не может играть роль «интенсивного» и «распространенного языка общения в международных связях, языка международного значения».

Так что значение русского языка в Кыргызстане с приобретением суверенности, расширением и углублением международных связей в мировом пространстве не ослабляется, а реально усиливается. Русский язык становится в мировом масштабе для кыргызского народа не просто языком «знакомства» и познания, а средством установления политических и государственных связей, утверждения делового сотрудничества в мире экономики. Непризнание этого реального факта – самообман.

Сложившийся факт, что Кыргызстан оказался в зоне распространения и применения русского языка как средства общения, имеет исторически длительный период становления, постепенного проникновения вглубь и вширь, развития до единственного состояния «чувствования» русского языка как неотделимого от себя, когда и мыслишь не только кыргызским, но и русским языком. Прекрасное достоинство – уметь мыслить двумя языками! И этому объективно способствовала значимость русского языка в рамках СНГ и в мировом масштабе.

Это способствовало развитию экономики и культуры, образованию и науки, всей социальной сферы, росту грамотных национальных кадров, высокой квалификации профессионалов во всех областях жизнедеятельности.

И если есть проблемы в развитии и применении кыргызского языка, улучшении его использования в общественно-политической жизни, то вину надо искать не в распространенности русского языка, а в неумении властей как в прошлом, так и сейчас организовать умело обучение кыргызскому языку, вести работу продуманно и грамотно добиваться качественных результатов. Качественные результаты должны заключаться не в «оттеснении» русского языка, а в реально пробудившемся большем интересе к кыргызскому языку среди населения страны и заметном расширении сферы его использования во всех сферах жизнедеятельности общества. Языкового диктата не должно быть! Надо на вещи смотреть реально, русский язык как один из мировых для кыргызского народа – незаменимый посредник при выходе на внешние связи. Другого языка, которым кыргызы хорошо владеют, просто нет. Не надо закрывать на это глаза.

Кстати, кыргызский язык получил заметное и позитивное развитие благодаря алфавиту, перенятому с русского. Развитие русского языка у нас, принятие его языком межнационального и государственного общения – это наша история, история кыргызского народа и Кыргызской Республики. Проявление неуважения к русскому языку – есть проявление неуважения к своему языку и собственной истории.

Исторически сложилось так, что кыргызское население получило свое развитие как многонациональное: кыргызы, русские, узбеки, казахи, татары, дунгане, таджики, уйгуры, немцы, евреи и т. д. и т. п. Они вместе строили заводы и фабрики, дома и доро-

ли, поднимали образование и культуру, сеяли хлеб и пасли скот, вместе уходили на войну защищать Родину – СССР. И оставшиеся в живых возвращались в Кыргызстан, который был домом для всех. И сейчас республика не мононациональна. Кыргызская нация – это не только кыргызы, а все граждане республики, независимо от этнической принадлежности. Этот исторический союз этносов Кыргызстана никому не будет позволено разрушить. Кто думает или мечтает об этом, он не просто чей-то враг, а враг самому себе и всему нашему народу.

Никому не должно быть дано право покушаться на страницы и символы, памятники и традиции истории.

Кое-кто пытается, скажем, провокационно предлагать необходимость переименовать «некыргызские» названия городов и сел, улиц и площадей, парков, культурных и образовательных учреждений, пиков и озер и т.д. Но это предложение... «стереть» из памяти и сознания народа исторические страницы! Имена и названия не просто так «обозначились», а связаны с определенными событиями, значимыми для народа в целом. И кощунственно поднимать руку на историю!

Все, что создавалось и что сегодня мы, кыргызстанцы, имеем, – это наше общее достояние, достояние нации. Священная наша обязанность, наш долг – беречь, защищать, укреплять единство и отношения со странами, с которыми у нас на длительном историческом пути была общая судьба. В данном случае я говорю о наших отношениях с Россией.

Отношения кыргызов с Россией начаты были задолго до советского периода. Кыргызстан входил в состав Российской империи, причем добровольно. Это один из переломных моментов нашей истории.

Второй переломный период – советский период. Да, было допущено много ошибок и промахов в экономическом, социальном и культурном развитии... Но кыргызский народ пережил, образно говоря, и эпоху Ренессанса! Именно в советское время мы утвердились как нация.

Третий переломный момент – это сегодняшний выбор: «полный» государственный суверенитет, политическая демократия и социальная экономика с открытостью миру и рыночной свободой. Мы пока только на начальном этапе реализации на-

шего выбора. Процесс идет трудно, с невосполнимыми экономическими, социальными, духовно- нравственными потерями. Да, конечный успех зависит от нас самих, но, безусловно, не будет лишней моральная, интеллектуальная, экономическая и политическая поддержка мирового сообщества и прежде всего наших исторических братьев по жизни и стратегических партнеров.

Роль России неопределима и велика. Надо дорожить общей пройденной судьбой и дружбой, которая проливает свет на будущее. На сегодня именно Россия занимает центральное место в наших экономических, социальных, культурных, научно-технических и политических связях с мировым сообществом. Ее поддержка весома, гарантирована, политически и морально внушительна. И не помнить об этом – это манкуртизм.

Валерий САНДЛЕР

КОМУ НУЖЕН БЕРЕГ ТУРЕЦКИЙ

**Айсулу ТОКОМБАЕВА:
«Не люблю загадывать
наперед, живу
сегодняшним днем...»**

С этой красивой, хотя уже и немолодой женщиной мы знакомы очень давно: земляки, оба из Киргизии, где Айсулу Токомбаева была одной из ведущих балерин театра оперы и балета, премьеры которого приличная публика не прогнала во многом благодаря ее участию в постановках. Помню по личным, хотя и не столь частым, встречам, с каким она держалась врожденным достоинством, без тени позы или высокомерия, нередко, что греха таить, присуших людям ее профессии...

Но встречи наши были тогда и там, а сейчас и здесь я снимаю трубку на ее телефонный звонок, удивляясь, почему он не из Бишкека, некогда звавшегося Фрунзе, а из турецкой столицы Анкары.

- Эх, были бы у нас видеотелефоны - мы бы с вами могли посмотреть друг на друга. Но я и простому вашему звонку рад.

- И мне очень приятно услышать вас через столько лет...

- ...и за столько тысяч километров. Давно вы в Анкаре?

- Уже шестнадцатый год.

- Чем занимаетесь?

- Тем же, что и всю жизнь: балетом. День за днем. Здесь, в Анкаре, при университете Хаджет-Тепе есть консерватория, в ней - балетное отделение. Преподаю классический танец.

- На каком языке общаетесь с учениками?

- На турецком, конечно. Начала его учить еще во Фрунзе, когда стало ясно, что меня берут на работу в Турцию. У этого

языка общая основа с киргизским и татарским, одна языковая группа - тюркская. Только буквы меняются. Например, если волосы по-киргизски «чач», то по-турецки «сач», дорога по-киргизски «жол», по-турецки «йол». Таких созвучий очень много, всех не перечислить. Моя мама была татарка, а еще я часто слушала узбекское и казахское радио - там тоже немало похожих слов. Так что в новом для себя языке быстро разобралась. Это же не английский или немецкий...

- К тому же вы наверняка говорите по-киргизски, это ведь язык вашей родины, вашего отца...

- Говорю, хоть и не очень хорошо. Но если надо, могу на нем даже небольшую речь произнести. В душе стыжусь, что не владею им в полной мере. Для этого нужно было упорно заниматься, много читать, вникать в его тонкости. Раньше киргизский язык учили в школах, потом руководство республики отменило преподавание этого предмета: мол, русский язык для киргизов важнее. Выросло целое поколение, не знающее родного языка.

- Теперь вы, дочь киргиза и татарки, даете интервью рубрике «Русское зарубежье»...

- Так я никогда с русским языком не разлучаюсь. Однажды папа на меня рассердился, не помню за что, говорит: «Ты - космополит». Я тогда не понимала, что это такое. Мне было лет пятнадцать. А потом пришла к выводу, что я действительно космополит. Считаю себя причастной к мировой культуре, в первую очередь к русской, и к великой русской литературе. Закончила знаменитое ленинградское академическое хореографическое училище имени Агриппины Вагановой, мои русские педагоги дали мне знания, благодаря которым я стала не последним человеком в балетном искусстве, - разве можно все это зачеркнуть? Воспитана на русском языке, думаю на нем. Когда разговариваю с турками, сначала обдумываю мысль по-русски, потом перевожу на турецкий. Русскую поэзию неплохо знаю...

- Вот как! А кто из поэтов вам больше других интересен?

- Прочту несколько строк, и вы поймете, кто: «Моим стихам, написанным так рано, / Что и не знала я, что я - поэт, / Сорвавшимся, как брызги из фонтана, / Как искры из ракет, / Ворвавшимся, как маленькие черти, / В святилище, где сон и фимиам, / Моим стихам о юности и смерти, / Нечитанным стихам! - / Разбросанным в пыли по магазинам / (Где их никто не брал и не

берет), / Моим стихам, как драгоценным винам, / Настанет свой черед!...»

- Большое спасибо вам за Цветаеву. Чем еще порадуете?

- Могу вот чем: «Не пугай меня грозой: / Весел грохот вешних бурь! / После бури над землею / Светит радостней лазурь». Эти бунинские строки я повторяю, когда мугорно бывает на душе.

- Так много знаете наизусть русских стихов, мне аж завидно. Но, обращаясь к прозе жизни, спрошу: что вас в Турцию привело, да еще так надолго?

- Может, мне судьбой это было написано... Давно, еще когда жила в Бишкеке, мы сидели с мужем дома, смотрели «Клуб кинопутешествий», и я сказала: «Как обидно, Куван, что мы умрем, так и не увидев эту красоту, которую нам по телевизору показывают...»

- Извините, но уж кто-кто, а вы не только на телеэкране могли повидать белый свет.

- Могла, да, и повидала... из окна автобуса, в котором советских артистов возили из гостиницы в театр или концертный зал, потом обратно. Например, за десять гастрольных дней в Италии мы сменили одиннадцать городов! Была в Стокгольме, в Бухаресте и Тунисе, но и эти города толком разглядеть не успевала: выступлю – и сразу в отель...

- Теперь у вас есть возможность путешествовать, увидеть все красоты не на бегу. Вы ее как-нибудь используете?

- Никак не использую. Нет на это сил. Отпуск у меня две недели зимой и четыре недели летом. Стараюсь отдохнуть, чтобы снова начать с этими... вампирами работать. За все годы нигде, кроме Турции, не была. А рядом и Греция, и Италия, и Испания – в эту страну я давно мечтаю попасть, столько испанского танцевала: «Пахиту», «Болеро», «Кармен-сюиту», «Дон Кихот». Очень мне нравились эти партии. Может, у меня в прошлой жизни что-то испанское было... Но если поехать в ту же Испанию с экскурсией, пришлось бы часто выходить из автобуса, куда-то идти, за кем-то бежать, а я этого уже не смогу, возраст не тот.

Но тогда, дома, сидя перед телевизором, я дала себе слово: как только оставлю сцену – поеду работать за границу. Во время у нас в театре практически не стало работы, многие артисты уезжали кто куда. Но я еще в 1995 году в паре с Таризэлом

Акбашевым танцевала в «Шопениане» и «Пахите», в «Бахчисарайском фонтане», «Лебедином озере» и «Жизели». Форму подерживать мне помогал Уран Сарбагишев, вы должны его помнить, прекрасный танцовщик, он стал нашим главным балетмейстером. Уран Утунчиевич хотел, чтобы мы с Таризэлом еще «Баядерку» подготовили...

За несколько лет до этого в Бишкек приезжал Сулейман Демирель, президент Турции. Его помощник на встрече с деятелями киргизского искусства заявил: «Мы все – братья и сестры, мы должны быть вместе». Сказал, что в Турции живёт много киргизов. Я к нему подошла: «А еще одну киргизку примете к себе?» Он: «Нет проблем». Так все и закрутилось. Было подписано соглашение о взаимном культурном обмене между нашими странами... Так я оказалась здесь. И работаю.

- То есть, ваш отъезд не был эмиграцией или, как у некоторых, бегством...

- Никуда я не сбегала, что вы! Я по натуре не авантюрист.

- Поехали не надолго, а уже пошел шестнадцатый год...

- Ну да. Мне регулярно контракт продлевают. И платят достаточно. Особо не богатею, ни яхты, ни дачи не имею. Зато никому ничего не должна, ни от кого ничего не требую. А в Киргизии, которой я отдала почти всю свою жизнь, у меня, народной артистки СССР, лауреата союзной Госпремии, пенсия – 75 долларов. Этих денег хватит, чтобы оплатить коммунальные услуги или купить пять килограммов мяса. А я уже немолода, и кто знает, в каком положении окажусь завтра? Кто меня станет кормить, содержать на старости лет? Выпрашивать подачки у богатых, выскопоставленных – не в моей натуре. Спасибо, что меня Бог не забывает, я не осталась в таком положении, как многие в Киргизии, которые живут на пенсию или на нищенскую зарплату. Не живут, а выживают. Приезжаю в Бишкек, меня знакомые просят: помоги уехать. А чем я могу помочь? Правда, помогла двоим из нашего театра, сейчас они работают здесь.

- Остальные, кому не удалось попасть за границу, – они как живут?

- Каждый выживает, как может. Кому удастся, работают в нескольких местах: театр, хореографическое училище, дают частные уроки танца. Кроме зарплаты пенсию получают.

- Говорите, что бываете в Бишкеке. И как часто?

- Раньше, пока был жив муж, ездила два раза в год, зимой и летом, сейчас - только зимой.

- Живете в Анкаре одна?

- Одна. Здесь же живет с семьей моя младшая сестра Гульмира. Она пианистка, закончила Московскую консерваторию, а в Анкаре мы работаем вместе, в одной консерватории при университете Хаджет-Тете.

- Думаете остаться в Турции навсегда?

- Мне трудно ответить на этот вопрос. Никто из нас не знает, что с нами будет через год, даже через час. Не люблю загадывать наперед, живу сегодняшним днем. Просто живу и радуюсь. И повторяю про себя строки Есенина: «Пусть на окошках гнилая сырость, / Я не жалею, и я не печален. / Мне все равно эта жизнь полюбилась, / Так полюбилась, как будто вначале...». Утром, едва открою глаза, говорю себе: проснись и пой.

- И как - поете?

- Конечно! И не только утром. Русские народные песни, романсы очень люблю. (Поёт) «Утро туманное, утро седое. / Нивы печальные, снегом покрытые. / Нехотя вспомнишь и время былое, / Вспомнишь и лица, давно позабытые...». Это у меня от мамы. Жалко, что вы не были с ней знакомы. Ее звали Мунжия Еркимбаева. Она была солисткой нашего театра. Талантливая певица, колоратурное сопрано, одна из лучших исполнительниц партии Виолетты в «Травиате» Верди. Как она пела в дуэте с Альфредом! (Поёт) «Покинем край, где мы так страдали, / где все полно для нас былой печали. / Там снова счастье нам улыбнется / в приюте дальнем чужой страны...».

- Думала ли она, что нагадает вам судьбу...

- А судьба человека написана при зачатии, это всем известно. И знаете, что удивительно? Мне было пять лет, когда я впервые услышала маму в «Травиате», но почему-то именно та ария врезалась в память, запала в душу, а не вот эта, жизнерадостная (поёт): «Налейте, налейте бокалы полнее и жадно прильнем к ним устами...» Вернусь после урока в свою квартиру, вымученная, все мысли лишь об одном: Господи, дай мне силы! - включу русское телевидение, зазвучит музыка Чайковского, она меня очень быстро приводит в хорошее настроение, энергия возвращается... А хотите, открою вам тайну?

- Откройте, я никому не скажу, все останется между нами.

- Ну так знайте: я не мечтала стать балериной! Но получилось, что в 1958 году во Фрунзе приехала Марина Борисовна Страхова из училища Вагановой, ходила по школам, набирала группу детей-киргизов, была такая политика в Союзе - готовить национальные кадры, - и я попала в эту группу. От мамы я еще в детстве слышала, что балет - это каторжный труд, самая тяжелая профессия на свете, что балерин рано выгоняют на пенсию, они остаются без куска хлеба...

- Она оказалась права.

- Ну да. Моя мама в всегда и во всем была права. О себе она так говорила: «Я не бытовая, не кухонная женщина, я - уникальная». Вот у такой женщины я родилась: не бытовая, к жизни не приспособленная, какая-то странная.

- При всей своей уникальности могла ли ваша мама предвидеть, что ее дочь явится в знаменитых балетных спектаклях: в «Спящей красавице» выйдет на сцену в партии Авроры, окажется непревзойденной Сильфидой в «Шопениане»?..

- Да какая там «непревзойденная»! Так можно сказать про Павлову, Уланову...

- Все же я, посягая на вашу скромность, вспомню «Лебединое озеро», где вы - Одетта-Одиллия, а Зигфрид - великолепный Базарбаев...

- Мы с Чолпонбеком танцевали почти двадцать пять лет, нас Бог соединил. Да и вообще это было время взлета оперного и балетного искусства Киргизии, такое вряд ли повторится. Вы же сами все видели, вы свидетель.

- В целом судить не возьмусь, но я на самом деле свидетель тому, как замечательно вы танцевали па-де-труа в «Лебедином озере», какими аплодисментами встречала публика ваше исполнение партии Фригии в «Спартаке», десятки других партий... Как хотите, но у вас в Киргизии была слава, и немалая. А интересно, в Турции, ваше имя что-нибудь говорит местной публике?

- Воже мой, да кому в Турции нужно знать про киргизскую балерину, если меня даже в Киргизии забыли?! Никто не интересуется, какие партии я танцевала. Вот вы меня видели - вы и оцените.

- Почему бы вам самой про себя не сказать? Пусть узнают коллеги и ученики, кто у них преподает танец...

- Иногда кто-то мне подойдет, чтобы сообщить: а вы, ока-

зывается, известная балерина, мы про вас читали в Интернете. Я отвечаю, мол, да, по крайней мере, была не из последних, – и больше ничего. Понимаете, все в прошлом (поет) – «Что было, то было, и нет ничего...» Мне пришлось начать жизнь в буквальном смысле слова с нуля. Помню, как перед отъездом увидела сон: меня провожает папа (а его к тому времени уже не было в живых), я собрала в чемодан свои вещи, потом мы с ним вышли на дорогу, чтобы поймать такси, и все это в сумерках, оборачиваюсь назад – а чемодана нет; заплакала и говорю: «Папа, что же я буду делать? Ведь в этом чемодане вся моя жизнь!..» Прилетаю в Стамбул – у меня в аэропорту пропадает чемодан, и я остаюсь в брюках и рубашке. Говорю же: все начинала с нуля. Гульмира, когда приехала и увидела, как я живу, – заплакала. Но я на все смотрела философски. Главное видела в том, что занимаюсь любимым делом.

– Все же напрасно вы считаете, что забыты на своей родине. Вас там помнят и любят, можете не сомневаться...

– Да вы хоть знаете, что на моей родине творится?! Люди, чтобы прокормить семью, сдают свои квартиры иностранцам или под офисы. Никто никому не нужен, одна политика. Народ настолько политизирован! Видели по телевизору или в Интернете лица людей, которые митингуют перед Белым домом? Если видели, значит, знаете! Звоню приятельнице в Бишкек – сначала у нее весь разговор только о политике, а под конец говорит: «Да, в общем, все нормально...» Но я, если бы сейчас там жила, могла бы сойти с ума.

– В возможность перемен к лучшему верите?

– Пока государственную власть осуществляют люди, которые думают только о своей выгоде, – не верю. Нет настоящего лидера, за которым люди пойдут. Кем, в конце концов, оказался Акаев? Он первый, кто довел республику до такого состояния. При нем в парламенте обсуждался вопрос о том, чтобы закрыть театр оперы и балета... Потом пришел Бакиев, ему вообще было не до искусства, он заботился лишь о том, как все взять в свои руки. В годы его правления страна начала скатываться к феодализму, уже депутаты парламента предлагали разрешить многоженство. Вот и жду почти шестнадцать лет, когда же наконец там жизнь восстановится.

– Попробуйте сами в этом поучаствовать.

– Для этого надо быть политиком, а я не политик. Меня звали вступать в какую-то партию, их тогда много создавалось, но я сказала, что делать этого не намерена, в свое время все силы отдала искусству Киргизии, такой и хочу остаться в памяти людей: человеком искусства...

– ...знаменитой балериной...

– Олять вы за свое! Я знаменитой себя не считаю. Мне сестра говорила: «Ты когда идешь по улице, совсем на балерину не похожа. Вот когда идут балерины Большого театра по улице Горького – так сразу видно, кто они такие. А про тебя никто не скажет: вон пошла балерина». В моей внешности ничего балетного нет. Волосы не причешываю гладко-гладко, как делают балерины, не одеваюсь как-то по-особому, чтобы выглядеть стильно, никогда не крашусь. В молодости чтобы хвост ухажеров за мной ходил – такого не помню. Были трое, что за мной просто умирали, а я в ответ – ноль внимания, потому что всегда была занята работой. Так никому из них и не позволила признаться мне в любви. Куван сделал мне предложение – я его приняла. А больше никто и не предлагал. Нет у меня женского начала, понимаете?

– Не понимаю и никогда не пойму. Не надо на себя наговаривать. Я ваш зритель, знаю вас чуть ли не тыщу лет, мне со стороны виднее.

– Думайте, что хотите. Но я была и остаюсь человеком духовного склада...

– ...что не просто при ваших нагрузках...

– С утра до вечера только над этим и работаю. Все, чему научили меня педагоги в училище Вагановой, стараюсь передать своим ученикам. Может, даже сверх меры стараюсь, слишком большие требования к ним предъявляю. Не привыкла просто так зарплату получать, моя совесть должна быть чиста. Меня не интересуют бытовые удобства, наряды, мебель, главное – моя работа. А что касается духовности, так я, слава Богу, всю жизнь только духом единым и питаюсь...

– Годы ваши уже не малые, наступил время, когда работать в полную силу вы не сможете, и если руководство университета не захочет возобновлять с вами контракт – что станете делать?

– Так я вам уже говорила: живу сегодняшним днем. А там что будет, то будет. Жизнь покажет...

Алексей АГИБАЛОВ

КАК Я ПЕРЕЗИМОВАЛ ЛЕТО

Лето. 1 августа. Я и мой напарник идем по бесконечному газону из ярко-зелёной травы, по правой береговой террасе верховьев реки Чон-Кемин. Мы идем уже три часа, с тяжёлыми рюкзаками, набитыми продуктами, личными вещами, с притороченными сверху пуховкой и спальным мешком. Идётся легко, радостно. Панорама способствует этой радости: слева уходящие наверх к ледникам травянистые морены хребта Ала-Тау, впереди за небольшим озером Жасылкель, из которого и вытекает Чон-Кемин, и берет свое начало, уступами вверх уходят громадные ослепительно бело-голубые ледники. Справа на юге мощный хребет Кунгей Ала-Тоо, с гребня которого сюда к Чон-Кемину спускаются два средних по размеру ледника: Ак-Су западный и Ак-Су восточный, а на самом гребне – красавица вершина, с огромными снежными надувами такой белизны, что даже самая ослепительно белая простынь в сравнении с ней покажется серой. Сейчас полдень, на небе ярко-голубом ни облачка. Высота где-то 3000 метров, прохладный, нежный ветерок ласкает тело.

Мы молодые, нам по 30 с небольшим, мы в хорошей спортивной форме, акклиматизированы. Кажется, что так вот можем идти до бесконечности, не отрывая глаз от красоты, что нас окружает, и неторопливо беседуя.

Мой напарник Олесь Поляков, чуть выше среднего роста, светловолос, с рыжеватой курчавой бородкой, с лицом красавца, особенно нос, прямой слегка заостренный, идеально выре-

зан неведомым скульптором, глаза ярко-голубые, и когда он «строит глазки» какой-нибудь приглянувшейся ему девушке, они широко открыты, глуповато-наивны, как у ребёнка; но это – актёрский приём, это безотказное оружие Полякова. Редко кто устоит против этого «оружия». Если его одеть в белую тройку (смокинг), он будет, один к одному, похож на Френсиса Гойю, на конверте грампластины этого красавца-гитариста. Но сейчас он, как и я, одет в рубашку-ковбойку.

– Как же ты из Львова оказался в Киргизии? – спрашиваю я Полякова, а сам разглядываю Жасылкель, ледник «Богатырь» ...

– Я работал на научной станции от Академии Наук СССР, а она расположена прямо у подножия Эльбруса в Баксанском ущелье. Нас там работало человек 25, я и наблюдатель и фотограф. Мои большие черно-белые фотографии лучших вершин Кавказского хребта: конечно же, Ушба и Шхельда, да и другие, развешены по стенам гостиной на станции. А наблюдали мы за ледниками Эльбруса, и не только Эльбруса, но и Чечета, там часты лавины рядом с горнолыжной трассой, рядом с канатной дорогой.

– Смотри – вон сурик сидит, – отвлёкся он, и продолжал: – Пару лет назад на этой станции проходил всесоюзный симпозиум по лавинам. Приехал туда «начальник» всех лавин Киргизии Максимов Николай Васильевич. Увидел мои фотографии, они ему очень понравились, нашёл меня и стал уговаривать перейти на работу к нему в СГП (снегомерно-гидрографическая партия) Киргизского управления Гидро-метеослужбы. Я подумал и решил. Тем более, что хотелось посмотреть на Хан-Тенгри, может быть, на Победу, на ледник Инильгек.

... Пока говорили, подошли к перемычке, плотине озера Жасылкель. Вода в этом небольшом озере – цвета фиолетовых чернил. Прямо в озеро опущен язык ледника «Богатырь».

– Странно, почему такой цвет у воды? – спросил Поляков, как бы размышляя. И, продолжая мыслить вслух: – Вроде бы ледник тает, вода абсолютно бесцветна, небо тоже светлое, да и такое отражение не может. Странно, что за цвет?!...

Неторопливо по большим камням завала переходим с левого берега на правый берег Чон-Кемина, который вытекает из-под плотины уже довольно полноводным, и вода в нём не фиоле-

товского, а красивого бледно-голубоватого цвета, цвета прозрачно-го берилла – аквамарина.

Путь наш лежит вверх через морены на ледник Ак-Су западный, тот который справа, а слева – отделённый небольшим скальным гребешком-водоразделом Ак-Су восточный. Именно по нему проходит тропа туристов Алма-Ата-Ананьево. Где-то в середине ледника, на его правом скальном борту, перевал*.

Но нам – на Ак-Су западный. Время уже 16 часов. Надо подняться по зелёным моренам на высоту 3600, где нас ждут четверо зимовщиков, где метеоплощадка, где небольшой уютный палаточный лагерь, где ледник в пятидесяти метрах от палаток. Мы пока всего этого не видели, а только проинструктированы: где? что? чего? кто? Нас подвезла вчера служебная машина из Фрунзе прямо до геологов, стоящих на берегу Чон-Кемина. Дальше дороги нет. Там мы ели уху из маринки и форели, проговорили с геологами до полуночи. Интересные люди. Добрые, спокойные. Знаюки чего-то такого, что нам не дано знать: о недрах Земли, о минералах, о породах, о возрасте пород..

Отчётливо обозначалась тропа, идущая вверх на левый ледник. Вероятно, это и есть путь в Ананьево, часть пути. Но нам надо правее. Идём по некрутым, каким-то мягким под ногами моренам. Много сурков. Они то здесь, то там, свистят, предупреждая друг друга о пришельцах. Мы их видим. Стоящих столбиком на задних лапах и с любопытством глядящих на нас. мех у них светло-коричневый, золотистый, густой.

Я музыкант, а не гляциолог. Работаю в музыкальном училище. Преподаю странные для непосвящённого предметы: сольфеджо и гармонию. Дисциплины, основополагающие для любого музыканта. Ещё у меня оркестр русских народных инструментов, где с первого сентября начинают заниматься с нуля, не зная инструментов, студенты. А к концу года оркестр уже звучит и звучит красиво, и даже аккомпанирует в концертах солистам, педагогам и студентам. Устаю за год. Вымотан. А в июле-августе у меня оплачиваемый отдых. Но в городе не отдохнёшь. Поэтому я сходил к Максиму в СГП и попросил его принять меня на лето гляциологом. Он берёт меня охотно, так как знает,

* Берега рек и ледников определяются вниз по течению (прим. автора).

что я в свое время окончил в Ташкенте гидро-метеорологический техникум.

Почему мне легко дышится и я иду в горах на высоте 3000 метров как по равнине? Занимаюсь спортом с юности: баскетбол, горные лыжи, альпинизм, гоночный велосипед, с которого не слажу весь год.

Вечереет. Солнце быстро скатывается к пребням гор, скоро и спрячется за ними. А сумерки в горах наступают быстро, знаю по опыту.

– Как дышится? – спрашиваю Полякова.

– Хорошо дышится! – отвечает он с улыбкой. – Это не Львов, откуда я родом. Хотя там рядом Карпаты, лесистые, невысокие. Но нет в тех горах такого завораживающего великолепия!...

Ледник, к которому мы приближаемся, растёт, он уже виден до самого гребня, все ещё сверкающего на солнце. А ледник, надо сказать, странный.. Вот рядом два ледника, в одних климатических условиях, на одной высоте, оба питаются от облаков, образующихся за гребнем на Иссык-Куле. Но почему один из них, Ак-Су восточный, – спит, таёт и даже понемногу отступает, а второй, Ак-Су западный, всего в полукилометре от него, неожиданно вырос на 30 метров, язык его сполз вниз в долину. Почему? А вот на этот-то вопрос и должны ответить с помощью наблюдений гляциологов. На леднике уже сидят четверо зимовщиков, которых нам предстоит сменить. Высота уже где-то 3500. Травы стало меньше, она поблекшего, пожухлого осеннего цвета. Сурков нет, остались внизу. Видно здесь мало корма. Дышать стало труднее, часто останавливаемся.

– А где ты уже побывал от СГП?

– Командировки разные были. Был на Тюя-Ашу северная, Тюя-Ашу южная, это так которая над порталом туннеля с юга

– Знаю. Я там изредка катаюсь в апреле месяце на горных лыжах, когда на Оруу-Сае, моей родной горнолыжной базе, уже нет снега, а на Тюя-Ашу по утрам великолепный, – подхватываю я разговор, вспоминая прелести апрельского катания, когда трасса длиной 7 км, шириной от 100 до 300 метров, а фирн такой плотный, как асфальт. Часов с 12 кататься уже нельзя. Опасно. Тонкий слой фирна уже кое-где подтаял, можно и поломать ноги, если носок лыжи попадёт под снежную корку и заклинит лыжу, как в капкане...

Всё. Последняя морена. Мы на её вершине. Уже видно палатки, лагерь, метеоплощадку. Четверо парней стоят, смотрят в нашу сторону. Ждут. Солнце ушло за гребень.

Как-то сразу и неожиданно дохнуло таким холодом от ледника, что в наших рубашечках, да ещё с мокрыми от холода спинами, стало неуютно и холодно. Нужно было сейчас же решить: – или добежать до палаток и там переодеться в тёплые свитера, или это сделать сейчас же. Простудиться здесь на леднике, значит сорвать наблюдения, да и на медицинскую помощь здесь трудно рассчитывать. Значит, лучше переодеться немедленно. Мы с Поляковым сбрасываем рюкзаки, достаём припасённые сверху свитера и сняв мокрые рубашки быстро одеваем их. Тело сразу же начало согреваться.

Идём вниз с морены к лагерю. Надвигаются сумерки. Надо поторопиться. Убыстряем шаг. Вотите, кто нас ждёт. Здороваемся, пожимаем всем руки. Ребята в возрасте от 20 до 40. Заросшие, разного роста и комплекции, но что сделало их похожими друг на друга, так это обгоревшие лица, даже не загоревшие, а обугленные на солнце, на снегу, на льду лица. И ещё – они все радостно улыбались. Оно и понятно. Они устали от ледника, этого «морозильника», к тому же – немного! И теперь могут возвращаться домой, к семьям, в цивилизацию – такую далёкую и текую желанную. Где есть тепло, уют, лето, арбузы, баня, да мало ли там прелестей. Завтра домой.

Стремительно, как это бывает в горах, сумерки превращались в ночь. Холод от ледника усиливался, стало зябко даже в свитерах. Все пошли в большую, просторную, брезентовую палатку, где уже горела керосиновая лампа и кто-то из ребят разжигал печку-буржуйку. Печка работала не на дровах, которых на этой высоте нет, а на газе от большого газового баллона. Рядом стоял стол. Он был наполовину завален приборами и документами, а наполовину посудой: кружки, ложки, тарелки – всё тщательно помыто. Никаких нар не было, были вдоль стен на полу постелены куски толстой кошмы, а на них – спальные мешки ребят. «Это и будет нашим домом на ближайший месяц», – подумал я.

– А у нас уже трое суток нет еды, кроме лепёшек и чая без сахара, – сказал один из ребят – Миша Айзин. Парень лет 40, смуглый как цыган, с чёрными курчавыми волосами и бородой, с чёрными глазницами, которые мне сразу же запомнились. И по-

том, позже, мы встречались на метеостанции Ала-Арча, что рядом с альплагерем Ала-Арча, и всегда я видел Мишу вяжущим толстые шерстяные носки-джурабы, которые он потом дарил зимовщикам и друзьям-альпинистам. Есть и у меня его подарок, но это будет гораздо позже.

Я знал, что и на многодневных восхождениях часто не хватает продуктов. А сейчас надо ужинать. Чайник уже на огне. Распаковываем с Поляковым рюкзаки, достаём продукты. Нарезаем хлеба, колбасы, достаём сахар, бутылку водки, которую мы взяли на случай простуды (как лекарство). Но какое там лекарство! Когда такая компания хороших ребят ... Чайник закипел быстро, тем более, что на этой высоте вода закипает не при 100 градусах, а градусов на 20 ниже. Вода практически дисциplinированная, прямо из ледника.

Сели, кто на что мог сесть, выпили по глоточку, закусили, стали пить чай с сахаром и печеньем. Паша Солодков, старший из ребят по должности и по возрасту, он же инженер СПП, добродушный, высокий и полноватый, с круглым добрым лицом и пухлыми губами говорит:

– Не знаю, кто из вас будет здесь старшим, но инструктирую. Наблюдения на метеоплощадке в 8.00 и 20.00 ежедневно. Книжку наблюдений я оставляю. Вы не новички, знаете, что за приборы в будке, как с ними обращаться, как измерять по флютеру скорость и направление ветра. Атлас облаков тоже на столе. Записывайте тип облаков, если они будут. А, главное, – один раз в неделю выходите на ледник, берёте с собой ледобур, снегомерную рейку и, промерив каждую из 70 реек, забуренных в лёд на продольном и на четырёх поперечных профилях, забурите все 70 реек на глубину выглаивания. Она за неделю составит приблизительно 30 см. Всё это конечно, документируете. В пяти метрах от языка ледника, там, где из грота вытекает речка, переброшен металлический мостик. Желательно раз в неделю измерить расход воды в реке. Как пользоваться вертушкой, как её подключить к батареям и звонку, надеюсь, знаете.

Материал, который вы получите, важен, без него «пульсация» Ак-Су западного необьяснима. Пока необьяснима. Я, во всяком случае, так и не понял причин сползания на 30 м в год.

– Наверное, Лёша и будет главным из нас, он всё же профессионал, – то ли ехидно, то ли серьёзно буркнул Олесь.

– Хорошо, не возражаю. Работу всю знаю, делал не раз, постараемся отдежурить нормально, – согласился я, надеясь подружиться с этим ледяным монстром.

– Ну что, ребята, завтра рано уходим, давайте ложиться спать...

Потеснились, легли плотнее друг к другу на кошке.

Я быстро заснул. Сказывалось дневное путешествие, маленькое восхождение. Также быстро заснул и Поляков. Сон был безмятежен и сладок, тем более в пуховом спальном мешке. Тепло и уютно, хотя я чувствовал, как сбивалось дыхание, пока я устраивался в спальнике, и как долго потом оно стабилизировалось. Всё же 3600 – это уже высота.

Раннее утро, часов шесть. Ребята начали просыпаться, встать, одеваться и ставить на газ чайник. Им надо уйти пораньше: путь в Григорьевку и не близкий, и не лёгкий, особенно через перевал на леднике Ак-Су восточный. Проснулись и мы с Поляковым, хотя и недоспали.

Холодно. Где-то рядом журчит речка; солнце ещё не встало. Я вышел из палатки. На небе ни облачка, оно голубое, чистое, как будто его помыли и подсинили. До языка ледника так близко от палатки, что я похолодел от мысли: а что если часть льда обвалится на наш лагерь? Рядом с большой палаткой – маленькая. Она как склад оборудования. Невдалеке метеоплощадка: будка на высокой подставке, рядом на столбе высотой метра полтора – гелиограф, мачта флюгера, с туго натянутыми тросами-оттяжками. Он сейчас показывает слабый южный ветерок с гребня, с ледника вниз в долину. Все ребята вывалились из палатки, здороваются, разминают тело, оглядывают окрестности. Шутки, подначки, умывание в ледяной воде, хорошее настроение и радость на лицах. Хорошие ребята. Жаль расставаться, но надо хотя бы потому, что продуктов на такую ораву хватит от силы дня на три.

Пьём чай. И Паша говорит:

– Алёша, а я вспомнил тебя. Я видел твои уроки игры на гитаре по Киргизскому телевидению. Ведь я не ошибся? И ещё ведь твой тесть Жуков Николай Николаевич? Он ведь работает у нас инженером в СГП?

В этом же шутовом тоне я отвечаю:

– И не только Николай Николаевич, но и теща, и жена рабо-

тают в управлении рядом с тобой. Считаю полуправления – все свои!

Грянул смех, веселый, озорной.

Они ушли в четверть восьмого. Мы дали им в дорогу булку хлеба и банку мясных консервов. Хотелось бы больше, но... Иначе не протянем. И что делать, если продуктов не хватит? Кто нас накормит? Как работать голодным?

Вот мы и остались вдвоём. С чего начать? Я взял книжку наблюдений и пошёл на метеоплощадку.

Склоны гор постепенно розовеют от восходящего солнца. Вершина на гребне, над ледником, который ещё в тени, уже освещена солнцем – сверкает, привлекает своей мощью и красотой. Рядом язык ледника – это стена высотой метров 20 и шириной от борта до борта более 200 метров. Я молча смотрю на него, он на меня – холодным равнодушным взглядом.

– Чего тебе надо, человек? Я здесь живу тысячелетия своей неторопливой жизнью, а ты, козявка, только миг, по нашим меркам. Так чего тебе от меня надо?

– А я хочу понять твою жизнь, осмыслить. Чего это ты вдруг сполз за год на 30 метров? Что-то не так с твоим здоровьем. Да и не один ты такой. Есть ещё ледник Медвежий на Памире. Так вот, он за год иногда сползает на 100 метров, перегораживает речку, образует у языка подпрудное озеро, создаёт опасность нижележащим посёлкам, да и геологам, что добывают горный хрусталь недалеко от него. Мне важно понять причину твоего поведения... Так я думал, проводя наблюдения.

Минимальная температура ночью была -1. Сейчас +6. Поменял ленту на самописце гигрографа, взвёл механизм. Поляков рядом, смотрит, что я делаю, не вмешивается, но вдруг как заорёт во всё горло:

– По – ля – ко – о – ов!!!

От неожиданности я вздрогнул, удивлённо и осуждающе метнул на него взгляд.

– ов – ов – ов – ов, затихая, ответили склоны эхом.

– Чего орёшь? – спросил я его.

– Хорошо как вокруг! Захотел проверить: есть ли здесь эхо, – ответил он, скалясь в белозубой бородатой улыбке.

– Поздравляю Вас, товарищ Поляков, с началом научных работ на леднике Ак-Су западный, – дурачась, как и он, прокри-

чал я, правда, не так не громко. Эха не было. Пошли к палаткам. Выкатилось солнце, потеплело. Повеселели склоны вокруг, засветился ледник.

Днём мы готовили обед, сварили борщ. Вкусно пообедали.

Вечером в 20.00 сделали наблюдения на площадкетеперь уже вдвоём. Максимальная температура днем достигала +17. Ветер 5-7 м в секунду. Направление, как и положено в горах при хорошей погоде: днём дует из долины в горы, а вечером после 6-7 начинает дуть в обратном направлении – это связано с удельным весом воздуха: тёплый воздух днём поднимается из долин в горы, а, остыв на ледниках, вечером скатывается вниз.

Но какая умиротворённая тишина!

– А когда я прошлым летом дежурил на леднике Голубина, в Ала-Арчинском ущелье, мы на метеоплощадку на леднике вообще не выходили, – сказал за ужином Олесь, поглядывая на меня в ожидании моей реакции.

– Это как? – не понял я.

– А так. Сочиняли от фонаря. Она же, температура, всё время одна и та же. Каждый день. Один день отнаблюдал, а дальше гиши, повторяя цифры, – самоуверенно продолжал Поляков. Я чуть не задохнулся от негодования.

– Так это же халтура! Вы же всё портили, давали враньё в СТП! – почти закричал я. – Вам же деньги платят за работу и не фальшивые деньги, а настоящие! И как на таком материале строить научные выводы о погоде на леднике! – не мог успокоиться я. Ведный Максимов! Ну и работнички! Нет, так не пойдёт! Надо делать всё добросовестно! А если тебе лень, я сам буду всё делать, кроме забуривания на леднике реек, – горячился я.

– Ладно, ладно, согласен, – примирительно выдал Поляков, который смотрел на меня озадаченно: зачем, мол такая добросовестность? Ведь никого нет, никто не проверит нашу работу или её отсутствие.

Началась притирка характеров и привычек. Пошли день за днём. Утром наблюдения, вечером наблюдения. Барограф писал всё время ровное спокойное атмосферное давление с незначительными отклонениями от нормы, несмотря на то, что изредка над гребнем Кунгея собирались к обеду мощные кучевые облака, небольшая гроза с громыханием грома, молниями. Маленький спектакль для нас, вносил хоть какое-то разнообразие. Из-

редка казалось, что нас на планете только двое; и по соседству ледник – холодный, мрачный, молчаливый.

На 7-й день впервые пошли на ледник, чтобы промерить рейки на предмет выгаивания и забуривания.

Утро, позавтракали. В маленькой палатке нашли ледобур, снегомерную рейку. Хорошо, что кто-то позаботился об обуви. Там же на выбор были или кирзовые сапоги или ботинки вибрам для похода на лёд. Ведь мы пришли на ледник в кроссовках, а в них по льду долго не проходишь.

От палаток вдоль правого борта стали искать место поддёма на язык ледника. Слева крутые скалы, справа стена льда. Только через 100 метров от лагеря нашли наклонную полочку, выводящую на ледник. Вскрабкались.

Потрясающая панорама! Вверх уходящий уступами язык ледника, разорванный трещинами от борта до борта, слева и справа скальные рыжеватые стены, в верхней трети крутой взлёт с огромными снежными подушками, с замурованными трещинами и, наконец, красавица вершина со снежно-ледовой пирамидой – грозной притягивающей и завораживающей.

От начала языка ледника идут забуренные в лёд рейки: продольный и поперечный профиля. Трещин вроде бы нет, значит нет опасности провалиться в одну из них. Тем более это нам совсем ни к чему. Ведь мы не взяли верёвки, чтобы связавшись, страховать друг друга. Я спокойно осмотрел поверхность льда, и мы начали одну за другой измерять высоту торчащей над льдом рейки и тут же вновь забуривать её.

Бурилось сначала легко, потом после 30-40 рейки труднее, с одышкой, а последние 10 так и вовсе с большими остановками.

Всё же 3600 – это уже высота! За всё время работы мы почти не разговаривали, если не считать необходимых фраз:

– 10 рейка – 110 см, после забуривания 82 см

– 21 рейка – 118 см, после забуривания 88 см, – и так далее...

– А ледобур-то надо было заточить, – сказал после 30 реек Поляков!

А мне вдруг увиделась такая картина. Из космоса:

Иссык-Куль красавец, от него на север по снежно-ледовому хребту уходит шикарный ледник, а на нём две маленькие че-

ловеческие фигурки. Дырявят лёд, что-то в него втыкают... И спокойно так, деловито. Чудаки!

– Да, это не Карпаты, – задыхаясь от работы, вяло буркнул Олесь.

Бурили мы рейки часов 6-7. Уже за полночь. Тихо вокруг, лишь речушка из-под ледника слегка журчит. Пара уходит на обед, который ещё надо приготовить. Чувствуется усталость, даже вялость в теле. С трудом спускаемся до лагеря. Готовим обед – лепёшки с чаем. Благо, предшественники оставили нам треть мешка с мукой и две пол-литровые бутылки с растительным маслом. Спасибо! Ведь хлеб, который мы принесли, уже заканчивается.

День десятый. Вдруг выяснилось, что газ в баллоне тоже заканчивается, а безгаза мы погибнем. Что делать? Где выход из трудного положения?

– Поляков, давай сделаем так: ты возьмёшь пустой баллон и пойдешь с ним к геологам, чтобы поменять его на заправленный, а я в это время буду вести наблюдения. За день туда-сюда тебе не управиться. Иди сегодня, не торопясь, а завтра вернёшься. Догеологов километров 20. Значит, завтра после обеда я буду тебя ждать, а если надо, то и встречу внизу ближе к Чон-Кемину.

– Хорошо, хорошо, – сразу же согласился Олесь и начал потихоньку собираться. Уложил в рюкзак пустой баллон, на всякий случай взял пуховку, лепёшку в карман.

«Он мужик компанейский, контактный, геологи дадут ему баллон с газом. Хотя... кто его знает?» – подумал я, пока провожал его до ближайшей морены. А потом долго сидел и смотрел ему вслед.

... Прошёл день, прошла ночь, настало утро. Сделав утренние наблюдения, я прикинул как непросто тащить 20 км вверх по склонам и моренам рюкзак с тяжёлым баллоном. Да ещё голодному. Надо бы как-то помочь Полякову. Обошёл вокруг палаток в поисках дров, кое-что нашёл: куски досок, реек. Всё это экономно разрубил топором и на огне в печке-буржуйке стал печь пирожки с повидлом, благо банка с яблочным повидлом ещё не была съедена. Пирожки получились вкусные и сочные. Я их упаковал в лист бумаги, положил в полевую армейскую сумку и пошёл встречать друга.

Поднялся на морену, спустился ещё на одну. Было 4-5 ве-

чера. Вдали от берега Чон-Кемина крошечная фигурка человека, несущего тяжесть, казалась жалкой и тоскливо-одиноким. Я пошёл навстречу. Спустился метров на 500 по травянистым склонам. Встретились! Поляков тяжело дышал и вид у него после 20 км с грузом был жалкий. Сели. Я достал пирожки.

– Устал? – спросил я сочувственно.

– Устал, вымотался, – слабым голосом ответил Поляков.

– Вот горячие, тёплые ещё пирожки, специально испёк для тебя, – с нежностью протянул ему пакет.

– Спасибо. Это очень кстати. Давно не ел. Утром позавтракал у геологов и всё. Спасибо.

И он начал с жадностью есть пирожки, запивая их водой из реки и медленно приходя в себя...

Я взял рюкзак с баллоном и пошёл вверх по моренам. Всё выше и выше пока не показался лагерь. Поляков плёлся сзади, еле передвигая ноги...

У этой истории случилось продолжение... Когда дней через десять мы ставили пелли на сурков ниже лагеря метров на 500, нам встретился пастух-киргиз, который выпасал недалеко отару овец. Я заметил, что он как-то по-дружески отнесся к Полякову и спросил его:

– Вы что, знакомы?

– Да, канечна. Недавно я давал этот джигиту лошадей, когда она ходил к геологам за газом.

– А где твоя юрта?

– Прямо низу, где Аксу затикает Чон-Кемин. А его можно видеть отсюда, радостно сообщил он.

Так, значит, не пешком ходил Поляков до геологов! А как мастерски, как по-актёрски он изобразил выбившегося из сил путника!

Ай да Поляков! Ай да Сукин Сын!

Я взглянул на Полякова, он отвёл глаза.

– Спасибо земляк, за помощь, за лошадей, – спокойно поблагодарил я чабана, прощаясь.

На одиннадцатый день мы пошли к речке, к мостику переброшенному через неё и сделал замер расхода воды.

Работа была мне давно знакома, ещё в годы студенчества я делал замеры расходов воды на реке Аламедин. Процесс замера мне всегда нравился, да и место работы – река с её про-

зрачными, прохладными струями, это не окоп копать в пустыне Кара-Кум на границе с Афганистаном, где двадцатилетним был на армейских учениях, – убийственная жара, скорпионы, тарантулы, фаланги и нет воды, а есть только во фляжке тёплая безвкусная жидкость.

Место сейчас живописное. Благодать! Из грота голубоватого цвета вытекает ручей, я стою на гидрологическом мостике и сначала меряю глубину речки от уреза до уреза. Потом на металлическом шесте закрепляю гидрологический прибор – вертушку, у которой впереди вращающийся пропеллер, и раздаются звонки, частота звонков зависит от скорости воды. С секундомером в руке я считая количество звонков в минуту, потом по специальной таблице перевожу эти цифры в скорость воды в секунду. Процесс простой и занимательный. Полякову он был в новинку, но сразу же понравился, и он измерил скорость воды в трёх точках створа. Потом в палатке по таблицам я вычислил скорость воды умножил на площадь створа и получил 0,4 кубических литра в секунду. Полякова это привело в восторг.

– Как просто и гениально! – воскликнул он.

Назавтра мы сделали три замера: утром и вечером. После обработки данных он увидел логику: связь температуры воздуха и расхода воды. А было так. Чем теплее, тем больше через прибор проходит воды. И наоборот. Чтобы ещё больше заинтересовать его и увлечь, я нарисовал на миллиметровке график, где по вертикали – температура воздуха, а по горизонтали расход воды. Выставил точки и соединил их линией. Поляков ещё больше удивился, как ребёнок, и увлекся.

– Готов измерять расходы воды хоть каждый день! – заявил он.

– Кроме дней забуривания, конечно, – улыбнувшись согласился я.

Так протекали день за днём.

Где-то на 17 день мы поняли, что продукты кончаются, что нам не хватит их до конца августа. Сначала кончился хлеб, потом сахар, потом мясные консервы, капуста, картошка. Впереди замаячили дни, когда останутся только лепёшки. Что делать? Где взять продукты. Устроили за ужином «производственное совещание».

– Слушай Лёша, ведь вокруг нас бегают мясо!

– Это как? Какое мясо?

– Суржи! Ты видел, сколько на моренах непуганых, сытых суржков!

– Ну и как ты собираешься их ловить?

– Не знаю... давай выследим одного, он залезет в нору, а мы его выкопаем его...

На том и порешили.

Утром произведя положенные наблюдения и позавтракав, мы вооружились лопатой, ломиком (благо, они были в инструментальной палатке) и пошли вниз на морены, отслеживать суржков.

Идём, не торопясь, молча, чтобы не спугнуть потенциальную добычу. Стоило нам подняться на взлбок, как в ста метрах увидели крупного сурка, стоящего на задних лапах и истерически вопящего на всю долину своим кряхтяще-кашляющим свистом. Сидит, фрёг, мы медленно приближаемся. Сидит, фрёг, вот до него в пятьдесят метров. Начинает нервничать, встал на четыре лапы и вскоре ныряет в нору. Мы хорошо видим её. Небольшой свежий отвал после его (сурка) земляных работ, чистый действующий вход. Попался голубчик!

Мы довольно переглядываемся, предвкушая легкую добычу.

– А ты, Лёша, говоришь – мясо, мясо, где взять мясо? – посмеивается Поляков. – Вот оно, мясо, здесь, в метре от нас! Теперь главное не упустить, докопаться до него! – возбуждённо тарактит Поляков, берясь за лопату.

Начались земляные работы. Если бы мы знали заранее, что у сурка под землёй целый лабиринт ходов, часть из которых – тупики, если бы мы знали заранее, что он хитрее, умнее нас, дураков, мы бы не затеяли этой авантюры. Через четыре часа была вырыта траншея глубиной по пояс и длиной наверное метров десять, если не больше.

Сурка нигде не было. Была траншея и два уставших, обалдевших от скорости и объёма копания дурака. Да, да. Он оставил нас в дураках! Мы проиграли! Взяв инструмент, понуро и устало побрели в лагерь.

– Вот тебе и мясо, гражданин Поляков! – настала пора ехидничать мне. Олесь молчал, молчал, а потом как заорёт всю плотку, пугая окрестные горы:

– Ну, суро-ак! По-го-ди-и-и!

Вечером, успокоившись, поужинали тем, что было, прежде

всего, лепёшками, количество которых пока не ограничивалось. Легли спать. «Утро вечера, мудренее».

С утра погода начала портиться и уже в 12 началась гроза, со снежной крупой, с ветром, с громом, молниями. Из палатки не выйти, разве что для наблюдений.

– Надо менять тактику, – заговорил Олесь.

– Как это, менять тактику? – не понял я.

– Ниже нас идёт туристическая тропа, так? А что если выйти на неё и ждать туристов маршрута Алма-Ата – Ананьево? Ведь у них должны быть продукты на маршрут.

– И что дальше? – иронически спросил я. – Выступать в роли попрошаек?

– Зачем. Вовсе нет. Просто надо уговорить группу, если она небольшая, зарулить к нам, переночевать, обозреть красоты ледника. А там, глядишь, они сами поделятся продуктами с зимовщиками в обмен на гостеприимство и жилплощадь.

– Маловероятно, что они захотят терять день пути и продукты в обмен на сомнительные достопримечательности «тульсирую щего ледника». Но кто знает, а вдруг получится, – неуверенно согласился я.

Гроза окончилась быстро и вскоре небо прояснилось, солнце, как ни в чём не бывало, засветило тепло и приветливо.

– Вот завтра ты и начнёшь осуществлять свой «глобальный» замысел, – сказал я, после скудного ужина.

Утром Поляков взял пустой рюкзак и ушёл, слегка перекусив. К вечеру он появился, да не один, с ним были мужчина и женщина средних лет. Поздоровались, сбросили рюкзаки, стали знакомиться. Оказалось, Ирина и Сергей – мастера спорта по альпинизму.

Женщина была невысокая, но стройная и подтянутая. Красивые волосы, красивое лицо, выразительные глаза, а вот голос её поразил меня, музыканта, своим уникальным тембром – одновременно грудным, мягким и каким-то ласковым, спокойным и неторопливым. «Да за один такой голос можно полюбить женщину, даже не видя её», – восхитился я.

Сергей – её муж. Крепко сложенный, сплошная мышца, но не перекаченный, как Шварцнеггер, а с телом гимнаста, где все мышцы развиты гармонично. Загорелое лицо, короткая стрижка слегка поседевших волос, умный и спокойный взгляд карих глаз.

Да и одеты они были не во что попало, а в спортивные костюмы, явно зарубежные, красивые, элегантные, с фирменными лейблами. «Были за рубежом, на восхождениях» – подумалось мне.

– Вот решили заглянуть к вам, зимовщикам, на ночь, если примете, – приветливо, баритоном сказал Сергей.

– Конечно рады принять, места хватит. Да и послушать новости с Большой Земли не мешает, ведь мы уже 20 дней без радио и телевидения. Что там? Как там без нас? Особенно интересно от мастеров спорта по альпинизму услышать новости о восхождениях. Я тоже занимаюсь альпинизмом, перво-разрядник. Служил вместе с Юрой Шиловым. Наверное вы слышали о таком? Служил и ходил на восхождения на Памире под руководством Владимира Иосифовича Рацека, – понесло меня.

– Как же, как же, знаем и Юру Шилова, а тем более Рацека, – продолжил Серёжа. – С Рацеком я не ходил на восхождения, а вот из узбекских альпинистов с кем я ходил, да и Ира тоже – это Гена Харламов и его жена Римма Жукова, это Вадим Эльчибеков, это братья Вотрины Юра и Володя. А из новостей – команда алма-атинцев успешно ходила этим летом на Хан-Тенгри, на Победу. Я, правда, не могу уже ходить в горы, врачи мне запретили. Вообще. Сердце. Вот назначил друзьям контрольный срок и иду (с женой для страховки) Алма-Ата – Ананьево. Если что – ребята помогут провести спасработы. Но об этом не хочется думать, – и он печально посмотрел на жену.

«Вот тебе и Шварцнеггер, – вздохнул я про себя. – «Как можно обмануться по внешнему виду человека о его здоровье»...

Помолчали. Заговорила Ирина своим изумительным тембром.

– Пока мы шли сюда, Олесь рассказывал нам о Вас, Алексее. Вы играете на гитаре? Интересно послушать подробнее об этом. И не только об этом. Что это такое «тульсирующий ледник»?

– Охотно. О гитаре можно рассказывать часами. О Тарреге – основоположнике испанской гитарной школы, о Сеговии – выдающемся нашем современнике, поднявшим своей игрой, блистательной игрой, гитару до высот, где царили скрипка, виолончель, фортепиано. Сам я учился в Москве. Только ищу пути к

совершенствованию своей игры. Играю на радио, телевидении, в концертах... А «тульсирующий ледник» – это загадка, которую хотят разгадать специалисты. Мы с Олесей собираем информацию о леднике, может быть, она поможет разгадке ...

Чайник закипел, пошли пить чай.

– К сожалению, мы обходимся без разносолов. Самое фирменное блюдо – это лепёшки и пирожки с повидлом, которыми мы в основном и питаемся, – темнил я, чтобы не лягнуть напрямик, что у нас заканчиваются продукты.

Гости выложили из рюкзаков сахар, стужёнку, сыр. Стало веселее.

– А что это за траншея на морене, как будто здесь недавно проходили военные учения? – спросил Серёжа

– А это мы, чтобы поддерживать спортивную форму, выкопали с Лёшей, – скалясь в улыбке объяснил Поляков.

Сергей с Ириной переглянулись, пожали плечами.

Так за чаем и разговорами пролетело время. Пора спать.

Места в палатке много. Разместились каждый в своём спальнике и быстро заснули. Заснул и ледник вместе с окрестными горами. Тишина...

Утром, отнаблюдав и попив чаю, мы проводили гостей. Обращаясь ко мне, Ирина сказала.

– Звоните к нам в Алма-Ату. Вот домашний телефон, – и дала номер. Потом, спустя месяц, я действительно услышал в трубке этот изумительный по красоте и нежности голос, который меня взволновал:

– Здравствуйте, Алёшенька. Маршрут мы с Серёжей прошли благополучно. Привет Олесе.

На столе в палатке мы обнаружили мешочек с сухарями, пачку сахара-рафинад и банку мясных консервов. Особой радости от этого не было, было ощущение неловкости. Но «система Полякова» сработала. Ясно, что это не спасёт нас от грядущего голода, но хоть отсрочит на день-два.

Сегодня забуривание. Погода отличная. Абсолютно безоблачно. Тепло. Слабый, прохладный ветерок из долины. Пошли на ледник. Сделали работу быстрее, чем обычно, так как я наточил ледобур довольно новым напильником, обнаруженным в малень-

кой палатке. Вытаивание в среднем за неделю 25 см. Поменьше тает ледник?

Обед. Сегодня суп из тушёнки с тремя картофелинами, слегка проросшими, чай с сухарями.

Неплохо. Неплохо.

– Поляков! Есть идея! Когда я искал напильник, в маленькой палатке обнаружил моток троса восьмимиллиметрового. Наверное, это остатки троса для оттяжки флюгера. Предлагаю распустить его на тонкие жилы, а похоже их 8, потом отжечь на костре, чтобы выгорело масло, смазка. А потом ставить петли у нор сурков.

– А что! Неплохая идея, – одобряюще кивнул напарник. – Крутом бегают мясо, а мы голодные, – бурчал он.

Так и сделали. Отрубили кусок длиной метра 2–2,5. Распустили жёсткие, стальные жилы, отожгли на газе, проволока стала мягкой, но грязно-бурого цвета и пахнущая окалиной. Теперь осталось найти норы и поставить петли. Хотя раньше я никогда этим не занимался. Но «голод – не тётка». Пошли на морены. Нашли норы. Кое-где видели, как сурок нырнул в нору. Такие норы более перспективные.

8 силков – 8 нор. Петля вставлена в нору, а хвост конец троса привязан к камню, килограммов на 10. И ещё одна немаловажная деталь: прежде, чем ставить петлю, мы промазали каждый тросик, возле каждой норы калом сурка, так как оказалось, что сурок чистоплотное существо и ходит в туалет в метре от норы, в специально вырытую ямку. Вот чистоплюй!.. Поставили петли и пошли в лагерь. Вечерело. Вокруг всё та же панорама: хребты, лёд, вершины, морены, пожухлая трава, но хорошо дышится.

Днём, когда забуривали рейки, состоялся странный разговор. Поляков между делом начал рассказывать о своём детстве во Львове, где он родился и рос, о том, что отец их с матерью бросил, что мать воспитывала его одна, что он часто убегал из дому, плохо учился в школе, нелучшие друзья были у него на улице. Иногда воровал, но пить и курить не стал, как многие трудные дети.. И вдруг перешёл на тему национализма.

Западная Украина с негласной столицей во Львове всегда была особняком по отношению к остальной Украине. Даже язык сильно отличается от обычного украинского, который русский

человек все же поймет, а вот западэнский – абсолютно не понятен, он ближе к польскому. Да и народ хмурый, недружелюбный, а местами злобный. Но Поляков стал объяснять, что и он больше западэнский хохол, чем Донбасский, что и он питает неприязнь к советской власти и что ему близка и он разделяет её фраза: «По червоних зирках, та зэлэних кашкетах, вогэнь!» , что в переводе на русский означает: «По зеленым фуражкам и красным звездочкам, огонь!...»

Когда Поляков дошел в своих откровениях до этого места, я подумал – какие мы с ним разные, хотя и живем в одной стране. У нас одна Родина! В 18 лет мы пошли с друзьями из техникума в райком комсомола, взяли путёвки на целину и всё лето проработали в Акмолинской области, помогая убирать огромный урожай пшеницы. И я горжусь, что помогал стране, народу, что мне всегда «За державу обидно» и т.д. и т.п.

... Пришли к палаткам. Прежде всего метеоплощадка – вечерние наблюдения. Погода стабильная, изменений резких нет. Гигрограф пишет на ленте самописца равное состояние влажности. Странно, но несмотря на то, что рядом ледник, большие испарения, таяние льда, речка, а влажность 20-40%?! На ленте барографа, пишущего атмосферное давление, тоже спокойно, близко к норме – 740 мм. Температура воздуха к вечеру +4 градуса. А ведь лето! В долине, во Фрунзе, наверное, +30.

На ужин доели суп, попили чай с сухарями. Всё это почти молча, после дневного разговора – некоторая отчуждённость. Главное, чтобы не возникла несовместимость. Я помню один из рассказов Джека Лондона, когда на Клондайке остались зимовать двое золотоискателей, с приличным запасом продуктов, а весной их нашли мёртвыми: один с простреленной грудью, а второй со смертельной раной от топора. Бывает и так.

Утром после наблюдений на площадке, расхода воды, завтрака отправились с нетерпением на морены. Охотничий азарт. Как там петли? Как там сурки? Умники! Идём почти бегом. Первая морена, вторая. Тихо ничего не происходит. И вдруг метрах в 100 ниже, на дальней норе, странное движение: вокруг норы бегают кругами сурок. Большой сурок!

– Ура! – орёт Поляков и бежит с ледорубом в руках вниз по травянистому склону. «Откуда у него вдруг ледоруб, да и зачем он здесь?», – спешу я за ним и никак не соображаю. 15 метров,

10, 5... Сурок бегаёт кругами, теперь уже отчетливо видно – петля затянулась у плеч ниже его головы и, пытаясь вырваться, он её затягивает ещё больше, только камень, к которому привязан другой конец силка, раскачивается... Дальше удар ледорубом по голове бедного сурка, первая добыча в руке Полякова. Идём к лагерю. Система сработала. Хотя и жалко сурка. Дурак! Попался!

– Вот вам и мясо, дорогой друг, – пропел Поляков.

В лагере, когда стали снимать с него шкуру, свосхищением разглядывали его мех. Густой подшёрсток рыжеватого цвета, ворс длинный, блестящий, шелковистый. Да, вот именно из такой шкуры и делают киргизы шапки знатным сородичам. Вот именно из-за этого меха и выбиты почти все сурки. Но это всё лирика. Теперь главное – сварить мясо и попробовать его. Ведь говорят – мясо сурка отдаёт травой, и не все могут его есть...

Большая пятилитровая кастрюля полная воды и мяса стоит на огне. Красота! Сидим, ждём. Запах по палатке – аж жуть! Проходит час, второй, пробуем подсоленный бульон. Боже! Это же нектар! После всех наших лепёшек, сухарей – это, пожалуй, лучшее из блюд какие мы когда-либо ели и пили.

– Ну, сурок! Спасибо! – стандартно орёт Поляков и хлебает из кружки горячий нектар. Я занят этим же. А мясо! Какое вкусное, ароматное! И никакого вкуса травы. Похоже на мясо кролика, может, чуть тверже, чуть жёстче, но это теория, а на практике мы ополовинили кастрюлю с мясом.

– Вот это обед! Да мы теперь будем бегать по леднику, как архары, – радостно и сытно кричит на всю палатку этот ошалевший от сытости хохол.

– Надо притормозить! – советую я.

– Хотя бы до вечера. А вечером повторим пиршество.

Вечером, уже не с такой отчаянной жадностью, мы съели по куску жирного мяса. Отнаблюдали. Посидели с керосиновой лампой за чаем.

Над нами простиралось ночное почти черное небо, где звезды яркие, отчетливые, огромные. Таких не увидишь в городе из-за смога. По ночному небу стремительно летит спутник. Один, другой, третий, в разные стороны. Но холодно, если находишься без пуховки снаружи палатки. Температура около 0. Вот он лёд – рядом, дыхание его – как из открытой двери холодильника. Глядя в небо чувствуешь, насколько ты мал, беззащитен. Что твоя

жизнь рядом с этой безбрежной вселенной? И жутко и восторженно холодит душу этот ночной спектакль звёзд.. Пора спать.

... Утром я отнаблюдал, испёк лепёшек. Как всё-таки хорошо, что ребята оставили нам муки. Жарил я лепёшки на сурчском жиру, который мы срезали, когда снимали шкуру. Его было немного, но на 5 поджарок лепёшек хватил. У лепёшек появился новый, неожиданно приятный вкус. Что-то подобное я ел на Куйлюке – базаре, на окраине Ташкента. И пекли те лепёшки местные корейцы. Может быть, они использовали жир собак?.. Ели, причмокивая. Жизнь повеселела! Но надолго ли?

Расход воды уменьшился. Значит, таяние ослабевает. Объяснение очень простое: если 20 дней назад максимум температуры был +17 градусов, то теперь +12. Приближается осень. До неё – чуть больше недели. Поляков теперь сам наносит данные расходов воды на график и сам же соединяет точки в главную кривую. Он изменился. Ему интересно делать наблюдения, связывать воедино данные, анализировать. А это уже похоже на работу учёного, а не ленивого, тупого наблюдателя. Да и я рад такой в нём перемене.

Сегодня мы поймали два небольших сурка. Даже как-то жутковато, что фортуна, которая была к нам спиной, вдруг решила повернуться на время передом, как та избушка на курьих ножках у Бабы Яги.

Вечером сварили одного сурка. Шкурки вчерашнего и сегодняшнего посолили и положили на большой камень сушиться, а головы – в небольшое углубление подкамнем.

Кончились сухари и сахар. Поляков надумал сходить завтра на тропу, где журит: а вдруг пройдут туристы. Может, «отдадут» чего-нибудь нищим зимовщикам. Я не возражал. Работа движется. Одному вполне можно и отнаблюдать на площадке, и взять расход воды в речке пару раз за день. Вполне.. Он ушёл с утра и весь день его не было. Странно, даже на обед не приходил, а я уже сварил полную кастрюлю мяса. Я стал беспокоиться. Уже садилось солнце, когда из-за ближайшей морены показалась сначала одна фигурка, затем вторая, пятая, седьмая и наконец, сам Поляков.

Я растерялся. Панически стал прокручивать варианты: как накормить такую ораву и ещё уложить спать, в случае, если у них нет палаток. Подошли. Знакомимся. Четыре девушки и три

парня. Студенты-туристы из Омска. С лёгкими рюкзаками идут уже третий день из Алма-Аты в Ананьево. Завтра – на ледник и перевал, потом вниз в Григорьевку по реке Ак-Су, течёт в Григорьевку. Как много у киргизов этих самых Ак-Су! Ак-Су – это и белая вода, и хорошая вода в переводе. Согласен с киргизами – хорошая вода в Ак-Су западном!

Поляков улыбается, довольный успешной операцией по вылавливанию туристов на тропе, подмигивает мне. А я в растерянности. И зря. Всё уладил сурок в кастрюле. Когда мы заговорили о нашей успешной охоте, показали пойманного и неразделанного сурка, девочки с нежностью запускали в его мех пальцы, выражали восхищение, когда я выставил из палатки кастрюлю с варёным сурком и все семеро плюс Поляков набросились и на бульон, и на мясо, когда все наелись и прилегли на траве – я понял, что всё в порядке. Тем более, что ели мясо с хлебом, который был у студентов в изобилии. Была, конечно, одна маленькая проблема с туалетом для женщин. Им пришлось дружной стайкой уйти за ближайшую морену. Теперь проблема: как спать, где спать? Оказалось, у группы – две двухместные палатки, они их друженько поставили. Это были брезентовые палатки «Здарки», изобретенные альпинистом Здарским задолго до появления «Памирок». Итак, четверо размещены. А как же ещё трое? И как это они идут из Алма-Аты с таким снаряжением? И ещё выяснилось, что у двух девиц вообще нет спальных мешков!!! Ну, ребята, с вами не соскучишься!..* И тут Поляков, «сделав» свои нахально-красивые голубые глазки большими и круглыми, говорит девушкам:

– Девочки, есть предложение. Чтобы вы ночью не задубели, у нас здесь ночью температура около ноля градусов, вы лезете к нам с Лёшей в наши пуховые спальники, а они достаточно просторные, ложимся таким образом по двое. Правда, клапан спальника не позволит им накрыться, но думаю – не замёрзнем! – радостно закончил он, весь светящийся от идеи и свежих впечатлений.

Не мог же я, изображая целомудрие, отказаться от этого дуэтного варианта сна. Промолчал.. Девочки, посоветавшись,

* (Рюкзак с ещё одной «Здаркой» и двумя спальными мешками девушки оставили на тропе внизу, по совету Полякова!)

согласились с идеей Полякова... В альпинизме нередки случаи, когда приходится спать двум альпинистам в одном спальнике, когда в трёхместной палатке «Памирке» сидя спят, или точнее мучаются, 6–8 человек. Но это нештатные ситуации, это безвыходные положения, авария или непогода...

Когда группа пришла и было ещё светло, я мог разглядеть их всех. Они были одеты в спортивные трико и брезентовые альпинистские куртки, на ногах у всех вибамы – хорошие ботинки с рифлёной подошвой, цепко схватывающейся со скалами и льдом. Возраст где-то по 18–20 лет. Парни худощаво-спортивного типа, две девушки стройные и лёгкие – похоже, занимаются спортом, может быть, бегом, может быть, спортивной гимнастикой, но вот две другие девушки даже походкой отличались от остальных. Они шли по склону, как манекенщицы ходят по подиуму – мягко и грациозно, неторопливо и величественно. У одной было красивое лицо кинозвезды с длинными светлыми волосами до плеч и с большими карими глазами, у другой – короткая причёска на изящно посаженной головке со слегка удлинёнными глазами цвета васильков. «Ей бы во ВГИК надо, а не в Томске учиться», – подумалось мне...

И вот, когда все остальные устроились, в спальники к нам с Поляковым осторожно, боязливо, напрягшись всем телом, легли те самые «манекенщицы»... Оля и Юля.

Ночь прошла достойно. Было тепло и уютно. Мы же с Поляковым воспитанные люди! Гостеприимные хозяева, в конце концов!

Утром за завтраком выяснилось, что у туристов продуктов в обрез, только и хватит, чтобы дойти до Григорьевки или Ананьева. Мы перезнакомились окончательно: капитан команды Валентин или Валёк, как его все уважительно называли, среднего роста, крепыш, со слегка перебитым носом (последствия занятий боксом), с жёсткими курчавыми волосами, крепко вырубленным лицом и уверенным голосом, Григорий чуть выше среднего роста, красивое лицо, в котором было что-то цыганское, мягкий баритон, плавность движений и мыслей; и Юра, невысокий, круглое лицо, причёска бобрик, живые пытливые глаза и постоянные хохмочки и подначки и к парням, и к девушкам.

– Ребята, а не сходить ли нам, мужчинам, на вершину, которая венчает ледник? Вот у меня карта. Смотрите вот ваш ледник.

А вершина называется «Дружба», высота 4560 м. Но это можно сделать только в том случае, если у вас есть альпинистская верёвка, хотя бы одна, сороковка. Да и кошки бы не помешали. У нас троих есть ледорубы и кошки, есть одна сороковка. Дело за вами, – сказал Валентин, обращаясь более ко мне, чем к Полякову. – Я и мои ребята имеют опыт восхождений на единички и двойки, ходили даже на За на Алтае, – продолжал он.

Предложение показалось мне заманчивым. Я спросил у Олеса – как он? Он согласен. Начали собираться. В маленькой палатке нашли кошки, одну верёвку 40 метров и 2 ледоруба. Вибамы есть. Куртки и свитера есть. Собираем продукты: гости вытащили банку тушёнки, банку рыбных консервов, булку хлеба, мы взяли несколько кусков мяса сурка.

Время 9 утра. Поздновато. Обычно на восхождения уходят затемно, иногда в три ночи, если подходы к вершине долгие, а мы как пижоны – в 9! Наглая самоуверенность!

Девушки провожали нас без особой радости, скорее с грустью.

Вышли на ледник тем же путём, каким ходили на забуривания. Узкий проход между скальной стеной слева и стеной льда справа, наклонная полочка, по ней наверх, на ровную поверхность ледника. Когда прошли последние забуренные рейки, впереди началась неизвестность, нехоженый ледник. Он уходил вверх километра на два, два с половиной несложным и довольно пологим. Но потом вдруг начинался крутой перегруженный снегом подъём к самой вершине. Прошли метров 300 по правому борту ледника довольно спокойно. Мы даже не связывались, как положено ходить по закрытым трещинам. Но вот дальше от борта во всю ширину льда, а это метров 300, начались открытые и закрытые трещины, глубина которых была от 10 метров и более. Это уже опасно. Мы попарно связались и стали жаться к правому скальному борту, но крутизна стены была такая, что пройти по скалам не представлялось возможным. Снова ушли на лёд в поисках проходов между снежными мостами и открытыми трещинами.

Напряжение росло. Мы двигались очень медленно, теряя драгоценное время. Вышли на снежные предвершинные надувы в 13 часов. Нашли вытаявшую широкую трещину глубиной метров 7 и на её дне в тени пообедали. Теперь самое главное. Вот

она вся, от подошвы до вершины, стоит величественно, ослепительно белая, без единого пятнышка скал. Начали в связках подъём. Первым ушёл на всю длину верёвки, а это 40 метров, Валёк. Забил всё древко ледоруба в снег, организуя страховку, и стал через ледоруб принимать меня, выбирая верёвку. Я дошёл до него и, не останавливаясь, стал топтать ступени, уходя от Валентина вверх, теперь уже на нижней страховке на все 40 метров верёвки. Наш маневр повторили остальные. Они аккуратно шли по нашим ступеням. Последним идёт Поляков. Теперь я застал ледоруб в снег пропустил вокруг него верёвку и стал принимать Валентина с верхней страховкой.

Путь наш был по прямой линии. При такой перегруженности склонов снегом – безумие делать поперечные ходы, подрезая пласти монотонных плит.

Весь путь до вершины, а это метров 500 по прямой, мы проделали за 2 часа. И вот, наконец, вершина. Неширокий гребень. Кое-где скалы. На юг вниз с вершины идут скальные и ледовые почти отвесные стены, далее осыпи, ещё дальше зелёные морены, а там уже открывается сам Иссык-Куль, который с вершины виден во всю длину и ширину. Красота! Стоило сюда подняться, чтоб увидеть такую сказочную панораму! На небе ни облачка. Какое везение с погодой. Сложив туриз камней, оставили в консервной банке записку для восходителей, которые придут сюда после нас. Пора спускаться. Похоже, спуск будет не легче подъёма. Медленно и осторожно след в след, в связках со страховкой через ледоруб, спустились к подножию вершинной башни. Передохнули. Слегка расслабились. Теперь главное пройти трещины. Решили спускаться вдоль левого борта, ближе к скалам. Может быть, тут будет безопаснее? Вечереет. Солнце уже низко, оно слева от нас и уже прячется за скальный борт, идём в тени, то по льду, то у скал. Выбор был правильный. Этот путь оказался попроще. Вышли к лагерю, когда солнце уже ушло за горизонт и всё погрузилось в тень. Потухли краски гор, но вершина всё ещё светилась красивым бледно-розовым светом.

«А ведь мы сегодня ходили рядом со смертью, – наконец, позволил я себе расслабиться и признаться в этом. – Горе ничего не стоило стряхнуть нас со своего тела. Страшная лавинопасная гора...»

Но всё позади. Я сбросил рюкзак, приветственно кивнул

светящимся от радости девушкам и быстро, взяв в палатке фонарь и книжку наблюдений, заторопился на метеоплощадку.

Ужинали уже затемно в большой палатке при свете керосиновой лампы. Поляков достал недопитую бутылку водки, припасенную для лечения, разлил всем по глоточку и произнёс тост:

– Признаюсь честно – это моя первая вершина. Признаюсь честно, что до сегодняшнего дня я не знал, как пользоваться альпинистской верёвкой, хотя в Приэльбрусье, где я работал, была возможность сходить на какую-нибудь вершину. Я думаю, что значок «Альпинист СССР» я сегодня заработал. Предлагаю поздравить всех восходителей, но прежде всего меня, с благополучным восхождением и возвращением! Ура!

Краем глаза я видел, как восторженно смотрит на Полякова Ю ля.

«Хорошо, что он привёл их на ледник.. И это восхождение! Какой сюрприз и яркое впечатление в нашей с ним однообразной жизни! – подумалось мне.

Утром мы с сожалением проводили гостей до ближайшей морены и долго глядели им вслед. И не раз одна из девушек останавливалась и махала нам прощально рукой. До свидания, ребята! Спасибо!

К 27 августа мы поймали семь сурков, ели их и сами, и вместе с гостями, шкурки просоленные, мездрой наружу, лежали на камне и подсыхали..

Как-то вдруг обнаружилось, что из семи голов сурков в ямке под большим камнем только одна? Кто-то крадёт головы сурков? Но кто это может быть: лиса, волк, барс? Собак здесь, на 3600, нет. Подумав, я вспомнил, что в маленькой палатке есть доска, с полметра длиной и 5 см толщиной, шириной 20–25 см. Есть трос, от которого мы рубили кусок на силки. А что если сделать ловушку, с пружиной как у мышеловки? И мы сделали такую ловушку. Соорудили до темноты из камней пещеру, намотали посередине длины трос вокруг доски, вставили между жилами троса палку длиной 25–30 см стали её вращать добиваясь того, чтобы она стала пружинить и довольно туго. Я видел: – так делают электрики, когда соединяют бетонную опору и деревянный электрический столб проволокой в несколько витков, а потом ломиком её (проволоку) начинают стягивать. Получилась пружина-

на. А теперь из куска троса петля. За петлёй внутри пещерки подвешена голова сурка на верёвке. Второй конец верёвки завязан к подпёрной палочке. Если потянуть голову, будет выдернута подпёрная палочка, сработает пружина – затягивает петлю на шею того, кто просунет голову в петлю. Кто это, пока неизвестно. Мы установили мышеловку и взвели пружину. Я взглянул на небо. Оно было чёрно и затянуто низкими тучами, которые стремительно двигались с запада на восток. Временами порывы ветра трепали полог палатки. Неуютно, холодно и мрачно. Пошли пить чай, прихватив в палатку шкурки сурков. Уснули под шум ветра и шум снежной крупы, шуршащей по тенту палатки.

Было часа три ночи, когда мы проснулись одновременно от рёва ветра, хлопанья полога палатки и ещё от какого-то странного шума: как будто кто-то пытается разрушить нашу ловушку-пещерку, разворотить камни. Мы как были в маечках и трусах молниеносно одев ботинки на босу ногу, взяв фонарь выскочили из палатки и оказались почти по колено в снегу! Метель хлестала по голому телу снежной крупой как плетью. В пещере-ловушке куда проник свет фонаря, метался какой-то серебристый зверь – меньше лисицы, но более изящный, с серебристым пушистым хвостом.

– Куница! – кричал Поляков, но голос его утонул в реве ветра. Давай тащи её в палатку вместе с доской!

Торопясь, втащили весь механизм в палатку... Зверь с затянутой на шею петлёй метался остервенело и опасно.

– Давай оставим её до утра, как есть, – хрипло посоветовал я, стуча зубами от холода.

– Она не даст нам спать, разве ты не видишь, что она выворачивает... Я её успокою! – нервно и зло заявил Поляков. Одного удара ледорубом по голове оказалось недостаточно, последовал ещё один – и куница затихла.

Сон был беспокойным, не дающим отдыха. Он не освежал, как обычно.

Проснулись рано. Буран прекратился. В просветах облаков синело небо, на склонах лежал слепящий глаза белый, пушистый снег. Ледник и вершина напоминали невесту в подвенечном платье с длинным шлейфом подола. Воздух был морозным и вкусным. Я сходил на метеопощадку. Ночью минимальная температура была – 8, сейчас – 2. Ветер утих. Флюгер показывал 8-10 м

в секунду. Давление медленно ползло к норме, а ночью самописец записал его понижение до 680 мм ртутного столба. Влажность была чуть выше обычной 40 %. Кстати, когда я с женой был летом в Хабаровске, там влажность была 80%, температура +30 градусов. Ноги были ватными, состояние отвратительное. Кое-как мы прожили там 3 дня и улетели во Фрунзе. А как же местные жители? Как они там живут? А всё Амур-батюшка! Это от его испарений такая влажность. Но на ледниках ведь тоже испарения, так почему же такая влажность в среднем 20 % и нестерпимо хочется пить и пить?

Куница лежит в углу, не шевелится. Поляков стал снимать с неё шкуру, делая это как профессиональный таксидермист. Мех серебрился, слегка отдавая голубизной, густой и красивый. Я видел так близко куницу впервые. Поляков, сняв шкурку, вывернул её мездрой наружу и говорит:

– Вот будет подарок моей маме!.. – Я оторопел и поперхнулся, допивая чай.

– Как твоей маме? Почему ты так решил, не спрашивая меня?

– Потому что я делал ловушку, нору из камня, – спокойно продолжал он.

– Но и я её делал. Мы ведь это делали вместе.

Лёша, давай так: ты забираешь 7 шкурок сурков себе, а мне отдаёшь шкурку куницы..

Мне бы согласиться и спокойно уладить конфликт. Но меня уже завело. Тут уже дело принципа.

– Нет, голубчик. Мы сделаем так, как обычно делают в спорных ситуациях. Мы её разыграем.

– Как это разыграем?

А очень просто. Выбрасываем пальцы на одной руке по команде три, т.е. раз, два, три. Считаем сумму выброшенных пальцев и вытравываем куницу тот, у кого чётное вытравленное число. Скажем ты вытравываешь, если сумма чётная. Куница твоя, а мои сурки. И наоборот. Идёт? Согласен?...

Поляков, на секунду задумавшись, согласился. Приготовились, я начал отсчёт: раз, два, три – и мы одновременно вытросили вперёд кисть правой руки с растопыренными пальцами. Стали считать сумму. 7! Лучше бы не было этой куницы вообще. Таким разъярённым я ещё Полякова не видел. Он рычал и

метался. Он ругался и на куницу, и на меня, и на весь белый свет.

Он кричал: «Не нужны мне твои сурки! Забирай всё! Подавись!...» Потом до самого вечера не произнёс ни слова. Обиделся. Почему? Ведь всё по честному, по правилам. Я бы не психовал, если бы проиграл. А, может, мне надо было уступить ему? Но тут дело принципа. Я ведь тоже с характером...

Вертолёт за нами и снаряжением должен был прилететь 30-31 августа. С 1 сентября у меня в музучилище начинался учебный год.. Снег стремительно стаивал, особенно на южных позициях, обращённых к солнцу. И когда мы решили снять все петли в норах, в одной из петель обнаружили маленького пушистого сурчонка. Выпутав его из петли, посадили в рюкзак и принесли в лагерь, а чтобы он не убежал, сделали ему поводок из верёвки. Он быстро освоился и ел хлебные крошки, смешно брал их в передние лапки, сидя столбиком, и смешно ел их, а мы хохотали, глядя на него. «Сурок всегда со мною», – вспомнил я слова одной из песен Бетховена.

Сурчонок как-то сгладил нервозность, напряжение между нами.

Вертолёта не было, а уже 29 августа. Я решил уходить домой один, через ледник Аксу восточный, а Лесику предложил терпеливо ждать вертолёт. Ведь не бросать же снаряжение на леднике, кто-то должен остаться в лагере. Он согласился с моими доводами. Переночевали. Я неторопливо собрал рюкзак. Шкурки сурков оставил Полякову, куницу взял, взял с его согласия и сурчонка, немного варёного мяса, сухарей. Попрощались. Он проводил меня до морены. Я ушёл. Погода начинала портиться. Пока я вышел на ледник Аксу восточный, усилился ветер, появились облака, которые стали закрывать верхнюю часть незнакомого мне ледника непроницаемым одеялом. Слева по ходу вдоль льда начинался скальный забор, сначала не очень высокий, а потом всё выше и выше. И когда я прошёл приблизительно полледника, со страхом опасаясь закрытых трещин, я увидел в скалах слева понижение, похожее на перевал.

Неужели всё так просто и близко? Довольно отчётливая тропа уходила вверх к седлу, по каменистому, средней крутизны склону. До перевала метров 400-500. Облака спускались. Ледник

исчез в тумане, а скорее в облаках, начал громыхать гром, сначала изредка, а затем всё чаще и ближе ко мне...

Тропа, которая внизу у ледника хорошо читалась, постепенно исчезла, и у меня зародилось подозрение, что я иду не туда, куда следует, что это не перевал. Если десятилетиями группы туристов ходили через этот перевал тропа должна быть набита, отчётливая, широкая. Так было везде, где я бывал в горах. Тропу всегда было видно. А здесь? Где тропа?.. Но я из упрямства, из любопытства решил дойти до гребня, до седла между скалами. Пошёл снег, видимость не более 100-200 м. Совсем плохо, даже если это перевал, что будет дальше в такую непогоду? Смогу ли я найти спуск с него? У меня нет палатки. Как я буду ночевать, если за день не дойду до Григорьевки? Перевал всё ближе, я тороплюсь, сбивая дыхание. Гром громыхает у меня над головой, и что самое страшное – молнии лупят слева и справа от меня. А я знаю, как это опасно. Особенно из-за того, что у меня в руках ледоруб, а его металлическая часть – магнит для молний. Убьёт молниеносно! Сторишь! Вот седло, я отдыхаю. Впереди за седлом провал, стены из скал и льда. Моя горнолыжная шерстяная шапочка начинает потрескивать от статического электричества, которое вокруг. Ведь я в центре облака. Ледоруб тоже начинает потрескивать и светиться голубым сиянием. Я приготовился шагнуть вперёд, вниз по снегу и льду, но вовремя со страхом отпрянул! В полуметре от меня, во льду, зияла трещина – бергшрунд. Такие трещины возникают на контакте льда и скал из-за разности температур. В долю секунды я увидел, что если бы я шагнул, то провалился бы не менее чем на 5-6 метров в узкую, метровой ширины с отвесными ледовыми стенами могилу.

Долго бы я там лежал, свежемороженный, и вряд ли меня нашли бы в ближайшие 100 лет... Нет, это явно не перевал. Бегом, вниз, на ледник. Бегом пока не убили молнии. Снег залеплял лицо, очки. Почти ничего не видя, я быстро спускался. Вниз, вниз, вниз. Там безопаснее. Скалы кончились, я вышел, выбежал на лёд! Уже хорошо! Жив! Хотя и весь мокрый от снега и пота, ведь я был в пуховке, плюс со спины греет рюкзак. Полминуты отдыха, и по льду, не опасаясь трещин – вниз, по пути, который я уже проходил. Видимость не более 100 метров. Снег валит хлопьями, как будто уже зима.

Странно, или мне показалось? Метрах в ста навстречу кто-то идёт по леднику. Явно это человек. Или группа туристов с опытным проводником? Вот шанс исправить ситуацию. Примкнуть к ним и спокойно и надёжно дойти до перевала, а там и спуск покажут. Человек приближался как и я к нему. Странно. Больше нет ни одной фигуры. Выходит это не группа туристов, а одинокий уверенный в себе турист? Подошли, поровнялись.

– Привет, – говорю я, – куда идёте? – а сам разглядываю незнакомца. Мой ровесник, одет, как и я, в пуховку и плотные брюки, вибры на ногах. В руках у него длинная, не менее трех метров, палка, толщиной как древко лопаты и окрашенная в красный цвет.

– Иду на перевал, в Григорьевку, – спокойно и уверенно отвечает он, разглядывая меня.

– Знаете, где перевал? – с надеждой заполучить проводника, спрашиваю я.

– Нет, не знаю. Но мне объяснили, где он.

– Но ведь ничего не видно? Как же его найти? Нет никаких ориентиров. Я вот почему спускаюсь. Тоже, как и вы, не зная, где перевал, вылез на какую-то седловину. А это совсем не он. Чуть не погиб в бершунде. Надо идти вниз. Предлагаю примкнуть ко мне. Я иду в лагерь на соседнем леднике. Там переночуем, а завтра прояснится, пойдём вместе.

– Нет! Я пойду! – упрямо сказал парень. – Пока! До свидания! – и зашагал со своей палкой вверх.

– А палка-то зачем? – вслед ему прокричал я.

– А это на случай, если я провалюсь в трещину, она удержит меня от падения. Я читал об этом методе в книгах.

...Когда я услышал эту глупость, то понял, что парень абсолютный дилетант, но амбициозный, уверенный в себе. Сильный характер. И зашагал вниз...

Уже кончался лёд и впереди пошли щебнистые, а кое-где травянистые морены с пятнами снега, когда я услышал далеко позади крик.

– Эй! Парень! погоди! Я передумал! Ты прав! Надо идти вниз! – и я увидел, как он бегом спускался по леднику ко мне...

Пришли в лагерь. Шёл крупный, неослабевающий снег. Мы вымокли. Поляков не удивился моему возвращению.

– Коню понятно, что в такую погоду не ходят по перевалам,

которых не знаешь, – поучительно и наставительно сказал он, пожимая руку нового члена нашей команды.

– Олесь.

– Володя.

– Проходите в палатку. Раздевайтесь, переодевайтесь. Будем пить чай.

За чаем я разглядел парня, Володю. Он был сильно похож на актёра Олега Янковского. Та же спокойная доброжелательность во взгляде, расслабленность, ни грамма кскетливости, закрытости. Всё очень просто. Как если бы мы были давно дружны.

– Сам я живу в Анарьево, но никогда не ходил этим маршрутом. Захотелось пройти посмотреть. А напарника не нашёл. Вот и иду один. А сам я учитель русского языка в школе, – рассказывал Володя.

Сурчонок проголодался, жадно и смешно ел хлеб. А когда Володя дал ему несколько ягод винограда, он очень потешно, громко чавкая, с наслаждением ел ягоды.

– А что за лагерь? Что вы здесь делаете? – спросил Володя.

– Наблюдаем за поведением ледника. Он у нас странный, – объяснял менторским тоном Олесь.

– В чем же странность?

– А в том, что он быстро наступает. Необъяснимо быстро по сравнению с соседним ледником, по которому вы с Лешей сегодня гуляли. И называется «гульсирующим» ледником...

– А что это за шест? Почему красного цвета? – в свою очередь не скрывая ехидства, спросил Поляков

– А это я снял багор с пожарного щита в Алма-Ате. Вот и иду с ним, для страховки, – не реагируя на ехидство, спокойно ответил гость...

Потом была ночь. Потом было утро. Прежде, чем уйти, я обратился к Полякову:

– Пожалуйста, доведи наблюдения до конца, пока не прилетит вертолет. Береги самое главное: книжки наблюдений на метеоплощадке, расходов воды в реке, данные по рейкам на леднике. Это то, ради чего мы были здесь целый месяц. Жди вертолета с ребятами из СТП. – И обнял его на прощанье. Мы с Володей ушли.

Было раннее утро. Небо чистое – ни облачка, яркоголубое,

как будто его подновили. Кругом свежий снег, но не более 10см. Морозный воздух.

Всходило солнце и все сверкало в его все еще августовских лучах. Был последний день лета. Я понимал, что на работу в муз. училище опаздываю. «Но как-нибудь объясню», – думал я, пока мы не вышли на соседний ледник. И как все-таки жизнь непредсказуема! Чуть выше, метрах в 300 от нас, по леднику поднималась большая группа туристов – человек пятнадцать. Они поднимались уж очень медленно, а мы, как архары, упретим шагом без одышки. Естественно, что уже через полчаса мы их догнали, поровнялись. Группа была странная: 12девушек и трое мужчин. Двое мужчин лет по 50 и инструктор лет 25-27, молодой, сильный, в красивой ярко-оранжевой пуховке, что на белом снегу смотрелось очень эффектно. Женщины были разного возраста – от 18 до 50. Одна пожилая дама шла последней и все время стонала, капризничала. Разговорились. Группа из Алма-Аты, через «озерный» перевал от Большого Алма-Атинского озера идет уже четвертый день, идет крайне медленно и их сильно тормозит именно эта самая «капризная» туристка.

– На кой черт мы ее взяли в группу, – беззлобно ругался инструктор. – Теперь вот плетемся.

– А где перевал? – спросил я ега

– Он в верхней трети ледника, до него еще пилить и пилить, хорошо если дойдем к обеду, – отвечал парень.

– А что это за седло слева на гребне? – поинтересовался я, имея ввиду мое вчерашнее неудачное восхождение.

– А это перевал «Дураков». Туда иногда забредают по дури. Были случаи гибели туристов за этим седлом, на льду. Там крутой лед, стена, можно пройти только с хорошим альпинистским снаряжением.

Я благоразумно промолчал...

Медленно вместе с группой мы прошли две трети ледника, обходя ближе к левому борту неопасные трещины, когда, наконец, в полдень слева, от подошвы до гребня, показались отчетливо видимые серпантинные тропы навверх к перевалу. Подъем был простым, средней крутизны, но довольно затяжной. «Капризная» дама часто садилась на тропе, устраивала истерику и не хотела идти ни вперед, ни назад. Инструктор терпеливо ждал, когда он отдохнет и снова двигались вверх... Перевал 4200м.

За перевалом ледника не было. Были большие осыпи, слегка припорошенным снегом и, как любят говорить киргизы – «эмчек». Около Фрунзе, в предгорьях села Горная Маевка, есть село Уч Эмчек (в переводе – три сиськи). И действительно, три покатых больших холма на сравнительно ровной долине. Холмы, похожие на женские груди.

Так и здесь. Было и «Уч эмчек» и «Беш эмчек». Мягкие травянистые холмы-груди, по которым спускаться вниз было легко и радостно. Сзади, если оглянуться, стояли красивые снежно-ледовые, кое-где скальные вершины. Другой мир, непригодный для жизни человека – холодный и враждебный.

Попрошавшись с группой, мы с Володей рванули навстречу миру людей, тепла, изобилия продуктов. Вечером, когда солнце уже садилось, вошли в зону небольших озер, окруженных еловым лесом. В лесу было много грибов: грузди, сыроежки, рыжики. Но рвать их нет смысла, у нас нет посуды, в которой можно было бы сварить грибной суп. Где-то здесь, в лесу, и надо заночевать. Здесь уже так тепло, что и без палатки не замерзнешь в пуховом спальнике. Перекусили вареным мясом сурка с сухарями, но прежде чем лечь спать, выпустили на поводке сурчонка. Он быстро что-то нашел съедобное – какую-то травку и начал ловко её поедать.

Легли спать на теплую землю, усыпанную еловыми иглами, с удивительно приятным смолистым запахом. Новое ощущение после месяца жизни среди льда. Прежде чем я уснул, внутренним взором прошел весь сегодняшний день, яркий, красивый, какой-то праздничный.

Ледник, туристы, перевал, яблоки на перевале, которыми угостил Володя. Спуск по осыпям, а потом по моренам, начало реки Ак-Суу и тропа вдоль нее. Панорамы уходящих вниз мягких, зеленых увалов довольно широкой поймы реки. Слева вдались огромные ледники и вершины

Справа неторопливо понижающийся от пика «Дружба» хребет Кунгей Ала-Тоо. Простоголый, скальный гребень, с невыразительными, разваливающимися от старости вершинками без льда и снега, и вдруг – отдельно стоящая, уходящая скальными ребрами и стенами к острой, как копье, вершине-горе около километра высотой, как мне показалось. Какое чудо природы..

С тем я и уснул.

Проснулись от какого-то странного звука: как будто завели трактор и он, заведенный, тарахтит? Странно? Здесь в горном лесу?

Встали, выпавшиеся и бодрые, упаковали рюкзаки, съели по яблоку, дали кусочек суржу, и он тоже охотно позавтракал, причмокивая. Идем вниз по лесу, среди елей, кустов, грибов и ягод, и по мере приближения к звуку трактора видим в просветах и прогалинах леса – озеро и множество людей, большое количество техники: автобусы, машины, дизель на прицепе у грузовика, именно он и тарахтит. Над озером туман или что-то похожее на туман, по берегам горят юрты, лежат со стрелами в груди мужчины и женщины, скачут вокруг озера всадники монгольского типа с мечами, копьями. Стоит вой человеческих голосов. Огромные софиты освещают берега озера, леса.

В центре озера плывет люлька, а в ней, похоже, дети-младенцы. Двое. И над всем этим по громкой связи в микрофон кто-то командует:

- Всадники на левом берегу, еще один дубль!
- Канькей, не вставай, еще раз упади, ногами к камере!
- А куда вы пошли? Эй, массовка! Я не давал команды отбой!...

Похоже, снимают кино. И вдруг Володя, мало говоривший эти два дня с момента знакомства, начал цитировать по памяти какой-то текст:

«Человека долго рожать и растить, а убить – скорее скорого.

Многие уже лежали порубленные, утопая в лужах крови, многие кинулись в реку, спасаясь от мечей и копий, и потонули в волнах Энесая.

А вдоль берега, вдоль обрывов, пылали на целые версты киргизские юрты, объятые пламенем. Никто не успел убежать, никого не осталось в живых. Все было порушено и сожжено. Тела поверженных сбросили с круч в Энесай. Враги ликовали: «Теперь эти земли наши! Теперь эти леса наши! Теперь эти стада наши!» ...

Это Чингиз Айтматов, «Белый пароход», – пояснил Володя.

– Это съёмки эпизода гибели всего рода киргизского, кроме мальчика и девочки, но у Айтматова мальчик и девочка уже

большие, довольно самостоятельные, а здесь, по-видимому, снимают младенцев в люльке, – продолжал он. Но это воля сценаристов и режиссёра кое-что менять в первоисточнике.

«Я недооценивал Володю! Какая память! Я ведь тоже читал «Белый пароход», но чтобы так цитировать?!» – подумал я уважительно. Подошли поближе и спросили у мужчины средних лет, одетого в шкуры:

– Доброе утро! Что это за съёмки и кто режиссёр?

– Это эпизод из «Белого парохода», последний эпизод. А снимает Болот Шамшиев! – разглядывая нас с любопытством и закуривая, ответил незнакомец.

– Спасибо. Желаем успешных съёмок, – попрощались мы и зашагали теперь уже не по тропе, а по накатанной грунтовой дороге вдоль реки. Кончился лес. Река резко почти на 90 градусов повернула направо, на юг, к Иссък-Кулю и дорога покорно повторила поворот за рекой.

Ущелье шло вниз среди скал, река со скальными берегами, покрытыми густым еловым и арчовым лесом, ревела и пенилась белой пеной. Местами она падала по крупным глыбам в реке водопадом, местами, успокаиваясь, упруго светилась голубоватым бериллом. Красота! Какое наслаждение идти по такому маршруту. «Надо будет как-нибудь пройти весь путь от Алма-Аты до Григорьевки ещё раз», – думал я, дыша полной грудью, вдыхая этот вкусный воздух из смеси запахов арчи и водяной пыли-аэрозоли, которую творила река, бегущая к спокойному и величественному Иссък-Кулю к себе домой.

Григорьевка – большое русско-киргизское село расположено в одну линию вдоль трассы Рыбачье-Пржевальск. Уютные дома, дворы-сады, спокойная размеренная жизнь. Автовокзал. Столовая. Цивилизация. Магазины. Асфальтовая дорога. По-летнему одетые люди. Тепло, градусов 25.

Прежде чем проститься с Володей, я купил билет на рейсовый автобус до Фрунзе. Ещё целый час до отъезда. Зашли в столовую, пообедали. Как всё это ново и странно. Вчера – лёд, камень, тишина и холод. А сегодня абсолютно другая жизнь: еда вкусная и обильная, тепло, абсолютно другой ритм жизни. И вдруг стало грустно и тоскливо. Наступило прощание со сказкой.. Потом я катил домой, подрёмывая изредка разглядывая стреми-

тельно меняющийся пейзаж, суету, банальность этой цивилизованной жизни, снова засыпал..

Потом был Фрунзе, знакомый микрорайон, привычный дом, квартира, радостная жена, сыновья. Объятия, поцелуи, разговоры, рассказы, чаепития и снова рассказы. Но особенный восторг вызвала шкурка куницы и маленький сурчонок, который всех смешил, поедая ломтик арбуза на кухне микрорайона в обычном доме-хрущёвке! Диковинно!

В музыкальном училище мне сделали замечание за опоздание на работу, но мое загорелое, как у мулата, лицо вызвало любопытство: где это я так загорел за лето? Пришлось объяснять.

Сурок жил у нас почти месяц. Он жил в подвале моей мастерской, в большой картонной коробке из-под телевизора. Время от времени я выносил его в садик перед окнами моей квартиры (а я живу на первом этаже) и он, сев столбиком, отчаянно громко свистел – с хрипотцой как это положено суркам на природе в случае опасности, чем приводил в бешеный восторг всю детвору нашего дома. Мы кормили его арбузом, виноградом, хлебом, яблоками. Но к концу месяца он исчез из ящика. Как он выбрался оттуда, ума не приложу? И куда он мог уйти?

Поляков ждал вертолет до 3 сентября. Эвакуировали весь лагерь палатки, снаряжение. Он после этой экспедиции вернулся к своим обязанностям техника-гляциолога СГП во Фрунзе. Кстати, он потом напечатал большое количество фотографий, сделанных на леднике. К вопросу о кунице и шкурках сурков мы при случайных встречах более никогда не возвращались...

Когда я пришел в начале сентября в Управление гидрометеослужбы получить расчет в бухгалтерии, меня попросили зайти к Максимову.

В большом дворе Управления домик СГП стоял особняком. Там было множество комнат: и для обработки полученных материалов, и фотолаборатория, и склад снаряжения, и кабинет Максимова. Он встал из-за стола и шагнул мне навстречу. Он был невысок и похож на Владимира Ильича Ленина – один к одному. Он знал это и поддерживал это сходство и в одежде, и даже в манере закладывать руки за полы жилета в разговоре с собеседником. Единственное его внешнее отличие от Ленина – он не картавил, а говорил обычным голосом с великолепной дикцией. И

еще: Ленин был вождь мирового пролетариата, а Максимов начальник ледников. Он знал все ледники Киргизии, а они знали его.

– Алексей, благодарю за прекрасный научный материал, за добросовестность, с которой он сделан. Приходите следующим летом работать к нам в СГП. Подыщем для вас подходящий ледник, например, ледник Голубина в Ала-Арчинском ущелье, – и улыбнулся Ленинской улыбкой.

– Спасибо за теплые слова, – искренне ответил я, отгоняя от себя наваждение, будто я разговариваю с Лениным.

... Так кончилось лето, которое я успешно перезимовал. По мере удаления во времени от этого августа, я все более ощущал ностальгию по этому месяцу в моей жизни. Такого яркого и сильного впечатления более не было никогда. Несмотря на то, что я прошел маршрут Алма-Ата Ананьево сначала со своей женой Кирой, а потом и тремя студентами из музыкального училища.

Но такого потрясения уже не испытал...

Лед-ни-и-к! Про-ща-а-ай! – мысленно подражая Полякову, безмолвно прокричал я.

Изредка из Львова приезжает в Бишкек Поляков. Приходит в гости на чай. Делимся впечатлениями о сегодняшних непростых в жизни переменах, в стране, в мире... Оба мы тоже сильно изменились и постарели, хотя он по-прежнему красив!

Куницу у меня дома постепенно съела моль. Олесь благополучно сшил из шкурок сурков шапку, вызывающую зимой у львовян неподдельную зависть и изумление.

А жизнь покатила дальше, в неведомое будущее, покатила самотеком, почти неуправляемая. И я в ней, как щепка в бурной реке, несусь, несусь.. И только память – это волшебное устройство в каждом из нас, позволяет вернуться в те счастливые часы, дни, недели, годы..

18.09.2010. Бишкек

Георгий ХЛЫПЕНКО

**ЗНАКОМЬТЕСЬ :
ДМИТРИЙ
АЩЕУЛОВ ,
ПИСАТЕЛЬ**

В русскую литературу Кыргызстана пришел талантливый прозаик Дмитрий Ащеулов. К такому выводу пришли критики и литературоведы – члены творческого клуба «Литературно-критическая среда» при КРСУ, обсуждавшие его первую книгу под названием «Бальтазар Неверро». О творчестве Дмитрия Ащеулова размышляет председатель клуба профессор Георгий Николаевич Хлыпенко.

Дмитрий Ащеулов не новичок в литературе. Он печатается начиная с 1999 года, но только в одном издании – журнале «Литературный Кыргызстан», поэтому считает его главным редактором, Александра Иванова, своим крестным отцом. Дм. Ащеулов принимал участие в литературных конкурсах, но этот факт мало известен читающей публике. А между тем Дмитрий – победитель конкурса «Наследники пушкинского пера», участник конкурса «Русская премия» для писателей стран СНГ, председателем которого был Чингиз Айтматов.

Лично я обратил внимание на молодого автора после публикации его оригинального рассказа «Шесть часов из жизни Червякова», а последовавшие за ним рассказы «Бальтазар Неверро» и «Кара Господня» я выбрал для изучения на практикуме по вузовскому курсу «Литературная критика». А когда Александр

Иванов предложил мне стать редактором книги Дм. Ащеулова, я с удовольствием согласился.

Внешнее знакомство с книгой порождает чувство загадочности, таинственности. Загадочен портрет автора на обложке живые, таинственно сверкающие глаза на полутемном фоне лица. Загадочно-таинственно название книги – «Бальтазар Неверро». Такова же издательская аннотация, написанная от имени автора:

«Когда мне надоедает, становится пресным окружающий мир, я перевоплощаюсь то в мудрую одноглазую лягушку, то в опасного чудака, уничтожающего вокруг все живые цветы из боязни, что они уничтожат его, то в ленивых, инертных людей, одержимых единственной мыслью о начавшемся Всемирном потопе, то в рыцаря, случайно оказавшегося на другой планете, то...

Мир полнится потрясающими воображение ситуациями, иллюзиями, заблуждениями. И когда я возвращаюсь из придуманной жизни, действительность за окном воспринимается совсем иначе. Она меня уже радует, волнует и привлекает».

Это не что иное, как авторский манифест, путеводная нить для читателя, впервые вступающего в художественный мир писателя. И над входом в него красуется магическое слово – «Фантастика».

В современном литературоведении термин «фантастика» употребляется в двух значениях: как разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел от изображения странно-необычных, неправдоподобных явлений простирается до создания особого – вымышленного, нереального, «чудесного мира», и как тип художественной образности со свойственными ему высокой степени условности, откровенным нарушением реальных логических связей и закономерностей, естественных пропорций и форм изображаемого объекта. Установлены также художественные достоинства фантастики: с одной стороны, фантастика максимально аккумулирует творческую фантазию писателя, а вместе с тем и фантазию читателя; с другой стороны, фантастика – это не произвольное царство воображения, ибо в фантастической картине мира читатель угадывает преображенные формы реальной жизни человека и общества.

В современной литературе фантастика является составной частью художественного мышления. В свое время на это обра-

тил внимание Чингиз Айтматов, высказавший следующее суждение: «Фантастическое – это метафора жизни, позволяющая увидеть ее под новым, неожиданным углом зрения. Метафоры сделались особенно необходимыми в наш век не только из-за вторжения научно-технических свершений в область вчерашней фантастики, но скорее потому, что фантастичен мир, в котором мы живем, раздираемый противоречиями – экономическими, политическими, идеологическими, расовыми». Думается, это суждение можно было бы взять в качестве эпиграфа к сборнику фантастических рассказов Дм. Ащеулова «Бальтазар Неверро».

В сборник вошли восемь рассказов. С известной долей условности их можно классифицировать по следующим жанровым формам: рассказ-«шиза?» («Бальтазар Неверро», «Кара Господня», «Шесть часов из жизни Червякова»), рассказ-гротеск («Человек без прошлого», «Опус № 7»), рассказ-утопия («Страж рая»), рассказ-миф («Трое на острове»), рассказ-аллегория («Потоп»).

Содержательной основой большинства рассказов является наша современность, художественно преображенная по законам фантастики. Пространственно-временные границы произведений предельно разомкнуты: от вечных до космических, от исторических до мифологических, – благодаря чему герои перемещаются во времени и пространстве совершенно свободно, так сказать, по авторскому велению. Из типологических приемов мотивированной фантастики (сон, бред, галлюцинации, слухи) Дм. Ащеулов отдает предпочтение «шизоидности», т. е. сумасшествию, безумию.

Отсюда можно сформулировать основную проблему творчества Дм. Ащеулова – личность и общество, человек и социум в состоянии безумия, когда они лишаются разума, главного достоинства homo sapiens'a – человека разумного. Эта мысль афористически точно выражена во фразе: «Кого хочет покарать Бог, того он лишает разума» («Кара Господня»).

На мой взгляд, собирательным прототипом личности для Дм. Ащеулова является публицистическая характеристика современного человека, вложенная в уста главного героя рассказа «Человек без прошлого»: «Сколько же тысяч людей смотрят одни и те же сериалы, носят одну и ту же одежду, жуют одинаковые жвачки, читают одни и те же газеты с одинаковыми мыслями, которые им там вдалбливают. Как же мы, наверное, похожи друг на дру-

га, с одинаковыми мнениями и выражениями лиц, с одинаковыми сексуальными фантазиями и мечтами о богатстве... Массовые товары, массовое искусство создают массовую личность... Массе нужна личность, на которую можно быть похожим, скрыть свою безличность... И наплевать, кого они боготворят: политика, певца, актера. Лишь бы одеваться, как он, носить ту же прическу, кричать его лозунги и быть в толпе... Быть может, это всего лишь страх перед безличностью?».

Таким образом, концепция человека в творчестве Дм. Ащеулова сводится к усреднению, нивелированию личности в условиях современной глобализации. Именно таковы его главные герои-безумцы, стремящиеся, каждый по-своему, вырваться из массовой безличности. Познакомимся с ними.

Василий Крякин, электрик фирмы «Лендхауз» – герой рассказа «Бальтазар Неверро» с авторским обозначением жанра «шиза?» (сленговое название шизофрении – тяжелого психического заболевания, приводящего к изменению личности). «Тихий, скромный, понурый неудачник и осёл», проснувшись среди ночи, вдруг ни с того ни с сего «вспомнил», что он Бальтазар Неверро – средневековый гранд, искатель приключений, покоритель женщин. Целенаправленно превращаясь в своего двойника («твердый шаг», «стальной, гипнотизирующий взгляд», «бешеный энергетический напор»), Крякин совершает ряд поступков, адекватных его новому облику: решительно избавляется от влиятельной жены, столь же решительно обретает власть над другой женщиной, дерзко «разбирается» с президентом фирмы, ловко уходит от милиции. В финале рассказа Крякина-Неверро объявляют в розыск по обвинению в мошенничестве, но он по-прежнему неуловим и ведет борьбу с цветочными растениями (мания навязчивой идеи), как Дон Кихот с ветряными мельницами. Безумный мир Бальтазара Неверро оказался красочнее разумного мира Василия Крякина – «маленького человека» современного общества. Так «маленький человек», типологический герой русской литературы, дерзнувший вырваться из своей социальной среды, был наказан обществом за свою дерзость.

Сергей Сойкин, герой рассказа «Человек без прошлого». В отличие от Крякина, изменившего личность, он находится в поисках своей личности. Дело в том, что Сойкин – человек, подобный зеркалу: «В нем видят свое отражение, само же зеркало не ви-

дит никто». Сойкина постоянно с кем-то путают, кому-то он кого-то напоминает, а люди, с которыми он действительно общался, вспоминают его с трудом или вообще не вспоминают. И Сойкин уже привык к тому, что он человек без прошлого: ведь каждый несет в жизни свой крест! Но однажды Сойкин ужаснулся: «Он, похожий на всех, и никто... Кто же он тогда, кто?». Случайная встреча с соседом-кришнаитом, обладателем магической силы, подвигла его на поиск истины. «Ты пустота, – глумился кришнаит. – Тебе не ведомы ни любовь, ни ненависть, ни жалость, ни злоба ... А теперь иди... Иди в двери... И ходишь тебе меж дверей, и быть тебе всем, и выйти в двери лишь тогда, когда найдешь своё». Пройдя через множество помещений-микромиров, в которых он перевоплощался в разные облики, Сойкин вышел к башне-Душе, возводившейся коллективно, обществом. «В страданиях и лишениях строил он Душу», пока не обрёл высшее знание: «Личность – эгоистична... И внутри человека личность всегда будет бороться с душой. Потому что личность смертна, душа же – бессмертна».

Ещё сложнее отношения личности с обществом в рассказе «Шесть часов из жизни Червякова», герой которого оказался «жертвой квазиформы миров» («квази» – первая составная часть сложных слов, обозначающих «мнимый», «ложный», «ненастоящий»). Некто Червяков, также «маленький человек», сантехник седьмого домоуправления, получив удар тском, когда чинил розетку, стал созерцать мир не равнодушно, как обычно, а вопросительно, заинтересованно, логически осмысленно. Почему солнце на небе четырехугольное? С какой стати его жена, собравшись на работу, вылетает в окно? Зачем туристический автобус идет на фронт? Все его недоуменные вопросы вызывают только раздражение у окружающих: это же разумеется само собой! «Неужели я все-таки сумасшедший? – размышляет Червяков. – Да нет, этого не может быть! Я нормален! Скорее они все, не замечающие подозрительности окружающего мира, и есть настоящие безумцы». И Червяков оказывается прав: безумен не он, а его окружение. Но, как известно из Библии, «Несть пророка в отечестве своём», и Червякова водворяют в психушку, персонал которой анекдотически шизофреничен. Безумен мир, а не личность.

В рассказе «Шесть часов из жизни Червякова» безумный мир представлен, так сказать, в его нормальном, естественном

состоянии. В рассказах же «Потоп» и «Кара Господня» Дм. Ащеулов предпринимает попытку вскрыть причинно-следственные связи перехода социума (общества, социального окружения человека) в состояние безумия. С этой целью он использует один из устойчивых приёмов мотивированной фантастики – слухи.

Действие рассказа «Потоп» происходит в сельской глубинке России, отрезанной от внешнего мира длительными, в несколько месяцев, проливными дождями, вызвавшими слухи о втором библейском потопе. Страсти по потопу растут, крепнут, умножаются совершенно бесконтрольно для местной власти, которая оказалась бессильной в период глобального разрушения Союза (как будто и «не было ничего, никакой тысячелетней истории существования Российского государства, а была и остаётся дикая, языческая Русь»). В трагикомическом финале рассказа обезумевшая толпа с факелами в руках штурмует дом Никиты Захарова – единственного человека, который в преддверии потопа что-то строит, а что, сельчане решили сразу: Ноев ковчег, чтобы спасти свою семью и свою живность. «Всё это длилось долго, до изнеможения сил, до безумия», пока кто-то не заорал: «Дождь кончился-а-а!». И наступила тишина. И взошло солнце. «Люди расходились, и лишь по пепелищу бродил Никита Захаров, оплакивая свой курятник».

Ещё более масштабна апокалиптическая картина мира (Апокалипсис – часть Библии, одна из книг Нового завета, содержащая пророчество о конце света) представлена в рассказе «Кара Господня», сюжет которого заимствован из зарубежной классики («Война миров» Герберта Уэллса, «Война с саламандрами» Карела Чапека), но имеет оригинальную развязку. В рассказе воссоздана только одна, «тысяча первая ночь безумного города» Европы, жизнь которого парализована слухами о нашествии ужасных крыс-мутантов, выведенных в Китае для военных целей. У них есть особый ген – ген ненависти к человеку. Они обладают гипнотическими способностями и могут являться окружающим в образе человека. Армия, полиция, спецподразделения бессильны перед ними. Жители города обезумели: одни бегут в неизвестность, другие кончают самоубийством, третьи предаются вакханалиям. Крысы-убийцы берут город за городом, повергая мир людей в хаос. Однако – и это самое главное – никто не видел крыс воочию, доверяясь только слухам. И тогда один-единствен-

ный разумный человек, безымянный профессор, задаётся вопросом: «Может, нет никакого нашествия крыс?», – а затем приходит к разумному выводу: «Серые хвостатые существа, против которых мы боремся, это результат безумия, охватившего нас. Кого хочет наказать Бог, того он лишает разума».

Первопричинами безумия человека или общества могут быть не только психические расстройства, но и гипертрофированные проявления позитивных человеческих качеств и общественной психологии – любви, гордости, чести, смелости. В этом отношении показателен рассказ «Трое на острове», написанный на материале древнегреческой мифологии. Трое – это: Язон – предводитель аргонавтов, добывший золотое руно в царстве Ээта с помощью его дочери Медеи; Медея – могучая волшебница, полюбившая Язона и бежавшая с ним; Аписирит – брат Медеи, преследующий беглецов, чтобы вернуть золотое руно и Медею. И все трое оказались безумцами: Язон – потому что был безумно самолюбив, Медея – потому что безумно любила Язона, Аписирит – потому что проявил себя как безумный гордец, за что был убит Язонам.

Источником массового безумия может быть также неразумное вмешательство человека в извечные законы его земного бытия. Эта мысль получает художественную реализацию в рассказе «Огус № 7» с подзаголовком «История, рассказанная однопалой лягушкой». Жители города Ним, который славился мошенниками и ворами, предсказателями и фальшивомонетчиками, умудрялись избегать смерти благодаря череде перерождений человека в животных и растения, что само по себе является безумием. Однако «славные хитрецы и обманщики» не смогли разгадать секрета таинственной палатки из черной материи и бамбуковых палок, куда можно войти, но оттуда нельзя вернуться. «Так смерть стала получать свою дань с мудрых, хитрых, простодушно-горделивых жителей города Ним. Да и сам город через какое-то время был разрушен подземным огнем и волнами океана» – апокалиптический мотив, знакомый нам по рассказам «Потоп» и «Кара Господня».

Тема безумного мира, главная в рассказах Дм. Ащеулова, постоянно сопрягается с темой разумного начала в жизни социума. Она раскрывается преимущественно через образ автора – субъективное авторское начало, которое проявляется во всех

структурных элементах произведения. Вместе с тем Дм. Ащеулов создает утопический рассказ «Страж рая», где поляризованы авторские взгляды на безумный и разумный мир.

Действие рассказа происходит на малой планете, населенной существами, которые относятся к роду человеческому. Видимо, это потомки каких-то колонистов, потерпевших аварию на орбите планеты. Туземцы (так называет их автор) забыли все технические знания, ведут «растительный» образ жизни (на планете нет никакого животного мира), изъясняются на языке, в котором нет слов «деньги», «будущее», «счастье». В этой утопической стране (утопия, в образном переводе с греческого, «Нигденция», «Блаженная страна») живут трудолюбивые люди каждый своей жизнью, не навязывая другим своего мнения, своей власти; мало разговаривают, потому что не надо притворяться; умеют делиться добром с другими; восхищаются рассветами, закатами и цветами; думают не о том, как выжить, а о Вечности, Тишине, Красоте.

В этот благоразумный мир-рай случайно попадает «свободный старатель» Рудольф, который находит здесь покой и удовлетворение. Сюда же прилетает и другой землянин – Рауль де Кастро, безумно одержимый «цивилизаторской идеей». «Я научу их ковать мечи и лить пушки. Я отстрою замки и создам армию... И мы поведем племена на племена... Я научу их убивать, и они уже не отвыкнут от этого. Они познают настоящие чувства: ярость, страх, ненависть... И тогда они по-настоящему поймут, что такое счастье. Счастье выживать, счастье побеждать...». И «страж рая» Рудольф убивает своего безумного антипода, несмотря на то, что тот предупреждал: «Для тебя не будет этого рая, ты потеряешь его навсегда, если убьешь меня». Да, Рудольф потерял рай, но сохранил его для тех, кто не знает безумия.

Особый разговор – о художественном своеобразии прозы Дм. Ащеулова. На мой взгляд, она, во-первых, иронична; во-вторых, психологична; в-третьих, ассоциативна.

Ирония для Дм. Ащеулова не только стилистический прием (иносказание, выражающее насмешку или лукавство), но и художественный пафос (идейно-эмоциональная настроенность произведения, «идея-страсть», по словам В.Г. Веллинского). Ироническое отношение реализуется весьма многообразно: с помощью гиперболы, контраста, парадокса, гротеска, алогизма, пародии,

остроумия, соединения различных речевых стилей. Ирония как принцип мироотношения предполагает композиционно-художественную игру противоположностями: реального и ирреального, возвышенного и прозаического, разумного и алогического, – теми антиномиями, которые органичны для фантастики как типа художественной образности. В содержательном же плане ирония для Дм. Ащеулова – это форма проявления разумного начала в безумном мире.

Остроумие как художественное качество прозы Дм. Ащеулова проявляется во всех структурных элементах рассказов. Это может быть анекдотический сюжет («Шесть часов из жизни Червякова») или парадоксальная ситуация («Человек без прошлого»), комическое смешение речевых стилей («Опус № 7») или пародийная окрашенность произведения («Кара Господня»). Дм. Ащеулов весьма изобретателен в поисках остроумных, ярких, красочных выражений. Это может быть алогический оборот («не смотря на это, а может быть, благодаря этому»), афористическое суждение («Правда – вещь дорогая, а потому доступна лишь сильным мира сего»), забавная игра слов («– Ты выходишь? – Да, здесь, на седьмом этаже. Замуж»), ироническая характеристика героя («Гоша был поэт, но, кажется, только он один из современников догадывался об этом... Он работал кочегаром в крематории и писал по вечерам на кухне стихи. Быть может, поэтому его рифма носила несколько кулинарный отпечаток: любовь – морковь, сонеты – котлеты, души – груши, звезда – колбаса, расцветы – конфеты и так далее»).

Психологизм прозы Дм. Ащеулова обусловлен правдоподобным изображением человека в неправдоподобных ситуациях. Воссоздавая болезненные психические процессы, автор использует аналитические приемы художественного психологизма (непрямое повествование, несобственно-прямую речь, внутренний монолог, психологическую деталь). Вот, к примеру, начало рассказа «Шесть часов из жизни Червякова»:

«... что-то было не то. Червяков это понял сразу, как только проснулся. Он повел глазами по стенам, подозрительно понюхал воздух, и волосы в носу зашевелились. Все как обычно, и все же... Это было, как одетое в темноте по ошибке чужое пальто. Это было, как разбавленное пиво. Это было, как фальшивые бриллианты.

Это было, как силиконовые груди. (В бухгалтерии Зиночка вставила в свои груди силикон, и вся контора ходила трогать ее сногсшибательные протезы)».

А вот как описывается внешнее перевоплощение Василия Кряжина в своего двойника Балтазара Неверро: «Чтобы навести нужный лоск, необходимы были крупная жемчужина в ухе, тонкие усики, перстень с алмазом на мизинце и шикарный алый камзол, шитый золотом.. На вещевом рынке, оккупированном таджиками и кавказцами, он купил черный берет. Головной убор дополнил темный макинтош, выгореванный у пенсионерки.. Теперь, чтобы почувствовать себя в своей тарелке, не хватало только шпаги, но купить этот необходимый предмет гардероба и самообороны в Бердянске было невозможно».

Реалистическая правдивость деталей в фантастических рассказах художественно оттеняет еще одно качество ащеуловской прозы – ее ассоциативность. Под ассоциативностью я имею в виду способность текста вызывать в сознании читателя различные параллели – жизненные, исторические, культурные, литературные, которые формируют контекст восприятия произведения, необходимый для эстетического освоения художественной реальности. Так, рассказ «Грое на острове» рождает широкий круг ассоциаций, связанных с мифом о Мееде и Язоне и его художественной разработке в европейском искусстве. Рассказ «Балтазар Неверро» воскрешает в памяти образы героев-безумцев из произведений Сервантеса, Шекспира, Гоголя, Достоевского. Но более всего ассоциации проецируются на реальную действительность. Несколько примеров.

Ащеуловский «человек без прошлого» из одноименного рассказа – это, в принципе, айпматовский манкурт нашего времени, представитель последнего демографического поколения, воспитанного в духе антисоветизма, но не нашедшего своей социальной ниши в условиях дикого капитализма.

Карикатурен, но легко узнаваем политик Венька Галкин («Человек без прошлого»), который в разное время, но с одной же трибуны провозглашает разные лозунги: «Сегодня, в трехсотлетие дома Романовых, каждый из нас должен выказать свои верноподданнические чувства царствующему дому» – «Долой самодержавие!.. Освященные священным огнем революции и коммунизма, смело шагнем в будущее!» – «Долой этот призрак ком-

мунизма! Отныне не стыдно пить кока-колу и есть гамбургеры; отныне не стыдно жить лучше других и ездить на иностранных автомобилях». И автор резюмирует: такой политик, как Венька Галкин, заставляет лозунги служить себе, а не сам служить им.

А вот образец современной рекламы, размещенной в рассказе «Шесть часов из жизни Червякова»: «Обрыдела домашняя обстановка? Заела скука? Хочется адреналина в кровь? Гарантируем, что эта поездка останется в вашей памяти на все оставшиеся годы.. Вы познаете истинные ценности бытия..». Оказываемся, туристический автобус отправляется.. на линию фронта! «Море выпивки по вечерам, отличный отдых без жены, полковой бордель..». Ну, а если туриста ранят или убьют? «На этот случай мы предложим вам лечение в военном лазарете.. А потом у вас будут льготы.. А если вас убьют, похороны за счет фирмы и, никогда не догадаетесь, – торжественный салют на вашей могиле!».

Иными словами, безумный мир Дм. Ащеулова – это зеркально-фантастическое отражение современного мира, пораженного безумием. «Этот безумный, безумный, безумный мир» (название американского фильма по сценарию Реджиналда Роуза) предстает перед нами ежедневно и ежечасно, когда мы открываем газету, включаем телевизор или заходим в Интернет. Обратите внимание: средства массовой информации намеренно начинают новостные сообщения с катастроф, крушений, пожаров, наводнений, землетрясений, взрывов, терактов, убийств и других сюжетов апокалиптического характера, которые повергают нас в страх, вызывают фобии (навязчивые страхи) и подталкивают к безумию. А далее безумный мир предстает перед нами вот всем своим великолепием: пиратство, работотвория, рэкет, мародерство, терроризм, межнациональные конфликты..

Мы, кыргызстанцы, чаще других сталкиваемся с фактами безумия в общественной жизни страны. Только за последние пять лет мы пережили две «народные» революции, разыгранные по безумному сценарию: штурм Белого дома – бегство президента – ночь мародерства. Нас, граждан унитарного (единого) государства, безрассудно делят на титульных и нетитульных, на северян и южан, на акаевцев, бакиевцев и отунбаевцев, на атажуртовцев, атамекеновцев, арнамысовцев и т. д. и т. п. Мы бессмысленно переосмыслили лозунг древнеримской черни «Хлеба и зрелищ»

на лозунг «Чем меньше хлеба, тем больше зрелищ», т. е. шоу (шоу-референдумов, шоу-выборов, шоу-митингов, шоу-национализаций, шоу-судилищ, шоу-самозахватов земель и т.п.). Грабежи, насилия, убийства стали нормой общественной жизни страны; они парализуют наш разум и побуждают граждан Кыргызстана спасаться бегством в другие страны.

Вывод напрашивается сам собой: в книге Дм. Ащеулова художественная правда адекватна жизненной правде – отсюда её остросоциальная и остросовременная направленность. Именно в этом главное достоинство книги как произведения общественно значимого и публицистически обнаженного.

Перед обсуждением книги в творческом клубе «Литературно-критическая среда» я провел блиц-опрос студентов, ознакомившихся с рассказами Дм. Ащеулова. Привожу некоторые, наиболее содержательные суждения начинающих критиков.

«Читая Ащеулова, мы смотрим в зеркало, отражающее мир, но попадаем в таинственное зазеркалье человеческого бытия».

«Ащеулов жесткий, ироничный реалист. Ему удалось выразить новый взгляд на общеизвестные истины».

«В принципе, художественное мышление Ащеулова глубоко реалистично. Если отодвинуть на второй план ирреализм, включающий мистику, абсурд, подсознание, то перед нами предстают до боли знакомые реалии современной жизни».

«По мнению Ащеулова, шизофрения – это единственная возможность существования человека среди мирового зла. Но когда шизофрения поглощает города и страны, это уже не спасение, а кара Господня».

«У Ащеулова недостаточно критическое отношение к слову. Ему надо учиться работать не только над словом, но и в слове».

Я целиком и полностью согласен с этими суждениями. Мне остается только сделать несколько обобщений в форме выводов.

Первое. Дмитрий Ащеулов уже своей первой книгой заявил о себе как о творческой индивидуальности. У него целостный художественный мир писателя-фантаста, сложившаяся поэтика – система изобразительно-выразительных средств, глубинная связь рассказов с современной жизнью.

Второе. Творчество Дмитрия Ащеулова вписывается в рам-

ки современного художественного мышления, которое обозначается термином постмодернизм. В отечественной русской литературе к писателям-постмодернистам относят Андрея Битова, Сашу Соколова, Дмитрия Пригова, Тимура Кибирова, Льва Рубинштейна, Юрия Мамлеева и других. В русской литературе Кыргызстана пальму первенства писателя-модерниста следует отдать, на мой взгляд, Дмитрию Ащеулову.

Третье. В первом номере журнала «Литературный Кыргызстан» за 2010 год Дмитрий Ащеулов опубликовал прозаический цикл под жанровым обозначением «Миниатюры» (так называют небольшие произведения, для которых характерно глубокое содержание при безукоризненно отточенной форме). В «Миниатюрах» я узнал автора сборника рассказов «Бальтазар Неверро», но вместе с тем отметил некоторые новые штрихи в творческом почерке писателя. Значит, Дмитрий Ащеулов не остановился на достигнутом, проявляет тягу к новаторству. Это хорошо.

Счастливого ему пути в большую литературу!

Элеонора П О Р Я Е В А

К О В Ш И К «КОВЧЕГА»

Как это началось?

Это было совсем недавно, три года назад, на Иссык-Куле, который мой друг поэт Талант Джолдошбеков назвал афродизи-аком – рождающим любовь.

...Киммерийские пейзажи Крыма меркнут перед простором и нежным рельефом иссык-кульской лагуны, в которой мы провели вместе две недели. Летняя школа для молодых писателей, организованная Фондом Чингиза Айтматова в 2008 году собралась, если мне не изменяет память, почти восемьдесят участников и их учителей, тех, кто помогал им писать в эти солнечные летние дни. Сегодня мы называемся «Инициативная группа молодых писателей Кыргызстана «Ковчег». Поэтический глаз одного из участников «Ковчег» – Есенжана Абубакирова – заметил, что домики, в которых мы жили в эти благословенные недели, до странности похожи на ветхозаветный ковчег, тот самый, в котором Ной спасал свою семью и разных зверушек от всемирного потопа. Это ощущение спасаемости и приподнятости над текущей где-то вдалеке реальностью не покидало нас всё время, проведенное в творческих разговорах. Оно возникало оттого, что мы были в одном смысловом поле, мы почти без слов понимали друг друга. Как же нам не хватает сегодня, в жёстком материальном мире, безусловного и прекрасного, – любви и поэзии. А этого нам было отмеряно в те дни удивительно щедро. Невозможно расстаться тем, кто испытал это счастье общего дыхания в чистом воздухе Слова.

Вот мы и не расстались. Есенжан, склонившись над гитарой, спел в который раз свою печальную песню, подобно Мэри из пушкинского «Пира во время чумы», о том, как «летают над водой наши души». Калифорнийская бронза, смешавшись с иссык-кульским мягким загаром, вступала в спор с его белозубой улыбкой. Сабина Рейнгольд, блестя вишневыми глазами, сказала простодушно и пылко: «Нам надо остаться вместе, мы должны стать группой, которая развивает интерес к творчеству молодых писателей в нашей стране». У неё так горели глаза, а Есен так пел, вкладывая душу в каждую ноту, в каждое слово... Мы уже знали, что нас связывает нечто большее, чем общие сертификаты участия в летней школе.

Так «Ковчег» начал свое плавание. Когда мы заявили о себе как об инициативной группе молодых писателей, кое-кому это показалось слишком амбициозным, дерзким, наглым даже... Смею сказать в ответ, что это нормально, особенно для молодых лет. Нормально и даже необходимо, чтобы человек сознавал свою миссию, брал на себя ответственность, как-то обозначал себя в этом мире. А там жизнь покажет, кто справится с этой ношей, кто, получив такой опыт, примется за другое... Жизнь мудрее нас, живущих и мудрствующих, как сказал персонаж пьесы русского драматурга Володина.

Это имеет смысл

Мы продолжили традицию, начатую на Иссык-Куле: собираемся до сих пор все вместе, читаем то, что написали, иногда – на заданные темы, чаще – то, что написалось само, просто из желания писать. Щедрый дар природы или Творца – слово – находит здесь свою реализацию. Строгие критики, почему-то присвоившие себе право судить, что хорошо, а что плохо, ворчливо объясняют это стремление к самовыражению гормональной бурей в стакане воды. Что ж, и так может быть. Но может – и иначе. Хорошо, когда человек, особенно молодой, чувствует, что он не только тело. Прорывая утолщающую оболочку материи, рвётся вверх душа – зелёная, нежная, гибкая. Только последний циник может подойти и сломать её нежный стебель. Я радуюсь, когда вижутаковую попытку тщетной – не ломается, а гнётся росток, мечтающий стать стволом.

«Ковчег» – это место, где молодые люди могут обменяться информацией о книгах, которые они прочитали, услышать прямо здесь и сейчас отзыв читателей, просто пообщаться в компании людей со сходными интересами. Конечно, есть масса взб-сайтов с форумами, позволяющими реализовать потребность такого общения. Но у меня такое ощущение, что многие уже поняли важность встречи «в реале». Глаза, живое, дышащее тепло человеческого голоса, интонации, жесты и прочая невербальная казуистика – всё это ужасно важно, когда ты ждёшь реакции на своё письменное детище, замирая от застенчивости, понимая свою ограниченность, но ощущая в себе ток духоподъемных сил...

Сегодняшним молодым людям выпало жить в эпоху перемен, по стремительности не знающих себе равных. Это – как гонки по автобану, когда не разобрать, что там написано на щитах вдоль дороги. Занятия литературой – в любом виде: письма, чтения, анализа – помогают сделать почти невероятное, сойти с автобана, припарковаться у дороги, увидеть росу на траве и услышать песню кузнечика... Вы спросите: зачем? Просто чтобы остаться человеком, а не приставкой к техническому устройству, не киборгом.

Есть еще одна проблема – влияние на сознание электронных СМИ, наполняющих человека всяким мусором, превращающих его в безмозглый ORANUS (© Виктор Пелевин), где OR – это рот, а остальное и так понятно. Смее надеяться, что «Ковчег» помогает всем его «пассажирам» противостоять этой трансформации и оставаться самими собой, находить себя.

Мы такие разные

Кто плывёт в «Ковчеге»? Рассылку по почте получают больше семидесяти человек, в разное время приходивших и приходивших на собрания «Ковчег». Здесь не всякой твари по паре, как говорит известный текст, но каждый – личность, со своим выражением лица и голосом. Студенты, школьники, люди разных профессий. Многие из них не только участники вышеупомянутой летней школы, но и авторы публикаций в сборниках – «Золотая табуретка», «Семена яблска», в разного рода он-лайн-изданиях (www.stihi.ru, www.prosa.ru). Данияр Орсеков пишет

прозу, отмеченную вниманием к личностям, которых по разным причинам не принимает общество, нестандартным, настойчиво ищущим свой путь в жизни. Его рассказы и повести отличает стремление создавать психологически достоверное повествование, тонко анализировать характеры, избегать однозначных решений. Артём Хегай, получивший в 2010 году премию «Выбор года № 1» в номинации «Проза молодых авторов», увлечен фэнтези, ему удается создавать вполне убедительные «параллельные миры». В повестях и рассказах Артёма есть то, что выдает в нём человека, профессионально занимающегося литературным творчеством, – знание внутренней органики текста. Он умеет создать живой образ, выстроить сюжет, довести его до конца, и внимание читателя для него очень важное понятие. Есть еще одна важная особенность его текстов – добрая интонация, устремленность к добру, истине, красоте, к тому, что так стремительно теряет современное общество. Алтынай Джуманазарова, или Афина, как мы её чаще зовём в своём кругу, «резкая, как нате!» и нежная, как крыло бабочки, поэт божьей милостью. Пиарщица, блоггерша, мастер encounter 'а, человек, которого никому не удалось ещё переиграть в «мафии», потрясающе остроумная, порой смеющаяся там, где нельзя, плачущая там, где иным смешно, – карнавальная личность. Афина не позволяет себе даже в обычной речи сказать что-то банальное, всегда «очень сама». Её посты в сети – самые посещаемые. Её стихи – трогательные и терпкие, смесь беззащитности и стоицизма. Умный, смелый, без «соплей с сахаром» взгляд на реальность, на себя, на других. Чёрно-белое кино. Резкие краски. Если бы она писала картины, в них нашлось бы место и ядовитого-лимонному, и благородно-белому, и глубоко-черному. Вот мелькнула полоска красного. Вот шмякнулась кровавая клякса. Вот среди этого хлама и скрежета зазвенела хрустальная нота нежности. послушайте её:

Здравствуйте, доктор. Меня просквозило опять.
Души болеют, как дети – неловко и часто,
Ждут от Вас чуда, рецепта стабильного счастья...
Вы бы и рады, наверно, да где же их взять?

Эти алхимики, право, искали не то.

И, исчерпавши лимит покупных удовольствий,
Думаешь: «Боже, пошли хоть солону, хоть мостик!»
Он посылаету .е. Покупаешь пальто

Сил не осталось на sos и на гиперпрыжок,
Дикие снежные пчелы роятся и жалят.
Доктор, скажите мне честно, я точно живая?
Ведь больно должно быть должно быть должно...

Когда я читаю «Афинские» стихи, я мысленно вижу разрушенный акрополь души, желаемой, как в кино, собраться в обратном ходе времени в прекрасную цельность.

Кристина Убайдуллаева, чьи стихи рождаются с естественностью пичьего пения, с самого начала поразила всех нас мелодичностью интонаций, женственностью и нежностью речи. Она бывает резкой и насмешливой, очарованной и смиренной. Её стихи можно слушать, как музыку.

Дмитрий Сагайдак – несомненно, поэтически одарённый человек, который постигает науку стихосложения, но понимает также несравненную ценность поэтического прозрения. Интересные сюжеты, эксперименты с формой, яркий лирический герой – то, чем интересен Дмитрий как поэт. На мой взгляд, поэт в своих стихах всегда задает некую вертикаль смысла, заставляет выпрямить спину и посмотреть ввысь. Подняться на гору. Это естественно, что у молодого человека жажда восхождения сильнее жажды дороги, «длинной, скучной». Такой жадой наполнены стихи и рассказы Александра Шабалина, студента гуманитарного факультета КРСУ, автора романтического и скептического одновременно. Он любит сложные смысловые конструкции, пробует себя в «автоматическом письме», в отражении «потока сознания». Для меня это свидетельство искренности по отношению к себе и своему сочинительству. Мастерство диалога успешно осваивает Александр Молчанов, начинающий поэт, автор рассказов и строгий критик. На мой взгляд, Молчанов – самый требовательный в этическом смысле автор, он часто использует иносказание, почти репортажную речь, в его текстах всегда выверена моральная оценка рассказанной истории. Совсем далёк от такого типа письма Константин Кондратенко, дипломированный психо-

лог и автор весьма неоднозначных текстов, в которых смешались кафкианский абсурд, психоанализ бессознательного и го- тические приёмы описания реальности.

Я назвала далеко не всех, кто приходит в «Ковчег». Есенжан Абубакиров сегодня специалист по мировым религиям, а также поэт и музыкант, пишет диссертацию. Его сестра Асель Абубакирова, тоже участница «Ковчеха», живет в Петербурге, кандидат наук в области культурологии и автор отличных повестей для подростков. Сабина Рейнгольд, так много сделавшая для «Ковчеха» в смысле идей и организации наших мероприятий, была также нашим пиарщиком, за что мы ей очень благодарны. Она сейчас профессионально занимается PR; я уверена, что и «Ковчег» дал ей многое, а главное – возможность понять себя, свои сильные стороны и развить их. Именно Сабине мы обязаны идеями и организацией бук-кроссингов, привлечших внимание многих в Бишкеке. Именно она сделала многое для участия «Ковчеха» в “BarCamp”. Идеиную и организационную поддержку «Ковчеха» осуществлял также Борис Санамянц, не человек, а фонтан идей.

В чем наши цели?

Кажется, я уже объяснила это выше, просто добавлю немного официальных слов. Как это мы определили для себя, наша главная цель – создать площадку для общения молодых авторов, где они могли бы обмениваться опытом.

Вторая цель – получать «обратную связь» с читателями. Как-то так получилось, что в обществе массовых коммуникаций стало много писателей, но мало читателей. «Ковчег» – место, где есть читатели, и читатели со вкусом, умеющие отличить хороший текст от плохого.

Третья и вполне естественная цель – публикации. «ЛК» любезно обещал предоставить нам место в следующем номере, например.

Последняя – содействовать повышению интереса молодежи к литературе.

Как мы достигаем цели?

Средства для достижения этой цели достаточно традиционные: встречи, обсуждения, тренинги, обмен книгами (бук-

кроссинги), вечера музыки и поэзии. Сейчас встречи проводятся в АУЦА по субботам. Раньше мы пользовались гостеприимством разных членов «Ковчег» (за что им огромное спасибо!) – Кости Кондратенко, Дениса Недельченко, Бориса Санамянца.

На наши встречи мы приглашаем мастеров прозы и поэзии – Светлану Суслову, Вячеслава Шаповалова, Турусбека Маддылбая, Таланта Джолдошбекова (Талант был учителем группы поэзии в Летней школе). Эти встречи есть мост между поколениями и авторами, их необходимость для обеих сторон бесспорна.

Главными достижениями за три года мы считаем два тренинга для молодых писателей, которые «Ковчег» провел, получив гранты от Фонда Сорос-Кыргызстан. Принцип тренингов – равный равному, т.е. сами члены «Ковчег» делились своим опытом с теми, кто пробует свои силы в литературе.

Тренинги и совместные встречи активизируют творческую активность, авторы хотят увидеть свои тексты опубликованными. У нас есть страничка на сайте www.literatura.kg – наши благодарности и уважение создателю и хранителю сайта Олегу Бондаренко. Стихи Алтынай Джуманазаровой опубликовал московский «толстый» журнал «Дружба народов» (рекомендации дал Вячеслав Шаповалов). Кристина Убайдуллаева и Дмитрий Сагайдак печатались в «Литературном Кыргызстане». Рассказ Данияра Орсекова был опубликован в США на английском языке.

Кроме того, мы реализуем свою цель привлекать к чтению молодых людей через свободный обмен книгами, так называемые бук-кроссинги. Приносишь книжку, которую ты уже прочитал, и можешь обменять на другую по договору – вот несложный механизм этого «мероприятия». «Ковчег» обычно сопровождает такое общение книголюбів чтением стихов, музыкой, которую исполняют также молодые люди, приглашенные на бук-кроссинг.

И, наконец, мы участвуем в друиx культурных мероприятиях для молодёжи. Так, в феврале 2011 года поэты «Ковчег» читали свои стихи на вечере музыки и поэзии «Особая реальность» в рамках фестиваля «Сны о чем-то большем». Среди наших друзей – молодёжный театр «Место Д»

Открытая дверь

У слова «ковчег» есть родственник – ковш, ковшик, то есть сосуд, в котором подносят питьё жаждущему. Духовная жажда – это то, что отличает человека от других живых существ. Думаю, что в какой-то мере «Ковчег» утоляет эту жажду и помогает совершать свое внутреннее восхождение. В «Ковчег» приходят запросто, потому что он всегда готов принять тех, кто хочет оказаться на его палубе, может, даже порулить, потому что атмосфера в нем демократическая и позитивная. Мы всегда открыты тем людям, кто приходит в нашу компанию с добрыми намерениями и творческими планами.

Коротко об авторах

Алексей Агибалов

Родился в 1940 году. Окончил музыкальное училище им. Гнесиных (г. Москва). Занимался педагогической деятельностью. Знаменитый гитарист-семиструнник, композитор. Дипломант Международных фестивалей. Единственный композитор, пишущий произведения для гитары с симфоническим оркестром. Автор книги «Плач гитары» и ряда рассказов, опубликованных в «Литературном Кыргызстане». Увлекается альпинизмом и горными лыжами.

Дмитрий Ащеулов

Родился в городе Фрунзе, окончил Бишкекский архитектурно-строительный колледж. С 1998 года печатается в журнале «Литературный Кыргызстан». В 1999 году стал лауреатом республиканского литературного конкурса «Наследники пушкинского пера». В 2010 году вышел сборник его рассказов «Бальтазар Неверро». Работает в республиканской газете «Слово Кыргызстана».

Олег Бондаренко

Родился в 1960 году – россиянин, проживающий с 1990-х в Бишкеке. Работает в частной компании. В качестве хобби занимается научными и философскими исследованиями. Разработал новое междисциплинарное направление, альтернативное синергетике, – нелинейный уровневый подход. Автор свыше десятка книг. Публикации в России, Кыргызстане, Японии, США (в издательстве Гарвардского университета). Для души иногда пишет рассказы. Создатель и главный редактор сайта www.literatura.kg

Александр Камышев

Родился в 1953 году в Кемеровской области. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. До 1993 года работал начальником буровой партии в институте КиргизГИИЗ. В 2002 году защитил кандидатскую диссертацию по двум специальностям «Отечественная история» и «Ар-

хеология». В настоящее время работает экспертом в антикварно-нумизматическом салоне и преподает в Славянском университете. Является автором пяти книг и более 200 научных и популярных статей по нумизматике и археологии. В 2005 году дебютировал в «Литературном Кыргызстане» с рассказом «Ваха». С тех пор в журнале регулярно публикуются его рассказы и повести.

Турар Койчүев

Родился в 1938 году в с. Сары-Булак Калининского района. Окончил экономический факультет Киргосуниверситета. Полвека занимается научно-педагогической деятельностью. Автор десятков монографий, сотен статей. Доктор экономических наук, профессор, академик. Лауреат Госпремии Кыргызской Республики. С 1974 года публикует в «Литературном Кыргызстане» очерки, статьи и рассказы.

Александр Никитенко

Родился в 1948 году в Душанбе. С 1951 года живет в Бишкеке. Окончил Киргосуниверситет. Работал редактором в Госкомиздате, ответственным секретарем в «Литературном Кыргызстане», газетах «Вечерний Бишкек», «Моя столица», ныне – редактор отдела газеты «МСН». Александр Никитенко публикуется в нашем журнале с 1967 года. В прошлом году он выпустил в свет свою четырнадцатую поэтическую книгу.

Элеонора Прояева

Филолог, литературный критик. Родилась в городе Фрунзе. Закончила Киргизский государственный университет. Преподает литературу в Американском университете в Центральной Азии. Вместе со своими друзьями создала инициативную группу молодых авторов «Ковчег».

Михаил Рудов

Родился в 1929 году в г. Вудня Смоленской области. Окончил филологический факультет Киргосуниверситета. Около шестидесяти лет посвятил научно-педагогической деятельности в вузах республики. Автор многих монографий и статей. Кандидат филологических наук, профессор Славянского университета. Учи-

тель большинства известных сегодня русскоязычных филологов, писателей и критиков республики. Помимо литературоведения, критики, переводной литературы, плодотворно работает в области басни, лирической поэзии.

Николай Труханов

Окончил в начале семидесятых годов прошлого века Фрунзенский политехнический институт, два с лишним десятилетия проработал инженером-механиком на заводе имени Ленина. Уже тогда стал увлекаться туризмом, горными лыжами, а позже – еще и парусным спортом. Это увлечение, заполняя его до краев, и побудило взяться за перо, чтобы рассказывать о людях, которым приобщение к миру природы, сближение с ней дает ощущение окрыленности, полета. В 2007 году вышел сборник рассказов и повестей Труханова «Пора звездопадов». Постоянный автор «Литературного Кыргызстана»

Георгий Хлыпенко

Родился в 1938 году в с. Садовое Чуйской области. Окончил филологический факультет Киргосуниверситета. Полвека занимается научно-педагогической деятельностью. Литературный критик. Автор многих монографий и статей. Кандидат филологических наук, профессор Славянского университета. Выступает с критическими обзорами художественной литературы в «Литературном Кыргызстане» с 1970 года

Вячеслав Шаповалов:

Вячеслав Иванович Шаповалов родился в 1947 году во Фрунзе (ныне Бишкек, Кыргызская Республика). Народный поэт Киргизии, лауреат государственной премии КР, заслуженный деятель культуры КР. Автор многих поэтических сборников, книг переводов киргизской поэзии и поэзии Запада и Востока. Стихи публиковались в ряде стран Европы и Азии. Доктор филологических наук, профессор.

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терегуловой

Подписано в печать 10.03.2011г. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 12. Заказ 32.